

Николай Носов

Незнайка
на
Луне

КНИГА 2

«РОСМЭН»

Николай Носов

Незнайка
на
Луне

РОМАН-СКАЗКА
Книга вторая

Рисунки Т. Валька

МОСКВА «РОСМЭН» 1996

ЧАСТЬ III

Глава восемнадцатая

КАК СКУПЕРФИЛЬД ПОПАЛ В ЛОВУШКУ

Спрятав полученные чеки в несгораемый шкаф, господин Спрутс распрощался с капиталистами и велел секретарше отправить Крабсу следующую телеграмму:

«Бреддам состоялся. Двум ослам один на двоих. Телеграфируйте согласие. Спрутс».

Получив эту телеграмму, Крабс понял, что Спрутс решил дать Миге и Жулио не два, а лишь один миллион. Это нисколько не удивило Крабса, так как он хорошо знал, что господин Спрутс действует всегда осмотрительно и на ветер денег бросать не станет. Крабса удовлетворяло то, что Спрутс не отказался уплатить деньги, и теперь можно было надеяться, что, согласившись распрощаться с одним миллионом, он под конец расстанется и с двумя.

Всесторонне обдумав создавшееся положение, господин Крабс решил ничего не говорить о полученной телеграмме Миге и Жулио, так как, узнав ее содержание, они тоже пришли бы к мысли, что дела складываются, в общем, успешно, и могли бы еще больше повысить цену за свое исчезновение. Встретившись с ними, господин Крабс сказал, что никаких известий от господина Спрутса нет, но надежды на успешное завершение дела терять не следует.

Его заявление все же опечалило господина Жулио, которому не терпелось поскорее удрать со всеми деньгами.

— Очень жаль, что господин Спрутс не торопится, — сказал Жулио. — Наша торговля акциями подходит к концу, и сейчас как раз самое время смотреть удочки, то есть, попросту говоря, улетучиться.

— Хорошо, — сказал Крабс. — Я пошлю телеграмму Спрутсу и попытаюсь ускорить дело.

В действительности Крабс никому не стал в этот день телеграфировать. Вместо этого он пошел в ресторан и сытно пообедал. Потом вернулся к себе в гостиницу, всхрапнул часок, потом искупался в плавательном бассейне, после чего снова встретился с Мигой и Жулио. Собравшись втроем, друзья сначала поужинали, а потом отправились в ночной театр, где за небольшую плату разрешалось швырять в актеров гнилыми яблоками, и как следует повеселились.

Проснувшись на следующий день, господин Крабс никому не сказал ни слова и отправил Спрутсу такую телеграмму:

«Два осла требуют два. На один не согласны. Что делать? Крабс».

В ответ от Спрутса в тот же день была получена телеграмма, в которой стояло лишь одно слово:

«Уговаривайте».

Получив эту телеграмму, Крабс выждал еще денек и, ничего не сказав ни Миге, ни Жулио, ответил Спрутсу двумя словами:

«Уговаривал. Упираются».

Неизвестно, до чего бы дошел этот обмен телеграммами, если бы на следующее утро в гостинице, где остановился господин Крабс, не появился вдруг Скуперфильд со своей палкой в руках и в обычном своем наряде, который состоял из черного длиннополого пиджака с двумя разрезами на спине, черных брюк и черной высокой шляпы, известной под названием цилиндра. Столкнувшись с Крабсом, который как раз в этот момент выходил из гостиницы, Скуперфильд раскрыл широко объятия и завизжал своим отвратительным голосом:

— А, здравствуйте, господин Крабсик! Очень рад видеть вас!

— Здравствуйте, — сказал Крабс, стараясь растянуть свои губы в улыбке, хотя видно было, что встреча с этим всемирно известным скрягой не доставляла ему никакой радости.

— Как поживаете? Как ваше здоровье? — явно стараясь завязать разговор, спросил Скуперфильд.

— Здоровье мое хорошо, — сказал Крабс.

— Я тоже себя паршиво чувствую, — подхватил Скуперфильд, не расслышав ответа Крабса, и продолжал: — Какое счастье встретить знакомое лицо в этом чертовом Давилоне. Наш Брехенвиль в тысячу раз лучше. Вы не находите?

— Брехенвиль — город прекрасный, но в Давилоне тоже неплохо, уверяю вас.

— Совершенно с вами согласен, — закивал головой Скуперфильд, — такого скверного городишки я еще нигде не видал, провалиться бы ему тут же на месте! У меня к вам вопрос. Вы, я вижу, живете в этой гостинице. Как она, по-вашему, хороша?

— Очень хорошая гостиница, — подтвердил Крабс.

— Но дорогая, должно быть? А?

— Да, несколько дороговата.

— Вот видите, провались она тут же на месте! У меня есть предложение. Если хотите, я не буду брать для себя номер, а поселюсь в одном номере с вами. Таким образом, каждому из нас придется платить вдвое дешевле. Как вы на это смотрите? А?

Господину Крабсу не очень улыбалась перспектива иметь такого сожителя, однако, пока шел весь этот разговор, он успел сообразить, что Скуперфильд неспроста прибыл в Давилон. Подумав об этом, он решил потесниться и, пользуясь близостью к Скуперфильду, постараться выведать его планы.

Вернувшись с господином Скуперфильдом в свой номер, господин Крабс сказал:

— Располагайтесь, пожалуйста. Места, как видите, на двоих хватит.

Окинув помещение взглядом и изобразив на лице подобие улыбки, которую с таким же успехом можно было принять за гримасу отвращения, господин Скуперфильд поблагодарил Крабса и отправился прямо в ванную. Там он стащил с головы цилиндр, вынул из него зубную щетку и зубной порошок, полотенце, полдюжины носовых платков, запасные носки, два старых гвоздя и кусок медной проволоки, подобранные им где-то на улице. По всей очевидности, цилиндр у господина Скуперфильда служил не только в качестве головного убора, но и в качестве дорожного чемодана, а также склада для утильсырья.

Спрятав все эти вещи в шкафчик, господин Скуперфильд достал из своего цилиндра еще кусок земляничного мыла, но тут же заметил на полочке у рукомойника другой, точно такой же кусок мыла, принадлежавший Крабсу. Положив свое мыло рядышком, господин Скуперфильд некоторое время смотрел на оба эти куска, после чего принялся стара-

тельно намыливать руки и щеки; однако не своим мылом, а тем, которое лежало рядом. При этом он от души радовался, что ему удалось навести таким образом экономию.

Умывшись как следует, господин Скуперфильд решил также почистить зубы, причем совал зубную щетку не в ту коробочку, где был его порошок, а в ту, которая принадлежала Крабсу. Почистив зубы, господин Скуперфильд еще долгое время открывал то одну коробочку, то другую, стараясь определить, какой порошок лучше пахнет: тот, который принадлежал ему, или принадлежавший Крабсу. Кончились эти эксперименты тем, что он чихнул как раз в тот момент, когда совал свой нос в коробку, и весь порошок взвился кверху на манер облака.

Увидев, какой колоссальный расход зубного порошка произошел по его собственной неосторожности, господин Скуперфильд пришел в уныние. Заметив, однако, что держал в руках не свою коробку, а принадлежавшую Крабсу, Скуперфильд моментально утешился. Убедившись к тому же, что в коробке осталось еще немного зубного порошка, он пересыпал часть его в собственную коробку и, окончательно придя в хорошее настроение, вернулся в комнату.

— Как хорошо, что я встретился с вами, — сказал он поджидавшему его Крабсу. — Я, правда, хотел поговорить сперва с этими двумя слабыми Мигой и Жулио, но думаю, что большой разницы не будет, если поговорю с вами. Я даже думаю, что так будет лучше. Объединившись вместе, мы можем обтяпать выгодное дельце. Вы меня понимаете?

— В чем же заключается ваше дельце? — заинтересовался Крабс.

— Как вам уже должно быть известно, большой бредлам согласился уплатить двум этим аферистам три миллиона фертингов... — начал господин Скуперфильд.

Господину Крабсу как раз ничего о трех миллионах фертингов не было известно, поскольку он знал, что требования Миги и Жулио ограничивались двумя миллионами. Он, однако, тут же сообразил, что господин Спрутс решил поднажиться на этом деле и увеличить сумму, с тем чтоб миллион фертингов положить в свой карман. Не подав вида, что узнал от Скуперфильда важную тайну, господин Крабс сказал:

— Да, да, мне это, конечно, известно.

— Ну так вот, — продолжал Скуперфильд. — Могу вас уверить, что большой бредлам согласится дать не три, а четыре и даже пять миллионов. Мы с вами можем подсказать Миге и Жулио, что требовать нужно пять миллионов, и поставим условие, чтоб, получив деньги, они отдали миллион нам. Ведь нам с вами неплохо будет получить по полмиллиончика, а? Денежки не маленькие! А?

Слушая Скуперфильда, Крабс прикидывал в уме все выгодные и невыгодные стороны предлагаемого Скуперфильдом дельца. Он, конечно,

сразу понял, что для него самого это дело невыгодное, так как, выступив против большого бредлама, он рисковал навлечь на себя гнев всесильных капиталистов, которые не простили бы ему, если бы он одурачил их. Вместе с тем Крабс видел, что Скуперфильд затеял опасную игру. Сбитые с толку, Мига и Жулио могли бы не остановиться на требовании пяти миллионов, и тогда неизвестно, чем бы все это кончилось. Выведав в разговоре, что Скуперфильд отказался внести свою долю денег и удрал с заседания большого бредлама, Крабс решил не раскрывать ему своих планов и сказал:

— Охотно помогу вам, господин Скуперфильд. Если хотите, мы хоть сейчас отправимся к Миге и Жулио. Они живут на даче за городом. Мы мигом домчим на моей машине. Заодно можно будет и пообедать у них.

— Пообедать, что ж, это можно, — обрадовался Скуперфильд. — Хорошо бы и пообедать, а то здесь в ресторанах такие цены дерут с посетителей, чтоб им провалиться на месте, прямо никаких капиталов не хватит. Можно и пообедать.

— Вот и хорошо, — сказал Крабс. — С вашего разрешения я только на минуточку отлучусь, и мы поедем.

Выйдя из номера, господин Крабс подозвал посыльного и велел ему отнести на почту следующую телеграмму Спрутсу:

«С ослами пора кончать. В городе появился брехенвильский скупец Скуперфильд. За последствия не отвечаю. Крабс».

— Вот и все, — сказал он, вернувшись в номер. — Теперь можно и отправляться.

Господин Скуперфильд надел свой цилиндр, и через пять минут они уже мчались по городу в шикарной восьмицилиндровой автомашине, принадлежащей Крабсу. Настроение у Скуперфильда было отличное. Он от души радовался тому, что бесплатно прокатится на шикарной машине и вдобавок пообедает на даровщинку, не говоря уже о том, что предстояла возможность обтяпать, как он выражался, выгодное дельце.

Совершив несколько поворотов и промчавшись по улицам, машина выехала из города и понеслась по ровному и прямому, словно стрела, асфальтированному шоссе. По правую и левую сторону дороги тянулись поля то с цветущим лунным подсолнечником, то с гречихой, распростиравшей в воздухе приятный, сладковатый медовый запах, то с волнующейся, словно море, колосющейся лунной пшеницей. Машина проносила мимо деревень с садами и огородами. Скуперфильд оживленно вертел во все стороны головой. Вид природы приводил его в восторг. Заметив на лугу стадо овец или пасущуюся козу на привязи, он толкал Крабса под локоть и, волнуясь, кричал:

— Смотрите, смотрите, овечки! Честное слово, овечки, чтоб мне про-

валиться на месте! Какие миленькие! А вон коза! Смотрите, коза! Да что же вы не смотрите?

Крабс, который сидел за рулем, только посмеивался втихомолку. Неожиданно дорога описала большую дугу, и за поворотом открылся зеленый луг с огромным прудом, посреди которого плавали белые гуси. Вид спокойной воды с цветущими лилиями и кувшинками, с белоснежными птицами, без всякого усилия державшимися на зеркальной глади пруда, до такой степени подействовал на господина Скуперфильда, что он застыл от восторга и не мог произнести ни слова. Вцепившись в рукав господина Крабса, он некоторое время молча тряс его руку, после чего закричал прямо в ухо:

— Гуси! Гуси!

— Да что вы, гусей никогда в жизни не видели? — удивился Крабс.

— Не видел, чтоб мне провалиться на месте, честное слово! То есть, вернее сказать, не помню уже, когда видел. Ведь я, честно сказать, никогда не бываю за городом.

— Вы это серьезно? — недоверчиво спросил Крабс.

— Честное слово, господин Крабс. Когда же мне? Я всю жизнь занимался добычей денег и ни разу даже в зоопарке не был. Да и чего я туда пойду? Ведь за вход надо деньги платить. Этак-то вконец разориться можно!.. Скажите, вот еще что выдумали! Я ведь не съем этих зверей, если посмотрю на них. За что же тут деньги платить?

— Но зверей ведь тоже чем-нибудь надо кормить, вот деньги и нужны на корм, — сказал Крабс.

— Вот еще! — проворчал Скуперфильд. — Ну и пусть дураки деньги зверям на корм дают, а мне это не по карману. Думаю, звери как-нибудь и без меня проживут.

— Но вы, я вижу, все-таки очень любите животных, — сказал господин Крабс.

— Люблю, чтоб мне провалиться, это вы верно подметили. Иной раз увидишь какую-нибудь зверушку, так и хочется ее приласкать или погладить, слово какое-нибудь хорошее ей сказать, даже поцеловать... Вот, не верите? Честное слово! Один раз встретил на улице собачонку. Настолько хорошенький оказался цуцик, что я тут же решил зайти в магазин и купить ему ливерной колбасы, да, к счастью, не оказалось при себе мелких денег, а менять бумажку в десять фертингов не захотелось. Деньги, знаете, такая вещь: пока десятка целенькая — это десятка, а истрать из нее хоть пять сантиков — это уже не десятка. Гм!

— Вот приедем к Миге и Жулио, вы у них увидите разных животных, — сказал господин Крабс. — У них на даче пруд, а на пруду этом и гуси, и утки, и селезни, даже лебеди есть.

— Неужели и лебеди?

— Да, а в саду прямо на воле живут кролики, цесарки, фазаны. Кроме того, у них маленький ручной медвежонок есть. Такой симпатичный!

— Да что вы? И не кусается?

— Зачем же? Ласковый, как ягненок.

— И его можно погладить?

— Конечно. Вот приедем, и можете гладить сколько угодно.

Господин Скуперфильд даже заерзал на месте от нетерпения. Ему хотелось поскорее увидеть медвежонка и приласкать его.

Господин Крабс между тем уже давно свернул с шоссе и вывел машину на лесную дорогу, по обеим сторонам которой возвышались лунные кедры, дубы, каштаны, а также заросли лунного бамбука. Все эти деревья были не такие большие, как наши земные, а карликовые, как и остальные растения на Луне. Выбрав место, где деревья росли не особенно густо, господин Крабс сбавил скорость, повернул руль, и машина поехала по лесу, совсем уж без всякой дороги.

Ощувив тряску и оглядевшись по сторонам, господин Скуперфильд обнаружил, что они едут по лесной целине, и спросил:

— Зачем же это мы свернули с дороги?

— А это мы напрямик, — сказал Крабс. — Так будет быстрее.

Углубившись достаточно в лес, Крабс неожиданно остановил машину, после чего вылез из кабины и, открыв капот, принялся ковыряться в моторе. Выключив незаметно систему зажигания, он залез обратно в машину и принялся нажимать ногой на педаль стартера. Стартер скрежетал, словно бил по железу плетью, но мотор не хотел заводиться.

— Заело? — сочувственно спросил Скуперфильд.

— Заело! — озабоченно подтвердил Крабс.

Он снова вылез из кабины, поковырялся в моторе, опять попробовал завести его. Наконец сказал:

— Должно быть, двигатель перегрелся. Придется нам с вами пройти пешком. Здесь, впрочем, недалеко.

Скуперфильд нехотя вылез из кабины. Господин Крабс открыл багажник, вынул из него свернутую жгутом веревку и незаметно сунул ее в карман, после чего захлопнул дверцы кабины и зашагал прямо в лесную чащу. Господин Скуперфильд плелся за ним, спотыкаясь о кочки и чертыхаясь про себя на каждом шагу.

Вскоре господин Крабс увидел, что место, куда они зашли, было достаточно глухое, и, остановившись, сказал:

— Кажется, мы не туда забрели. Что вы на это скажете?

— Что же я могу, голубчик, сказать? Ведь не я вас веду, а вы меня, — резонно заметил Скуперфильд.

— Это действительно верно! — проворчал Крабс. — Ну ничего, сей-

час я взберусь на дерево и погляжу сверху, в какую сторону нам идти. Помогите-ка мне вскарабкаться вот хотя бы на этот кедр.

Они вместе подошли к кедру, который был несколько выше других деревьев. Поглядев вверх и обнаружив, что сучья, за которые можно было бы ухватиться руками, находятся на большой высоте, господин Крабс прислонил Скуперфильда спиной к стволу и сказал:

— Стойте здесь, сейчас я заберусь к вам на плечи и тогда смогу дотянуться руками до веток. Подождите только чуточку, я сначала сниму ботинки.

Крабс наклонился, но не стал снимать ботинки, а незаметно вытащил из кармана веревку и в один миг привязал Скуперфильда к стволу поперек живота.

— Эй! Эй! — закричал Скуперфильд. — Зачем это вы делаете?

— Ну, мне ведь надо привязать вас к дереву, а то вы еще упадете, когда я стану взбираться к вам на плечи, — объяснил Крабс.

Сказав так, Крабс принялся бегать вокруг кедра, не выпуская веревки, в результате чего и руки и ноги господина Скуперфильда были плотно прихвачены к дереву, да и он сам оказался обмотанным веревкой, словно булонская колбаса.

— Эй, бросьте шутить! — кричал Скуперфильд, чувствуя, что не в силах пошевелить ни одним членом. — Освободите меня сейчас же, или я позову на помощь.

— Зачем же на помощь звать? — возразил Крабс. — Я и сам помогу, если вам что-нибудь надо.

С этими словами Крабс поднял свалившийся со Скуперфильда цилиндр и водрузил обратно ему на голову, а оброненную им трость поставил рядышком, прислонив к стволу дерева.

— Вот видите, как хорошо, — сказал он.

— Развяжите меня, или я буду плевать! — завопил Скуперфильд.

— Зачем же плевать? Это невежливо, — ответил Крабс.

Скуперфильд, однако, плюнул, но не попал в Крабса.

— Вот видите, как нехорошо, — хладнокровно сказал Крабс. — Теперь я вынужден буду заткнуть вам рот.

Он вытащил из кармана кусок грязной тряпки, служившей для протирки автомашины, скомкал его и сунул в рот Скуперфильду, а чтоб он не мог выплюнуть этот кляп, завязал ему еще рот носовым платком. Теперь Скуперфильд имел возможность только потихоньку мычать и трясти головой.

— Ну что ж, — сказал Крабс, внимательно оглядев Скуперфильда со всех сторон. — Кажется, все сделано правильно. Дышите тут воздухом, наслаждайтесь природой. Думаю, что к концу дня я успею вернуться и освободить вас. А сейчас пока советую вам не тратить зря силы и не пытаться вырваться. Все равно это ни к чему не приведет.

Помахав Скуперфильду на прощание ручкой, господин Крабс вернулся к оставленной посреди леса машине, сел в нее и поехал обратно в город.

Глава девятнадцатая БЕГСТВО

Первое, что увидел господин Крабс, вернувшись в гостиницу, была телеграмма, полученная от Спрутса:

«С ослами кончайте. Два миллиона получите в банке. Об исполнении телеграфируйте. Спрутс».

Прочитав телеграмму, Крабс тут же позвонил по телефону Миге и Жулио и вызвал их к себе.

— Вот что, ребяташки, — сказал он, как только Мига и Жулио приехали. — Теперь надо действовать без промедления. Купите большой чемодан, уложите в него все денежки, вырученные от продажи акций, и приезжайте сюда с этими вашими Козликом и Незнайкой. Здесь вас будет ждать другой чемодан с двумя миллионами, которые я получу для вас в банке. Отсюда мы с вами двинемся в Грабенберг, а из Грабенберга вы можете отправляться дальше, куда вам вздумается. Вы куда решили уехать?

— В Сан-Комарик. Есть такой город на берегу моря. Поживем в Сан-Комарике, пока не надоест, а потом отправимся путешествовать, — ответил Мига.

— Вот и замечательно! — сказал Крабс. — В Сан-Комарике можно прекрасно повеселиться. Впрочем, с деньгами везде хорошо.

— Думаю, что всем сразу не следует уезжать, — сказал Жулио. — Это может показаться подозрительным. Мы с Мигой уедем сегодня, а Незнайка с Козликом могут уехать завтра. Мы им купим билет на поезд.

— Можно и так, — согласился Крабс. — Действуйте, а я отправлюсь в банк за деньгами.

Расставшись с Мигой и Жулио, Крабс не поехал сразу же в банк, а заехал сначала в редакцию газеты «Давилонские юморески». Хозяином этой газеты был не кто иной, как господин Спрутс, иначе говоря, она издавалась на Спрутсовы средства. Здание редакции, а также все печатные машины и все оборудование типографии принадлежали Спрутсу. Все сотрудники, начиная от редактора и кончая самым незначительным наборщиком, оплачивались из денег, которые давал Спрутс. Правда, и доход, который получался от продажи газет, целиком поступал в распоряжение Спрутса.

Нужно, однако, сказать, что доход этот был не так уж велик и час-

тенько не превышал расходов. Но господин Спрутс и не гнался здесь за большими барышами. Газета нужна была ему не для прибыли, а для того, чтобы беспрепятственно рекламировать свои товары. Осуществлялась эта реклама с большой хитростью. А именно: в газете часто печатались так называемые художественные рассказы, причем если герои рассказа садились пить чай, то автор обязательно упоминал, что чай пили с сахаром, который производился на спрутсовских сахарных заводах. Хозяйка, разливая чай, обязательно говорила, что сахар она всегда покупает спрутсовский, потому что он очень сладкий и очень питательный. Если автор рассказа описывал внешность героя, то всегда, как бы невзначай, упоминал, что пиджак его был куплен лет десять — пятнадцать назад, но выглядел как новенький, потому что был сшит из ткани, выпущенной Спрутсовской мануфактурой. Все положительные герои, то есть все хорошие, богатые, состоятельные или так называемые респектабельные коротышки, в этих рассказах обязательно покупали ткани, выпущенные Спрутсовской фабрикой, и пили чай со спрутсовским сахаром. В этом и заключался секрет их преуспевания. Ткани носились долго, а сахару, ввиду будто бы его необычайной сладости, требовалось немного, что способствовало сбережению денег и накоплению богатств. А все скверные коротышки в этих рассказах покупали ткани каких-нибудь других фабрик и пили чай с другим сахаром, отчего их преследовали неудачи, они постоянно болели и никак не могли выбиться из нищеты.

Помимо подобного рода «художественных» рассказов, в газете печатались обычные рекламные объявления, прославлявшие спрутсовский сахар и изделия Спрутсовской мануфактуры. Само собой разумеется, что ни рекламные объявления, ни художественные рассказы не могли привлечь особенного внимания публики, поэтому в газете ежедневно печатались сообщения об интересных событиях и происшествиях, а также различные юморески, то есть крошечные забавные рассказы или анекдоты, специально для того, чтоб насмешить простодушных читателей. Читатель, купивший газету с целью почитать юморески, заодно проглатывал и «художественные» рассказы, что, собственно говоря, от него и требовалось.

Войдя в кабинет редактора, которого, кстати сказать, звали Гризлем, господин Крабс увидел за столом, заваленным разными рукописями, коротышку, с виду напоминавшего толстую старую крысу, нарядившуюся в серый пиджак. Первое, что в нем бросалось в глаза, было удлиненное, как бы вытянутое вперед лицо с гибким, подвижным носиком, узеньким ртом и коротенькой верхней губой, из-под которой выглядывали два остреньких, ослепительно белых зуба.

Увидев Крабса, с которым давно был знаком, господин Гризль рас-

плылся в улыбке, отчего оба зуба еще больше вылезли из-под верхней губы и уперлись в коротенький подбородок.

— Что-нибудь спешное и, насколько я могу догадаться, важное? — спросил Гризль, поздоровавшись с Крабсом.

— Вы догадливы, как всегда! — рассмеялся Крабс.

— Догадаться, впрочем, нетрудно, так как мелкие распоряжения господин Спрутс всегда отдает письменно или диктует по телефону, — ответил Гризль.

— На этот раз дело такое, которое ни телефону, ни почте доверить нельзя, — сказал Крабс.

Оглянувшись на дверь и убедившись, что она плотно закрыта, господин Крабс придвинулся к Гризлю поближе и, понизив голос, сказал:

— Дело касается гигантских растений.

— А что, Общество гигантских растений может лопнуть? — насторожился Гризль и пошевелил своим носом, как бы к чему-то принюхиваясь.

— Должно лопнуть, — ответил Крабс, делая ударение на слове «должно».

— Должно?.. Ах, должно! — заулыбался Гризль, и его верхние зубы снова впились в подбородок. — Ну, оно и лопнет, если должно, смею

уверить вас! Ха-ха!.. — захохотал он, задирая кверху свою крысиную голову.

— Нужно поместить в газете небольшую статью, которая бросила бы тень на это общество, — принялся объяснять Крабс. — Владельцы гигантских акций должны почувствовать, что они имеют дело с жуликами и что все их акции в сущности не представляют никакой ценности. Однако ж ничего категорически утверждать не следует. Надо только посеять некоторое сомнение.

— Понимаю, — ответил Гризль. — Достаточно небольшого сомнения, чтобы все бросились продавать акции. Не пройдет и двух дней, как они вместо фертинга будут продаваться по пятаку. Должно быть, господин Спрутс хочет скупить эти акции по дешевке, с тем чтобы продать, когда они снова повысятся в цене?

— Господин Спрутс ничего не говорил мне о своих планах, — холодно сказал Крабс. — Наше дело, чтоб в завтрашней газете появилась эта статья, остальное нас не касается.

— Понимаю, — закивал головой господин Гризль.

— И еще одно, — сказал Крабс. — Никто об этой статье не должен заранее знать.

— Понимаю. Я сам лично займусь этим делом, — ответил Гризль.

Как только Крабс очутился за дверью, господин Гризль взял свою авторучку, положил перед собой чистый листок бумаги и, склонив голову, принялся быстро писать. Буквы у него получались какие-то толстенькие и вместе с тем остроносенькие, с длинными, свешивающимися вниз хвостами. При взгляде со стороны казалось, что он не писал вовсе, а аккуратно рассаживал на полочках жирных хвостатых крыс.

Усадив этими крысами всю страничку, господин Гризль нажал кнопку электрического звонка.

— Отдайте это моментально в набор, — сказал он появившейся в дверях секретарше и протянул ей исписанный листок. — Да смотрите — никому ни гугу, — добавил он, прикладывая палец к губам или, вернее сказать, к зубам.

Секретарша моментально исчезла с листком в руках, а господин Гризль принялся думать, где раздобыть денег, чтоб побольше закупить гигантских акций, как только они упадут в цене.

Пока Крабс разговаривал с редактором Гризлем, а потом ездил в банк за деньгами, Мига и Жулио занимались своими делами. Сначала они съездили на вокзал и купили два железнодорожных билета до Сан-Комарика на завтрашний день. На обратном пути они заехали в универмаг, где приобрели достаточно вместительный чемодан, изготовленный из пуленепробиваемого фибролита, а когда ехали мимо кинотеатра, купили два билета на кинокартину, которая называлась «Таинственный незна-

комец, или Рассказ о семи задушенных и одном утонувшем
Сделав все эти покупки, они вернулись в контору, и Жулио
знайке и Козлику:

— Вы, братцы, сегодня потрудились достаточно. Вот вы
можете пойти в кино. После кино идите обедать, а на работу
завтра утром. Сегодня сюда больше не приходите. Мы с Ми
поработаем. Вот вам на обед деньги.

Незнайка и Козлик взяли билеты и деньги и с радостью по
кино. Мига тут же уселся за стол и принялся продавать по
акции, а Жулио забрался в комнату, где стоял несгораемый
принялся выгружать из него в чемодан деньги. Когда касса был
на до последнего фертинга, он вырвал из записной книжки
бумаги, накорябал на нем карандашом записку и положил ее в
емый шкаф на полочку вместе с железнодорожными билетами

Вернувшись в контору, Жулио подмигнул Миге и украдкой
пальцем на чемодан, набитый деньгами. Мига понял, что вс
Встав из-за стола, он выпроводил из конторы посетителей, ска
они приходили завтра. Как только посетители вышли, друзья п
ли чемодан, закрыли контору и моментально уехали.

Минут через десять они уже сидели в гостинице и считали
привезенные Крабсом. Для того чтоб сосчитать два миллиона, и
валось бы, конечно, немало времени, но так как деньги были
пачками по десять тысяч, дело шло быстро. Друзья лишь прове
выбор несколько пачек. Убедившись, что в чемодане, привезенно
сом, было ровно два миллиона, Жулио отсчитал из этих денег ст
и, отдав их Крабсу, сказал:

— Можете получить свои денежки. Они честно заработан
Желаем, чтоб они пошли вам на пользу.

— Благодарю вас, друзья, — сказал Крабс. — А теперь мы
должны быстро исчезнуть из города, тем более что по дороге на
стоит обделать еще одно очень выгодное дело.

— Какое дело? — заинтересовались Мига и Жулио.

— Освобождение знаменитого миллионера Скуперфильда.

— А что с ним?

— Похищен шайкой разбойников, которые требуют за его ос
дение большой выкуп, — объяснил Крабс. — Мне случайно ста
вестно, где разбойники прячут господина Скуперфильда. Таким
зом, мы можем освободить его. За приличное вознаграждение, раз
ся. Думаю, что можно будет содрать с него крупный чек и получи
этому чеку деньги в банке.

— Сколько же можно потребовать с этого скряги за освобожден
спросил Жулио.

в мазуте». —
казал Не-

билеты,
явитесь
ой за вас

бежали в
етителям
шкаф, и
очище-
источек
несгора-

показал
готово.
в, чтоб
дхвати-

деньги,
требо-
ожены
или на
Краб-
тысяч

вами.
вами
пред-

освобо-
о из-
обра-
еет-
ть по
е? —

— Миллион, думаю, можно.

— Миллион?! — воскликнул Жулио.

— А что, по-вашему, это много? — забеспокоился Крабс.

— По-моему, мало, — ответил Жулио. — Меньше чем за два миллиона и браться за такое дело не следует.

— Ну что ж, возьмем с него три миллиона, и дело с концом, — предложил Мига. — Как раз по миллиону на каждого из нас.

— Это резонное предложение! — одобрил Жулио. — Едем.

Господин Скуперфильд между тем потерял всякую надежду на освобождение. В тот момент, когда Крабс привязал его к дереву, он так опешил, что не мог подыскать подходящего объяснения происшедшему. Все, что случилось с ним, показалось ему неслыханной дерзостью. До тех пор никто никогда не привязывал его к деревьям, к тому же таким бесцеремонным образом. Тряпка, которой коварный Крабс заткнул ему рот, нестерпимо воняла бензином. От этой вони у Скуперфильда мутилось в голове. Бедняга чувствовал, что вот-вот грохнется в обморок, и, наверно, грохнулся бы, если бы не был надежно прикреплен к дереву. В конце концов он все же потерял сознание, а когда пришел в себя, принялся дергаться всем телом, стараясь разорвать путы. Все эти усилия привели лишь к тому, что веревки, которыми он был связан, еще глубже впились в его тело, что причиняло невыносимую боль.

Растратив понапрасну силы и убедившись, что попытки освободиться ни к чему не ведут, Скуперфильд застыл на месте. От неподвижности руки и ноги и даже туловище у него одеревенели, сделались как бы не свои, то есть Скуперфильд не чувствовал, что они у него есть. Все тело у него как бы исчезло, а вместе с ним исчезло и ощущение боли.

Теплый, ласковый ветерок налетал порывами и шевелил на деревьях листочки. Скуперфильду казалось, что деревья приветливо машут ему сотнями своих крошечных зеленых ручек и что-то потихоньку шепчут на своем лесном языке. В траве пестрели розовые и нежно-голубые цветочки. Скуперфильд не знал, как они называются, но смотреть на них ему было чрезвычайно приятно. Вверху в ветвях деревьев порхали маленькие красногрудые птички, наполняя воздух веселым чириканьем. Некоторые из них слетали в траву, что-то клевали там, а потом опять взмывали кверху. Скуперфильд никогда не видел лесных птичек вблизи, и смотреть на них доставляло ему величайшее наслаждение.

Видя, что Скуперфильд неподвижен, некоторые из птиц перестали бояться и пролетали у него под самым носом. А одна пичужка даже села ему на плечо. Должно быть, она приняла Скуперфильда совсем уж за какой-то неживой предмет, вроде обгорелого пня. Сидя на плече, она поглядывала по сторонам, наклоняя голову то на один бок, то на другой, а потом вспорхнула и улетела, задев Скуперфильда по щеке краем кры-

ла. Это привело Скуперфильда в умиление. Ощувив нежное прикосновение этого милого существа, Скуперфильд расчувствовался и даже заплакал.

«Как прекрасен мир и как хороша жизнь! — подумал он. — Почему я раньше не замечал этого? Почему никогда не ходил в лес и не видел всей этой красоты? Клянусь, если останусь жив, если вырвусь отсюда, обязательно буду каждый день ходить в лес, буду смотреть на деревья, буду смотреть на цветочки, буду слушать нежный лепет листочков, и радостное щебетанье птиц, и веселый стрекот кузнечиков и на бабочек буду смотреть, и на стрекоз, и на милых, трудолюбивых мурашек, и на гусей, и на уток, и на индюков, и на все, на все, что только на свете есть. Никогда мне это не надоест!»

Поплакав, Скуперфильд несколько успокоился. Настроение его улучшилось, и он сказал сам себе:

— Не будем, однако ж, терять надежды. Кто-нибудь в конце концов придет и освободит меня.

И он принялся мечтать, как вознаградит своего избавителя.

«Я ничего не пожалею, — мысленно говорил он. — Я ему дам пять фертингов, вот... Да... Провалиться мне на этом самом месте, если не дам пять фертингов... Хотя, если сказать по правде, пять фертингов многовато за это. Дам я ему лучше три фертинга или один. Пожалуй, одного будет достаточно».

Тут он неловко пошевелился, и веревка с такой силой врезалась в его бок, что он чуть не взвыл от боли.

— Нет, нет, лучше дам пять фертингов, — сказал он. — Для такого дела жалеть не надо. Придется на чем-нибудь другом сэкономить.

Время шло, но никто не являлся, чтобы выручить из беды Скуперфильда. Поэтому он сказал:

— Черт с ним, дам десять фертингов. Только бы пришел кто-нибудь. А то так ведь здесь и окочуриться можно.

Прошло полчаса, и он поднял цену за свое спасение до двадцати фертингов, потом до тридцати, до сорока, до пятидесяти. За час он взвинтил цену до ста фертингов и на этом остановился.

— Дурачье! — ругал он своих будущих избавителей. — Ходят где-то, разинув рты, и ни один балбес не может прийти сюда, чтоб получить сто фертингов. Будто сто фертингов на дороге валяются! Да скажи мне, что где-то можно получить даром сто фертингов, я, кажется, побегу на край света. И даже дальше! Честное слово, провалился я на месте!

Некоторое время он прислушивался затаив дыхание, но ни один посторонний звук не долетел до него, ни одна ветка не хрустнула под ногой избавителя.

— Дурачье, ослы, идиоты! — выходил из себя Скуперфильд. — Эта-

кая нерадивость! Хотел дать сто фертингов, а теперь фигу они от меня получают! Могут и не являться!.. Вот и всегда так бывает! Сами пальцем не хотят пошевелить, чтоб заработать денежки, а потом говорят, что во всем богачи виноваты! Провалились они все на месте!

Решение не платить деньги вернуло Скуперфильду хорошее настроение, однако ж ненадолго, так как он в ту же минуту почувствовал, что хочет есть. От нечего делать он принялся обдумывать, чего бы съел на обед, если бы вдруг очутился в столовой. Воображение рисовало ему самые вкусные блюда, и через пять минут аппетит его так распалился, что он готов был заплатить за свое освобождение тысячу фертингов.

«Даю тысячу фертингов! — мысленно завопил он. — Две тысячи даю! Три!.. Мало?.. Десять тысяч даю, чтоб вам провалиться на месте!»

Постепенно чувство голода, однако, притупилось. Скуперфильд уже начал жалеть, что так высоко поднял цену, но тут его начала мучить жажда.

— Сто тысяч даю, — сказал Скуперфильд и даже удивился собственной щедрости.

Некоторое время он раздумывал, не поднять ли цену до миллиона, потом сказал:

— Нет, лучше подохнуть, чем такие деньги платить!

Как раз в это время с дерева свалился на него дикий клоп и сильно куснул его за шею.

— А-а! — завопил Скуперфильд. — Даю миллион! Даю!..

Клоп, однако ж, не обратил на эти посулы внимания и куснул Скуперфильда вторично.

— Два миллиона даю! — закричал Скуперфильд.

Клоп укусил его в третий раз.

«Ах ты, зверушка чертова! — мысленно выругался Скуперфильд. — Мало тебе двух миллионов? Три дам, чтоб тебе провалиться на месте!»

Тут он почувствовал, что клоп на самом деле провалился ему за шиворот и принялся кусать спину. Чувствуя себя не в силах расправиться с ничтожным насекомым, Скуперфильд пришел в бешенство.

— Ну погоди, дай мне освободиться только! — пригрозил он. — Пять миллионов даю за освобождение! Все состояние отдаю! Не нужны мне никакие деньги, провалились они тут же на месте!

И сейчас же, словно в ответ на его мольбы, в лесу послышались чьи-то шаги. Скуперфильд поднял голову и увидел вдали трех коротышек. Один из них показался ему похожим на Крабса. Однако Скуперфильд не успел как следует разглядеть его, потому что коротышка тут же скрылся за деревом. Двое других тем временем подошли к Скуперфильду. Читатель, безусловно, уже догадался, что эти двое были Мига и Жулио.

Остановившись в двух шагах от Скуперфильда, Мига и Жулио внимательно оглядели его, после чего Мига спросил:

— Господин Скуперфильд, если не ошибаюсь?

— М-м! М-м! — обрадованно замычал Скуперфильд и закивал головой.

— В городе стало известно, что вы попали в руки разбойников, которые требуют за ваше освобождение большой выкуп. Мы явились, чтоб спасти вас, — сказал Мига.

— М-м! М-м! — снова замычал Скуперфильд.

— Думаю, что сначала следовало бы развязать ему рот, — сказал Жулио. — Иначе мы от него ничего не добьемся.

— Резонное замечание, — согласился Мига.

Подойдя к Скуперфильду вплотную, он развязал платок, стягивавший ему рот. Скуперфильд вытолкнул изо рта языком тряпку и, отплевавшись, сказал:

— Фа-фи-фо! Эфа фяфка, фяфка фрофляфая! Кха!.. Тьфу! Фяфка фрофляфая! Бяфка брофляфая!

— Пусть меня убьют, если я хоть что-нибудь понимаю! — воскликнул Мига.

— Должно быть, он говорит: «Тряпка проклятая», — догадался Жулио. — Думаю, что разговор идет о тряпке, которая была у него во рту.

— Фа! Фа! — обрадованно закивал головой Скуперфильд. — Фяфка, бяфка фрофлятая! Бяфка брофлятая! Фа! Тьфу!

— Ну хорошо, хорошо, — принялся успокаивать его Мига. — Это ничего. Это естественно в вашем положении. Попробуйте, однако, взять себя в руки. Поупражняйтесь немного. Я думаю, когда язык у вас разомнется, вы сможете говорить правильно.

Скуперфильд начал произносить разные слова для практики. Скоро язык у него на самом деле размялся, только буква «р» у него никак не получалась. Вместо нее он произносил букву «ф».

— Ну, это не такая уж большая беда, — сказал Мига. — Думаю, мы можем продолжать наши переговоры. Вы, как деловой коротышка, должны понимать, что нам нет никакого смысла выручать вас из беды бесплатно. Верно?

— Вефно, вефно! — подхватил Скуперфильд. — Сколько же вы намерены получить с меня?

— Три миллиона, — ответил Мига.

— Что? — вскричал Скуперфильд. — Тфи миллиона чего?

— Ну, не три миллиона старых галош, конечно, а три миллиона фертингов.

— Опять тфи миллиона фефтингов? Это гфабеж, пфовались я на этом месте! — закричал Скуперфильд.

— Стыдитесь, господин Скуперфильд! Какой же это грабеж? Мы ведь не пристаем к вам с ножом к горлу. У нас с вами обычный деловой разговор. Как говорится: мы вам, вы нам. Мы честные предприниматели, а не какие-нибудь разбойники.

— Да, не фазбойники! — проворчал Скуперфильд. — Может быть, вы и есть самые настоящие фазбойники. Откуда я знаю!

— Стыдно, стыдно, господин Скуперфильд. Зачем же вы нас оскорбляете! Мы вот тоже могли бы сказать, что вы разбойник. Честных коротышек в лесу не привязывают.

— Ну ладно, — проворчал Скуперфильд. — Все фавно тфи миллиона слишком кфупная сумма.

— Сколько же вы хотите заплатить нам? — спросил Жулио.

— Сколько?.. Ну я мог бы дать вам пять... нет, я могу дать тфи фефтинга.

— Что? — возопил Жулио. — Три фертинга? За кого же вы нас принимаете? Мы не нищие и в ваших подачках не нуждаемся. Вы, видимо, не хотите, чтоб вас спасли. Ну что ж, мы насильно никого освобождать не собираемся.

— Как так не хочу? — возразил Скуперфильд. — Мне, повефьте, нет никакой фадости здесь тофчать.

— Так что же вы предлагаете три фертинга? Это же курам на смех.

— Ну ладно, пусть будет пять фефтингов. Пять фефтингов тоже хофшие деньги, увефяю вас.

— Пойдем отсюда! — сказал Мига со злостью. — Он, видно, не хочет, чтобы его спасли.

Мига и Жулио решительно зашагали прочь.

— Эй, — закричал Скуперфильд. — Что же вы так уходите? Хотите десять фефтингов? Эй! Стойте! Двадцать даю!.. Не хотите, ну и шут с вами, пфовались вы на месте! Меня кто-нибудь дфугой дешевле спасет!

Увидев, что Мига и Жулио скрылись из виду, Скуперфильд приуныл и пожалел, что не согласился на условия вымогателей, но тут снова слышались шаги. Увидев, что его «спасители» идут обратно, Скуперфильд обрадовался.

«Ну, теперь все в порядке! — подумал он. — Раз они возвращаются — значит, решили взять двадцать фертингов. Черта с два я теперь дам двадцать. Хватит с них и пятнадцати».

Трудно сказать, чему больше радовался Скуперфильд. Тому ли, что в конце концов получит свободу, или тому, что сэкономит пять фертингов.

Его удивило, однако, что Мига и Жулио не торопились освободить его. Подойдя к дереву, они принялись озабоченно бродить вокруг и что-то искать в траве.

— Что вы там ищете? — забеспокоился Скуперфильд.

— Тряпку, — ответил Мига. — Мы ведь должны оставить вас здесь в том же виде, как и нашли. Кто-то, понимаете ли, трудился, затыкал вам рот тряпкой, а мы пришли, тряпку выбросили. Это, по-вашему, честно? Чужой труд уважать надо, голубчик! Или вы, может быть, хотели бы, чтоб мы совершили бесчестный поступок?

Тут Жулио отыскал тряпку и принялся засовывать ее обратно в рот Скуперфильду.

— А-а! — заорал Скуперфильд. — Не надо фафки! Тьфу! Фафки, фяфки, бяфки не надо! Аф! Аф!

— Дадите три миллиона? — угрожающе спросил Жулио.

Скуперфильд закивал головой. Жулио вытащил у него изо рта тряпку. Скуперфильд принялся старательно отплеиваться. Отплевавшись, сказал:

— К сожалению, у меня нет с собой денег.

— Ничего. Дадите чек.

— У меня нет с собой чековой книжки.

— Враки! — ответил Мига. — Никакой капиталист не выходит из дому без чековой книжки.

— Ну ладно, развяжите меня.

Мига и Жулио моментально развязали веревку. Скуперфильд некоторое время продолжал стоять у ствола, словно прирос к нему, после чего рухнул, как столб, на землю.

— Что с вами? — бросился к нему Мига.

— Не знаю, — пробормотал Скуперфильд. — Ноги не действуют. И руки тоже.

— Наверно, онемели от неподвижности, — высказал предположение Мига.

Недолго думая Жулио принялся сгибать и разгибать Скуперфильду руки, как это обычно делают при искусственном дыхании, а Мига в это время поднимал и опускал его ноги. Спустя несколько минут Скуперфильд почувствовал, что способность управлять своими конечностями вернулась к нему, и он сказал:

— Пустите, я сам.

С кряхтением поднявшись, он сделал несколько наклонов и приседаний, после чего надел на голову валявшийся на земле цилиндр, подобрал лежавшую рядом трость с костяным набалдашником и нанес ею сильный удар по голове Жулио. Не ожидавший нападения, Жулио упал как подкошенный. Увидев, что Скуперфильд побежал прочь, Мига бросился догонять его, но тут же свалился, споткнувшись о торчавший из-под земли корень. Поднявшись, он убедился, что Скуперфильд скрылся вдали за деревьями.

— Ах ты гадина! — проворчал он со злостью.

Увидев, что Жулио лежит без движения, Мига подозвал прятавшегося за деревом Крабса, и они вместе бросились к стоявшей вдали автомашине.

Глава двадцатая

ГИБЕЛЬ ОБЩЕСТВА ГИГАНТСКИХ РАСТЕНИЙ

Ночью Незнайка и Козлик спали плохо. Им обоим снились страшные сны. Незнайке снилось, будто его непрерывно преследуют какие-то жулики, от которых он прятался то где-то на пыльном чердаке, то в темном подвале. Наконец он спрятался в пустую бочку, но как раз в это время кто-то начал наполнять бочку мазутом. Незнайка хотел вылезти из бочки, но тут чья-то рука цепко схватила его за волосы и не давала даже высунуть голову наружу. Чувствуя, что вот-вот захлебнется в этой

черной вонючей жидкости, Незнайка сделал отчаянное усилие и... проснулся. Убедившись, что находится вовсе не в бочке, а дома в постели, Незнайка снова хотел заснуть, но тут вдруг увидел, что окно беззвучно открылось и в него лезут какие-то подозрительные личности в клетчатых кепках и с пистолетами в руках. Выскочив из постели, Незнайка бросился удирать. Спасаясь от преследователей, он забежал на какую-то железнодорожную станцию, где стояли цистерны с мазутом. Одна из цистерн была пустая. Незнайка залез в нее, но тут цистерна почему-то начала наполняться мазутом. Сначала мазут доставал Незнайке по пояс, затем по грудь, наконец дошел до горла. Незнайка принялся плавать в мазуте, но уровень жидкости поднимался все выше. Незнайку в конце концов прижало к потолку. Черная тягучая жидкость начала лезть ему в рот и в нос, залепила глаза. Чувствуя, что задыхается, Незнайка закричал изо всех сил и снова проснулся.

Убедившись, что по-прежнему лежит у себя в постели, Незнайка постепенно успокоился и снова хотел заснуть, но тут слышались стоны Козлика.

— Пустите меня! Пустите! — стонал, разметавшись на своей постели, Козлик.

Незнайка принялся тормошить его за плечо, но Козлик не просыпался.

— Пустите меня! — продолжал кричать он.

— Да что ты орешь! Тебя ведь никто не держит, — сказал Незнайка.

— Мне, понимаешь, приснилось, будто разбойники, которых мы видели в кино, поймали меня и душат капроновой удавкой, — сказал, просыпаясь, Козлик.

— А мне все время снится, будто я в мазуте тону, — признался Незнайка.

— Это все от вчерашней кинокартины, — сказал Козлик. — Вот всегда: как пойдешь в кино, так потом всю ночь душат кошмары.

Поговорив о том, что кинофильмы лучше делать веселые, а не страшные, и понемногу придя в себя, друзья снова уснули, но кошмарные сновидения не оставляли их до утра.

Проснувшись раньше обычного, Незнайка и Козлик позавтракали без аппетита и решили пойти в контору пешком, чтоб хоть немножечко проветрить мозги после бессонной ночи. Выйдя на улицу, они увидели на углу продавца газет, который громко выкрикивал:

— Газета «Давилонские юморески»! Последние новости! Море смеха! Всего за два сантика! Сообщение о крахе Общества гигантских растений! Сенсация! Владельцы гигантских акций ничего не получают! «Давилонские юморески»! Гибель общества! Море смеха!..

Купив за два сантика газету, Незнайка и Козлик принялись искать сообщение о крахе Общества гигантских растений, но в газете ничего об

этом не говорилось. Только просмотрев газету вторично, они наткнулись на небольшую заметку.

За последнее время читатели нашей газеты очень часто обращались к нам с просьбой рассказать о гигантских растениях. Но что можно рассказать об этих пресловутых растениях, о которых действительно теперь можно услышать множество толков и кривотолков? О них с уверенностью можно сказать только то, что сказать о них нечего, так как о них достоверно известно лишь то, что о них достоверно ничего не известно. Многие легковверные коротышки в своем легковверии доходят до того, что покупают акции этих легендарных растений. Мы вовсе не хотим бросить тень на Общество гигантских растений. Мы не хотим также сказать, что, приобретая акции, коротышки ничего не приобретают, так как, покупая акции, они получают надежду на улучшение своего благосостояния. А надежда, как известно, тоже чего-нибудь да стоит. Даром, как говорится, и болячка не сядет. За все надо платить денежки, а заплатив, можно и помечтать. При первой возможности редакция снова возвратится к разговору о гигантских растениях.

Редактор Гризль.

Прочитав эту заметку, Козлик сокрушенно покачал головой и сказал: — Одной такой заметки достаточно, чтоб перестали покупать наши акции. Видно, кому-то из богачей завидно стало, что наши акции так хорошо расходятся. Но ничего! Теперь это нам не страшно, так как почти все акции уже проданы. Поздно спохватились, голубчики!

— А какое дело богачам, будут покупать наши акции или нет? — спросил Незнайка.

— Богачам до всего дело! — ответил Козлик. — Думаю, им вообще не хочется, чтоб у нас появились гигантские растения. Ведь что выгодно для бедняков, то невыгодно для богачей. Это давно известно.

Разговаривая таким образом, Незнайка и Козлик добрались до улицы Фертинга и еще издали увидели возле здания контор большую толпу. У некоторых коротышек в руках были акции с изображением гигантских растений. Коротышки поднимали акции кверху, размахивали ими в воздухе и кричали:

— Пустите нас! Пусть нам вернут наши деньги! Нас обманули! Оказывается, никаких гигантских растений нет!

— Убирайтесь отсюда! — кричал на них швейцар, стоявший у входа. — Конторы открываются в девять часов, а до этого никому доступа в здание нет. Марш, пока я не натравил на вас полицейских!

Пробравшись сквозь толпу, Незнайка с Козликом поднялись по ступенькам ко входу, и Козлик, повернувшись к толпе, закричал:

— Братцы, не верьте газетам! Вас обманывают. Гигантские семена есть. А если кто хочет получить деньги обратно, мы можем отдать.

— А, вот они, обманщики! — закричал кто-то в толпе. — Бей их!

Несколько акционеров взбежали на ступеньки и хотели схватить Козлика, но дверь моментально открылась, из нее выскочил полицейский в медной блестящей каске и пустил в ход свою электрическую дубинку. Толпа моментально отступила назад.

Полицейский сказал:

— В девять часов контора откроется, тогда можете идти и получать свои деньги, а до этого чтоб никаких тут у меня разговоров!

Обернувшись к швейцару, полицейский махнул в сторону Незнайки и Козлика своей дубинкой.

— Пропусти этих! — приказал он.

Получив от швейцара ключ от конторы, Незнайка и Козлик быстро поднялись на третий этаж.

— Самое умное, что можно сделать, — это возратить желающим деньги, — сказал Козлик. — Я думаю, паника прекратится, как только все убедятся, что в любое время смогут получить свои капиталы обратно.

Сказав это, Козлик вошел в контору и заглянул в комнату, где стоял нестораемый шкаф. Его удивило то, что тяжелая железная дверь шкафа была приоткрыта. Одним прыжком подскочив к шкафу, Козлик заглянул в него и увидел, что внутри было пусто.

— Незнайка! — закричал он испуганно. — Деньги исчезли!

— Куда же они могли деться? — спросил, вбегая, Незнайка.

— Не представляю себе! — развел Козлик руками. — Должно быть, нас обокрали.

Тут он заметил на одной из полочек шкафа клочок бумаги и два железнодорожных билета.

— Постой, тут записка есть, — сказал Козлик и принялся читать вслух.

«Дорогие друзья! — было нацарапано в этой записке неровными печатными буквами. — Мы вынуждены спасаца бег ством. Вазмите беле-ты, садитес напоизд и валяйте бес промидления в Сан-Комарик, где мы вас стретим. Ваши доброжилатели Мига и Жулио».

— Вот неожиданность! — воскликнул Козлик. — Оказывается, Мига и Жулио уже сбежали и, конечно, денежки прихватили с собой. Теперь мы с тобой оказались здесь как в западне.

С этими словами Козлик подскочил к выходу из конторы и запер дверь на ключ, что было сделано вовремя, так как в то же мгновение за дверью послышался топот ног. Это толпа акционеров прорвалась в здание и бежала по коридору. Подбежав к конторе, владельцы гигантских акций принялись стучать кулаками в дверь и кричать:

— Эй, вы! Отворите, а не то худо будет! Верните нам деньги!

Козлик недолго думая подбежал к окну и распахнул его. Глянув вниз и убедившись, что прыгать с высоты третьего этажа небезопасно, он достал из несгораемого сундука обрывки веревок, которыми были перевязаны пачки с акциями, и начал связывать их между собой. Незнайка принялся помогать ему. Шум за дверью между тем нарастал. Дверь под ударами дрожала, но не поддавалась.

Неожиданно наступила тишина. Толпа словно притаилась за дверью. Высунувшись из окна, Козлик опустил конец веревки во двор и, убедившись, что он достает до земли, привязал другой конец к трубе парового отопления возле окна.

— Спускайся! — скомандовал он Незнайке.

Незнайка не заставил просить себя дважды и быстро полез по веревке вниз. За дверью в это время снова послышался шум.

— А ну-ка, ударим! — закричал кто-то.

Раздался мощный удар.

— Еще разик!

Дверь вздрогнула под вторым ударом. Увидев, что Незнайка благополучно достиг земли, Козлик ухватился руками за веревку и соскользнул с подоконника.

— Еще раз! — завопил кто-то за дверью.

На этот раз удар был так силен, что дверь затрещала, соскочила с

петель и полетела на пол. Вместе с ней в комнату влетели несколько коротышек с огромной крышкой от письменного стола, которую они использовали в качестве тарана. Все это произошло так неожиданно, что некоторые коротышки упали на пол, расквасив себе носы. Толпа моментально наполнила контору. Часть акционеров побежала к несгораемому шкафу, другие бросились открывать несгораемые сундуки и вытаскивать из них обрывки бумаги, в которую когда-то были запакованы пачки акций.

Убедившись, что денег нигде нет, коротышки рассвирепели настолько, что разломали стеклянный шкаф, вытащили Незнайкин скарпандр и разорвали его в клочья. Наконец они посмотрели в окно и увидели веревку, свешивавшуюся вниз.

— В окно удрали! — догадался кто-то.

Несколько коротышек стали спускаться по веревке, остальные выбежали из комнаты и бросились вниз по лестнице. Но было поздно. Незнайки и Козлика и след простыл. Спустившись по веревке, они побежали через двор, который, на их счастье, оказался проходным. Очутившись на другой улице, они смешались с толпой и вскоре были далеко от места происшествия.

— Надо пойти на Крученую улицу в магазин разнокалиберных изделий. Может быть, мы застанем там господина Жулио, — высказал предложение Козлик.

Друзья быстро прошли на Крученую улицу, свернули в Змеиный переулок и стали искать магазин разнокалиберных товаров, но его нигде не было.

— Вот так штука! Теперь еще и магазин девался куда-то! — с досадой воскликнул Козлик.

Они обследовали весь Змеиный переулок от начала и до конца, а потом в обратном порядке, потом прошли по нему в третий раз. Наконец Козлик остановился возле кондитерского магазина, которого, как ему показалось, раньше здесь не было, и сказал:

— Что за история! По-моему, раньше здесь разнокалиберный магазин был, а теперь какая-то кондитерская.

Незнайка и Козлик вошли в кондитерскую и спросили одну из продавщиц, не знает ли она, куда делся разнокалиберный магазин. Продавщица сказала, что разнокалиберный магазин закрылся, так как хозяин неожиданно разбогател и уехал путешествовать, а теперь здесь открылась кондитерская.

— Видал? «Неожиданно разбогател и уехал путешествовать!» — ворчал Козлик, когда они с Незнайкой вышли на улицу.

Он вытащил из кармана записку, которую оставил Жулио, и принялся снова ее читать.

— Почему Мига и Жулио пишут, что вынуждены спасаться бегством? — сказал Козлик. — Может быть, они заранее узнали, что будет напечатано в газетах, и поэтому решили вовремя скрыться с деньгами? Во всяком случае, нам нельзя оставаться здесь, а тоже надо двигаться в Сан-Комарик. Это хороший город. Я когда-то жил там.

Поезд на Сан-Комарик отходил лишь в конце дня, но Незнайка и Козлик боялись возвращаться в гостиницу, где они могли попасть в руки невольно обманутых ими акционеров. Проболтавшись до обеда в городском парке, друзья разыскали небольшую столовую, где никогда до этого не бывали, и как следует пообедали, оставив там почти все свои наличные капиталы. Оставшиеся несколько сантиков они истратили на мороженое и купили бутылку газированной воды с сиропом, которую решили взять с собой в дорогу.

Прибыв на вокзал задолго до отхода поезда, они вошли в вагон. Проводник проверил их билеты и сказал, что оба их места на верхних полках.

— Вот и хорошо, — сказал Козлик Незнайке. — На верхних полках нас никто не заметит. Ведь в поезде может ехать кто-нибудь из наших акционеров. Было бы совсем некстати, если бы нас узнали.

Забравшись на верхние полки, Незнайка и Козлик с удобством растянулись на них и принялись наблюдать украдкой за прибывающими пассажирами. Вагон тем временем понемножку наполнялся. Внизу, как раз под полкой, на которой лежал Незнайка, расположился какой-то толстенький коротышка. Сунув чемодан под сиденье, он вытащил из кармана целый ворох газет и принялся читать их. Здесь были и «Деловая смекалка», и «Давилонские юморески», и «Газета для толстеньких», и «Газета для тоненьких», и «Газета для умных», и «Газета для дураков».

Да, да! Не удивляйтесь: именно «для дураков». Некоторые читатели могут подумать, что неразумно было бы называть газету подобным образом, так как кто станет покупать газету с таким названием. Ведь никому не хочется, чтобы его считали глупцом. Однако давилонские жители на такие пустяки не обращали внимания. Каждый, кто покупал «Газету для дураков», говорил, что он покупает ее не потому, что считает себя дураком, а потому, что ему интересно узнать, о чем там для дураков пишут. Кстати сказать, газета эта велась очень разумно. Все в ней даже для дураков было понятно. В результате «Газета для дураков» расходилась в больших количествах и продавалась не только в городе Давилоне, но и во многих других городах.

Нетрудно догадаться, что «Газету для толстеньких» читали не одни толстяки, но и те, которые мечтали поскорей растолстеть, точно так же как «Газету для тоненьких» читали не только худенькие коротышки, но и такие, которым хотелось избавиться от излишнего жира. Владельцы

газет прекрасно понимали, что уже само название должно возбуждать интерес читателя, иначе никто не стал бы покупать их газету.

Через несколько минут Незнайка заметил, что другую нижнюю полку занял пассажир, который был как бы прямой противоположностью первому. Иначе говоря, он был очень худой. Вид у него был такой, будто он незадолго до этого бродил по болоту и еще не успел как следует высохнуть. Его черные брюки были измяты и покрыты желтовато-коричневыми пятнами грязи. Такое же желто-коричневое пятно имелось и на его шляпе-цилиндре, словно в него кто-то швырнул издали комком грязи. На спине его черного пиджака красовалась большая треугольная дырка. Такие дырки обычно образуются, когда случается зацепиться спиной за сук или за гвоздь, торчащий в стене. Чуть пониже спины к пиджаку пристал рыжеватый плод болотного репейника, в просторечии именуемый репяшком. Такой же репяшок прицепился к локтю и еще один позади к брюкам.

Усевшись на лавку, этот болотный обитатель стащил с головы свой черный цилиндр и, словно фокусник, принялся вытаскивать из него разные вещи. Незнайка, который наблюдал за всем этим со своей верхней полки, с удивлением заметил, как из цилиндра появились зубная щетка и зубной порошок, кусок пахучего земляничного мыла, полотенце, несколько носовых платков, запасные носки и, наконец, два ржавых гвоздя и кусок медной проволоки.

Заглядевшись на это зрелище, Незнайка не заметил даже, как поезд тронулся и они отправились в путь.

Глава двадцать первая ПРИКЛЮЧЕНИЯ СКУПЕРФИЛЬДА

Читатели, достаточно напрактиковавшиеся в чтении книжек и поэтому привыкшие схватывать все, так сказать, на лету, уже догадались, наверно, что этот худенький пассажир в черном цилиндре был не кто иной, как господин Скуперфильд. С тех пор как ему удалось спастись от своих «избавителей», прошло не более суток, но за этот сравнительно небольшой срок бедняга Скуперфильд успел испытать очень многое.

Первое время он бежал по лесу, не переводя дыхания, стараясь как можно дальше уйти от погнавшего за ним Миги. Обернувшись назад и убедившись, что его никто не преследует, он значительно снизил скорость, то есть, попросту говоря, зашагал не спеша. Внутри у него все пело, все ликовало. Он был счастлив оттого, что получил долгожданную свободу и притом не израсходовал ни одного сантика.

Совершенно не представляя себе, в какую сторону надо идти, чтоб

попасть на дорогу, где его могла подобрать попутная машина, Скуперфильд решил идти, не сворачивая, все прямо, надеясь, что лес где-нибудь да кончится и он выйдет к какому-нибудь жилью.

В результате пережитых волнений чувство голода совершенно оставило его, то есть у него пропал аппетит. Надо сказать, что это очень часто наблюдаемое явление. Каждый по себе знает, что различные чувства не могут владеть нами все сразу. Обычно какое-нибудь более сильное чувство вытесняет все остальные, более мелкие чувства, и тогда мы забываем о вещах, которые до этого казались нам чрезвычайно важными. На эту сторону дела как раз и обратил внимание Скуперфильд. Заметив, что ему совсем расхотелось есть, он понял, что чувство голода пропало у него от волнения. Это открытие навело Скуперфильда на мысль, что можно соблюсти экономию на еде, если, к примеру, хорошенько поволноваться перед завтраком или обедом. Для этого достаточно было затеять какой-нибудь неприятный разговор или просто поссориться с кем-нибудь.

Увлечшись этими оригинальными мыслями, Скуперфильд не заметил, как чувство голода снова начало подкрадываться к нему. Очнулся он, лишь когда у него в животе мучительно засосало. Зная, что обычно

заблудившиеся в лесу утоляют голод ягодами, лесными орехами или грибами, он принялся старательно шарить глазами вокруг, но нигде не видел ни орехов, ни ягод, ни даже грибов. Потеряв надежду отыскать что-либо съедобное, Скуперфильд попробовал жевать траву, но трава была горькая, и он тут же с отвращением выплюнул ее. Заглядевшись по сторонам, он не заметил, как забрел в болото. Ощувив под ногами зыбкую почву, он решил обойти опасное место, но земля заходила у него под ногами ходуном. Испугавшись, он побежал обратно, но сделал лишь несколько шагов и угодил прямо в лужу. Видя, что со всех сторон окружен жидкой болотной грязью, Скуперфильд принялся прыгать с кочки на кочку. С большим трудом ему удалось выбраться на твердую почву, но при этом он попал в заросли репейника. Исцарапав лицо и руки, он продрался через колючки и уселся на траву, чтоб хоть немного передохнуть.

Долго сидеть ему, однако же, не пришлось, так как на него напали рыжие болотные муравьи, укусы которых, как известно, очень мучительны. Скуперфильд, сам того не подозревая, уселся на их гнездо. Сначала он топтал муравьев ногами и колотил своей палкой, но, видя, что их не становится от этого меньше, решил оставить поле боя и отступил. В тот же момент он обратил внимание на то, что вокруг стало темней. Сообразив, что день подошел к концу, Скуперфильд прибавил шаг. Мысль о том, что ему придется заночевать в лесу, приводила его в содрогание. По временам ему казалось, что лес начинает редеть и он вот-вот очутится на опушке, но это было обманчивое впечатление. Лес все не кончался, а мрак сгушался все больше.

Скуперфильд понимал, что через несколько минут наступит полная темнота, и стал искать, где бы заночевать. В одном из деревьев он заметил на высоте своего роста большое дупло. Решив, что более удобного места для ночлега теперь уже не найти, Скуперфильд залез в это дупло и начал располагаться на ночь.

Дупло оказалось довольно просторное. В нем можно было сидеть, задрав кверху ноги и прислонившись к стенке спиной. Скуперфильд нашел, что это очень удобно, тем более что снизу дупло было устлано слоем сухих прошлогодних листьев. Сняв с головы цилиндр и положив его на дно дупла рядом с палкой, Скуперфильд решил поскорей заснуть, но острое чувство голода гнало сон прочь. В добавление к этому у него начали болеть ноги. Скуперфильд подумал, что ноги болят от непривычки спать в обуви, и снял ботинки. Ноги, однако, не перестали болеть. К тому же болели уже не только ноги, но и спина и все тело. Скуперфильд понимал, что если бы ему удалось вытянуться во весь рост, то боль прошла бы, но в дупле никак нельзя было вытянуться. Там можно было сидеть только в скрюченном виде.

С наступлением темноты температура понизилась, и Скуперфильда

начал пробирать холод. Чувствуя, что мерзнет все больше и больше, Скуперфильд снова обулся, надел на голову цилиндр, поднял воротник пиджака, а сверху положил на себя свою палку и чековую книжку, но от этого ему не стало теплей. До этого случая Скуперфильд слепо верил, что его чековая книжка, с которой он не расставался всю жизнь, способна выручить его из любой беды. На этот раз он на своем личном опыте убедился, что бывают все же случаи, когда ни банковский чек, ни наличные деньги не представляют собой никакой ценности.

Почувствовав, что закоченел окончательно, Скуперфильд выскочил из дупла и принялся прыгать вокруг дерева, после чего проделал целую серию гимнастических упражнений в быстром темпе. Это ему помогло. Но ненадолго. Как только Скуперфильд залез обратно в дупло, его снова начал одолевать холод. Несколько раз в течение ночи он вылезал из своего убежища, прыгал словно кузнечик, чтобы хоть немного согреться, и глодал кору дерева, пытаясь утолить голод. За ночь он ни на минуту не сомкнул глаз и устал, будто на нем возили воду. Ночь показалась ему нескончаемо длинной, и как только забрезжил рассвет, он покинул свое негостеприимное убежище, удивляясь только тому, что вообще остался в живых.

На этом приключения Скуперфильда, однако, не окончились. После бессонной ночи он очень туго соображал и брел, не разбирая пути. К тому же в лесу еще было недостаточно светло. Он сослепу натыкался на стволы деревьев и чуть не расквасил себе нос. Наконец он все же выкарабкался из лесу. Перед ним расстилась зеленая долина, местами покрытая серовато-белыми пятнами, которые Скуперфильд принял за снег. Спустившись в долину, Скуперфильд обнаружил, что это был вовсе не снег, а туман, который начал сгущаться над охладившейся за ночь землей. Слой тумана стелился так низко и был так плотен, что Скуперфильд брел в нем, словно по горло в воде. Со стороны могло показаться, будто над покрывшим всю долину дымящимся морем плыла лишь голова Скуперфильда в черном цилиндре.

Скуперфильду и самому казалось, будто руки, и ноги, и даже само туловище у него исчезли, а осталась одна голова, которая неизвестно на чем и держалась. Когда ему случалось посмотреть вниз, он видел лишь смутные очертания своих плеч. Когда же он глядел вверх, то видел серебристую, местами вспыхивающую розоватыми и голубоватыми отблесками поверхность лунного неба, представлявшуюся ему нагромождением исполинских металлических скал, каким-то чудом повисших в воздухе.

Нечего, конечно, и говорить, что Скуперфильд и прежде мог сколько угодно любоваться красотой утреннего неба, но прежде ему не приходилось просыпаться так рано. Погруженный по горло в туман, который тянулся во все стороны до самого горизонта, Скуперфильд оставался

как бы один на один с загорающимся чистыми, нежными и сверкающими красками утренним небом, и это зрелище наполняло его каким-то возвышенным и торжественным чувством. Ему казалось, что он открыл в природе какую-то новую, неизведанную, никем не виданную красоту, и он жалел лишь о том, что никогда не учился рисовать и не может изобразить красками эту величественную картину, с тем чтоб унести ее с собой и уже никогда с ней не расставаться.

Ощущая, будто что-то как бы распирает его изнутри, Скуперфильд испытывал неизъяснимое желание обнять распростершееся над ним небо. И он чувствовал, что сможет сделать это, если только протянет руки. И он протянул руки, но как раз в тот же момент потерял под ногами почву и покатился в овраг.

Перекувырнувшись несколько раз через голову, он скатился на дно оврага и остался лежать ничком, разбросав в стороны руки. Мелкие камешки и комья сухой земли, катившиеся вслед за ним, некоторое время колотили его по спине. Вскоре это движение прекратилось. Ощупав себя со всех сторон, Скуперфильд убедился, что не переломал ребер, и принялся шарить руками вокруг, надеясь отыскать свалившийся с головы цилиндр. К счастью, цилиндр оказался неподалеку. Вытряхнув попавшие в него камешки, Скуперфильд водворил свой головной убор на принадлежащее ему место и стал осматриваться по сторонам. Впрочем, это не имело никакого смысла, так как в тумане ровным счетом ничего не было видно.

Ощупывая перед собой землю тростью, Скуперфильд добрался до противоположного склона оврага и стал карабкаться по нему вверх. Несколько раз он срывался и скатывался обратно, но наконец ему все же удалось выбраться на поверхность. Отдышавшись немного и заметив, что туман стал прозрачнее, Скуперфильд отправился дальше.

Вскоре туман рассеялся, и Скуперфильд обнаружил, что шагает по рыхлой земле, усаженной какими-то темно-зелеными, ломкими кустиками, достигавшими ему до колен. Выдернув из земли один кустик, он увидел несколько прицепившихся к корням желтоватых клубней. Осмотрев клубни внимательно, Скуперфильд начал догадываться, что перед ним самый обыкновенный картофель. Впрочем, он далеко не был уверен в своей догадке, так как до этого видел картофель только в жареном или вареном виде и к тому же почему-то воображал, что картофель растет на деревьях.

Отряхнув от земли один клубень, Скуперфильд откусил кусочек и попробовал его разжевать. Сырой картофель показался ему страшно невкусным, даже противным. Сообразив, однако, что никто не стал бы выращивать совершенно бесполезных плодов, он сунул вытащенные из земли полдюжину картофелин в карман пиджака и отправился дальше.

Шагать по рыхлой земле, беспрерывно путаясь ногами в картофельной ботве, было очень утомительно. Скуперфильд на все лады проклинал коротышек, вздумавших, словно ему назло, взрыхлить вокруг землю и насадить на его пути все эти кусты.

Как и следовало ожидать, ему все же удалось в конце концов добраться до края картофельного поля. Выбравшись на твердую почву, Скуперфильд облегченно вздохнул и в тот же момент ощутил доносившийся откуда-то запах дыма. От этого запаха на него словно повеяло теплом и домашним уютом.

«Раз есть дым — значит, есть и огонь, а раз есть огонь — значит, где-то готовится пища», — сообразил Скуперфильд.

Оглядевшись по сторонам, он заметил вдали заросли лозняка и поднимающуюся над ним струйку дыма. Припустив изо всех сил, Скуперфильд продрался сквозь заросли лозняка и очутился на берегу реки. Выглянув из-за кустов, он увидел, что река в этом месте делала поворот, образовав небольшой полуостров. Плакучие ивы с изогнутыми стволами склонились над рекой и свешивали в воду свои длинные ветви с серебристо-зелеными, непрерывно колеблющимися листочками. Прозрачные струйки воды тихо плескались в корнях деревьев. Двое коротышек плавали неподалеку от берега и, казалось, что-то искали в реке. То один, то другой исчезали под корягами, а вынырнув, старательно отфыркивались. Двое других сидели на берегу у костра и подкладывали сухие сучья в огонь.

У самой воды под большой, старой ивой стоял дом не дом, хижина не хижина, а скорее какая-то сказочная избушка. Все ее стены были испещрены какими-то непонятными картинками. На одной картинке был изображен коротышка в клетчатом плаще и с трубкой в зубах. На другой — точно такой же коротышка, и тоже с трубкой, но почему-то перевернутый вверх ногами. Над этим перевернутым коротышкой была чья-то огромная нога в начищенном до яркого блеска ботинке. Рядом была банка с черникой, зеленые стручки гороха, чья-то голова с волосами, покрытыми белой пушистой пеной, чей-то рот с красными, улыбающимися во всю ширину губами и огромными, сверкающими белизной зубами. Затем снова чья-то намыленная голова, но на этот раз лежащая на боку, чашка с дымящимся кофе, еще банка с черникой, огромной величины муха, опять нога... Все это было без всякого смысла и связи, словно какой-то художник рехнулся, а потом вырвался на свободу и решил разукрасить попавшееся ему на пути строение своей сумасшедшей кистью.

И все же не это привело в изумление Скуперфильда. У него захватило дыхание, когда над входом в эту чудную хижину он увидел вывеску, на которой огромными печатными буквами было написано:

МАКАРОННОЕ ЗАВЕДЕНИЕ СКУПЕРФИЛЬДА

— Что за чушь! — пробормотал в недоумении Скуперфильд. — Что это еще за макаронное заведение, провались оно тут же на месте! И кто дал им право помещать на этой дурацкой клетушке мое имя? Или все это мне во сне снится?

Он принялся протирать кулаками глаза, но ни река, ни деревья, ни коротышки, ни дом с надписью не исчезали.

— А если это не сон, тогда что же? Насмешка? — вскипел Скуперфильд, и его кулаки сами собой сжались от злости.

Ему стало казаться, будто все это кем-то нарочно подстроено, будто кто-то подчинил его своей воле и заставил таскаться по лесам и болотам, прыгать по кочкам, скатываться в овраг, и все для того, чтоб заманить его сюда и показать эту нелепую вывеску.

— Какая-то чушь! Хулиганство! Оскорбление личности! Что-то совсем дикое и несуразное! — ворчал Скуперфильд, в двадцатый раз прочитывая поразившую его надпись.

Постепенно он начал, однако, припоминать, что уже где-то видел такую надпись, что она, в общем-то, ему очень и очень знакома.

— А! — чуть ли не закричал он вдруг. — Вспомнил! Я ведь видел ее на ящиках с макаронами, которые выпускает моя собственная макаронная фабрика, провались я тут же на месте.

Присмотревшись, он убедился, что надпись на самом деле была сделана на длинном фанерном ящике из-под макарон и что вся хижина была сооружена из подобного рода ящиков. Здесь были ящики и из-под табака, с изображением коротышки с трубкой в зубах, и из-под мыла, с изображением намыленной головы, и из-под зубного порошка, с изображением зубов, сверкающих белизной.

В это время нырявшие коротышки вылезли из воды и присоединились к тем, что грелись у костра. Скуперфильд хотел подойти к ним, но его смущало, что коротышки были не совсем одеты. На одном были только брюки и башмаки, другой был в пиджаке, но без брюк, у третьего недоставало на ногах башмаков, у четвертого не было шляпы. Увидев, что коротышки поставили на костер большую банку из-под томатов и принялись что-то кипятить в ней, он решил отбросить в сторону приличия и подошел к ним.

— Здравствуйте, дорогие друзья, не найдется ли у вас чего-нибудь покушать? — спросил он жалобным голосом. — Честное слово, целую ночь ничего не ел.

Его слова вызвали у коротышек целую бурю смеха. Тот, который был без рубашки, со смеху повалился на спину и принялся болтать в воздухе ногами. А тот, который был без штанов, ударял себя ладошками по голым коленкам и кричал:

— Что? Как ты сказал? Целую ночь не ел? Ха-ха-ха!.. Извини, бра-

тец, — сказал наконец он. — Мы живем по правилу: пять минут смеха заменяет ковригу хлеба. Поэтому уж если нам случается посмеяться, то мы смеемся не меньше пяти минут.

— Разве то, что я сказал, так смешно? — возразил Скуперфильд.

— Конечно, братец! Кто ж ночью ест? Мы думали, с тобой невеста что случилось, а ты говоришь: целую ночь не ел!

Они снова расхохотались, а Скуперфильд сказал:

— Если бы я только ночью не ел! Но вчера я даже не пообедал! Проклятый Крабс обещал угостить обедом, а вместо этого завез в лес и привязал к дереву.

Это заявление вызвало у коротышек новый припадок смеха.

— Что? — кричали они. — Привязал к дереву? Угостил, нечего сказать! Этот Крабс, видать, большой шутник!

И на этот раз они смеялись не меньше пяти минут. Наконец тот, который был в пиджаке, сказал:

— Извини, братец, ты, я вижу, хороший парень. С тобой не соску-

чишься! Только вот жаль, накормить тебя нечем. Хотели наловить раков на завтрак, да сегодня ловля неудачная вышла. Мерзавцы прячутся на такой глубине, что не донырнешь, а вода с утра такая холодная, что терпеть невозможно. Вот, если хочешь, попей с нами чайку. Эй, Мизинчик, — обратился он к коротышке, который был босиком. — Тащи-ка лишнюю кружку и начинай разливать чай. Сегодня твоя очередь.

Мизинчик быстро принес полдюжину консервных банок, поставил их на стол, сколоченный из двух больших ящиков, потом снял с костра банку из-под помидоров и принялся наливать из нее кипяток в консервные банки.

— Прошу к столу, — пригласил он, покончив с этим занятием.

Все уселись на ящики, которые заменяли здесь стулья. Скуперфильд тоже сел. Увидев, что все взяли консервные банки и принялись прихлебывать из них, Скуперфильд тоже взял банку и, хлебнув из нее, обнаружил, что там был не чай, а простой кипяток.

— Где же чай? — спросил с недоумением он.

— Вот это и есть чай, — объяснил Мизинчик. — Он, правда, без чая, но это такой чай без чая. Теперь мода такая.

— Гм! — проворчал Скуперфильд. — Ну, чай — это действительно предрассудок! Шут с ним! От него организму все равно нет никакой пользы. Но где же сахар?

Этот вопрос вызвал новый взрыв смеха. Бесштанная фыркнула прямо в свою банку, так что горячий кипяток выплеснулся прямо ему на голые колени. А Мизинчик сказал:

— Извини, братец, сахару у нас тоже нет. И купить не на что. Мы уже давно пьем чай без сахара.

— Какая же польза простую воду хлестать? — утрюмо проворчал Скуперфильд.

— Э, не говори так, братец, есть польза, — сказал тот, который был без рубашки. — Вот ты за ночь, к примеру, промерз, организм твой остыл. Надо ему согреться. А как? Вот ты горячей водички попей, горячая водичка растечется по всем твоим жилочкам, организму сразу станет теплей. Да и в желудке будет не пусто. Вода тоже полезна.

— Ведро воды заменяет стакан сметаны, — вставил Мизинчик. — Науке это давно известно.

Все опять засмеялись.

— А кто вы, братцы? И чем занимаетесь? — спросил Скуперфильд, принимаясь хлебать кипятком.

— Мы, братец, так называемые беспорточные безработные. Слышал, может быть, существует такая специальность? — ответил тот, который был без рубашки. — Когда-то и мы были не хуже других, а после того, как потеряли работу, опустились, как говорится, на дно. Вся наша беда

в том, что у каждого из нас чего-нибудь не хватает. Вот видишь, у меня на теле нет даже рубашки, у этого нет ботинок, этот ходит без шапки. А попробуй покажись в городе без сапог или хотя бы без шапки, тебя сразу схватят фараончики и отправят на Дурацкий остров.

— Что ж, это вполне естественно, — подтвердил Скуперфильд.

— Таким образом, в городе нам не житье, как видишь, да и без города невозможно. Сейчас я вот возьму у Мизинчика рубашку и отправлюсь в город. Может быть, удастся где-нибудь подзаработать. А завтра Мизинчик наденет мои ботинки и, в свою очередь, отправится на заработки. Так мы и перебиваемся со дня на день: двое дома сидят, двое на промысел ходят. В общем, беда! Чувствую, что теперь нам уж не выбиться из нужды.

Нахлебавшись горячего кипятка, Скуперфильд почувствовал, что ему на самом деле стало теплей. Правда, особенной сытости он все же не ощущал.

Вытащив из кармана клубни картофеля, он сказал:

— Я, братцы, нашел тут какие-то штучки. Может быть, их можно есть?

Увидев клубни, коротышки засмеялись.

— Это же картофель! — сказали они. — Его можно испечь.

— А вы умеете?

— Еще бы не уметь! — воскликнул Мизинчик.

Он схватил клубни и потащил к костру.

— Так вы, братцы, пеките, а я принесу еще.

С этими словами Скуперфильд вылез из-за стола и зашагал к зарослям лозняка.

— Куда же ты? — закричали коротышки.

— Я сейчас, братцы! В один момент! — крикнул Скуперфильд, исчезая в кустах.

В одну минуту он пробрался сквозь заросли лозняка и, очутившись на картофельном поле, принялся выдергивать из земли кусты вместе с клубнями. Отделив от корней клубни, он наполнил ими свой цилиндр доверху и уже хотел отправляться обратно, как вдруг почувствовал, что его кто-то схватил сзади за шиворот. Сообразив, что попал в руки сторожа, Скуперфильд с силой рванулся и бросился удирать.

— А вот я тебя! — кричал сторож, изо всех сил размахивая суковатой палкой, которую держал в руках.

Несколько раз он пребольно огрел Скуперфильда по спине палкой и прекратил преследование лишь после того, как загнал его в овраг.

Очутившись снова на дне оврага и растеряв по пути всю картошку, Скуперфильд начал раздумывать, куда ему лучше податься: вниз по оврагу или же вверх. Вылезать из оврага он опасался, чтобы снова не по-

пасть на глаза сторожу. Подумав как следует, он решил, что лучше все же отправиться вверх, так как в этом случае было больше надежды выбраться на поверхность.

Расчет Скуперфильда оказался верным. Пропутешествовав с полчаса, он выбрался из оврага и увидел вдали асфальтированную дорогу, по которой то в ту, то в другую сторону шмыгали автомашины.

Надеясь, что кто-нибудь сжалится над ним и подвезет до города, Скуперфильд подошел к краю дороги. Как только вдали показывалась автомашина, он принимался махать шляпой. Вскорости ему повезло. Один коротышка остановил машину и, отворив дверцу, пригласил его сесть.

— Вам куда надо? — спросил он, включая двигатель.

— Мне в Брехенвиль, — сказал Скуперфильд. — Думаю, что теперь мне уже лучше всего вернуться домой.

— В таком случае вам надо в обратную сторону, — сказал коротышка. — Я ведь в Давилон еду.

— Ну, все равно! — махнул рукой Скуперфильд. — Поеду сперва в Давилон, а оттуда на поезде в Брехенвиль. Кстати, зайду к этому мерзавцу Крабсу и рассчитаюсь с ним за то, что он привязал меня к дереву. И еще мне надо забрать оставленные у него в номере вещи.

Скуперфильд принялся подробно рассказывать новому знакомцу о своих приключениях и о подлом поступке Крабса, умалчивая лишь о том, с какой целью они отправились в совместную поездку. Все, что касалось денежных дел, Скуперфильд старался сохранять в тайне и никогда не нарушал этого правила. Коротышка громко смеялся, слушая этот рассказ, и был очень доволен, что судьба послала ему такого смешного спутника. Впрочем, скоро они распрощались, так как приехали в Давилон.

Поблагодарив владельца автомобиля за оказанную услугу, Скуперфильд отправился прямо в гостиницу. Там ему сказали, что Крабс еще вчера отбыл в Грабенберг. Скуперфильд, однако, сказал, что ему надо забрать оставленные в номере вещи. Упаковав обратно в цилиндр оставленные мыло, полотенце, платки и другие предметы, вплоть до гвоздей и куска проволоки, Скуперфильд отправился в ресторан, велел, чтоб ему подали четыре обеда, и принялся есть, как говорится, за четверых.

Пообедав и выпив для хорошего пищеварения бутылочку минеральной воды, он решил, что теперь уже ничто не мешает ему вернуться в свой родной Брехенвиль. Как мы уже убедились, случаю было угодно, чтоб он попал на тот же поезд и даже в тот же вагон, в котором Незнайка и Козлик ехали в Сан-Комарик. Известно, что Брехенвиль находится по пути в Сан-Комарик.

КАК НЕЗНАЙКА И КОЗЛИК ПРИБЫЛИ В САН-КОМАРИК

Положив вытащенные из цилиндра вещи на небольшой столик, который был у окна вагона, Скуперфильд внимательно оглядел свой головной убор и, обнаружив на нем пятно грязи, принялся счищать его рукавом. Размазав грязь равномерно по всему цилиндру, он успокоился и положил вынутые вещи обратно, после чего спрятал цилиндр под лавку. Тут он увидел проходившего по вагону проводника и, узнав от него, что поезд прибывает в Брехенвиль в три часа пополуночи, Скуперфильд попросил, чтоб он разбудил его.

— Хорошо, хорошо, — сказал проводник.

— Не «хорошо, хорошо», а обязательно разбудите! — проворчал Скуперфильд. — Прошу принять во внимание, что я сплю чрезвычайно крепко и обязательно стану просить дать мне еще поспать, но вы меня не слушайте: хватайте прямо за шиворот и выталкивайте из вагона.

Увидев, что толстенький пассажир, сидевший напротив, читает газеты, Скуперфильд попросил дать ему почитать «Давилонские юморески». Получив газету, он прочитал в ней сообщения о различных кражах, похищениях, ограблениях, убийствах, поджогах и отравлениях, которые произошли за день, после чего принялся читать анекдотики, которые его немало повеселили и привели в хорошее настроение. Покончив с анекдотиками, он хотел взяться за художественные рассказы, но его внимание привлекла уже известная нам статейка, в которой говорилось о гигантских акциях. Прочитав эту статейку, Скуперфильд крепко задумался. Он хорошо знал, что газета «Давилонские юморески» принадлежала миллиардеру Спрутсу, поэтому в ней печаталось только то, что могло дать выгоду этому богачу.

«Значит, Спрутсу выгодно, чтоб перестали покупать гигантские акции, — сказал сам себе Скуперфильд. — Может быть, ему даже хочется, чтоб они понизились в цене?.. Да, да! Какой же я остопоп, что не сообразил этого сразу. Недаром Спрутс так старался, чтоб Мига и Жулио скрылись с деньгами. Ведь как только они скроются, цены на акции обязательно упадут. Тогда господин Спрутс купит их по дешевке, а когда они снова поднимутся в цене, продаст и разбогатеет еще больше. Что ж, надо перебить Спрутсу дорогу и купить гигантские акции раньше его. Это будет выгодное дельце!»

Обрадовавшись тому, что придумал дельце, на котором сможет нажить огромные барыши, Скуперфильд принялся потирать от удовольствия руки и даже что-то потихоньку запел про себя. Заметив, однако, что уже наступила ночь и многие пассажиры спят, он решил, что и ему пора спать, тем более что предыдущую ночь он провел совершенно без сна.

Расстелив оставленную проводником постель, Скуперфильд растянулся во весь рост на лавке, сказав про себя:

«Да, братцы, в поезде спать — это не то что в дупле!»

Он уже готов был погрузиться в сон, но решил проверить, не стащил ли кто-нибудь из-под лавки цилиндр. Сунув руку под лавку, он убедился, что цилиндр был на месте. Это успокоило Скуперфильда, но как раз в этот момент он почему-то вспомнил о своей трости. Пошарив рукой по полу и не обнаружив трости, он принялся искать ее у себя на лавке, потом на лавке у толстяка, который в это время уже храпел, накрывшись газетой; заглянул даже на верхние полки, где спали Незнайка с Козликом. Трости нигде не было.

«А может быть, я пришел в вагон уже без трости? — мелькнула у Скуперфильда мысль. — Может, я ее забыл где-нибудь?»

Он начал припоминать, что действительно давно не видал своей трости, и постепенно ему стало ясно, что он забыл ее либо в гостинице, куда заходил, чтоб забрать свои вещи, либо в машине у коротышки, который подвез его, либо у тех коротышек, которые угощали его кипятком.

«А может быть, она осталась в дупле?» — чуть не закричал Скуперфильд.

Он уже хотел потребовать, чтоб остановили поезд, так как решил ехать обратно на поиски трости, но сообразил, что это обойдется ему намного дороже, чем купить новую трость. Поэтому он снова положил голову на подушку и попытался заснуть.

Мысль, что придется затратить деньги на приобретение новой трости, не давала, однако, ему покоя. Он изо всех сил старался вспомнить, где оставил трость, но мог припомнить лишь то, что держал трость в руках, когда стукнул ею по голове Жулио.

«А здорово я его огрел тогда», — подумал он.

Мысль эта все же не принесла ему облегчения. Его по-прежнему грызла досада. Он вспоминал, какую сумму уплатил за трость, и проклинал себя за то, что купил трость с костяным набалдашником, а не с железным, которая обошлась бы ему гораздо дешевле.

Неизвестно, до каких бы пор продолжались его мучения, если бы не произошел непредвиденный случай.

Перед тем как лечь спать, Незнайка и Козлик решили попить газированной водички с сиропом. Откупорив бутылку, они половину воды выпили, а другую половину оставили на ночь. Чтобы бутылка случайно не опрокинулась ночью, Козлик поставил ее на своей полке к стенке вагона и прижал сбоку подушкой, на которой спал. Ночью от тряски вагона подушка понемногу сместилась в сторону, бутылка от этого наклонилась, и газированная вода начала капать из горлышка. Скуперфильд, место которого находилось под Козликом, моментально заметил,

что сверху капает какая-то жидкость. Подставив ладонь, он собрал в ней несколько капель и, слизнув их языком, установил, что капала газированная вода с сиропом. Считая неблагоразумным допускать, чтобы этот полезный напиток пропадал даром, он подставил под капли рот, стараясь разинуть его как можно шире.

Бутылка между тем наклонилась от тряски больше, и вода полилась из нее тонкой струйкой. С удовольствием глотая эту сладкую, пахучую, приятно щиплющую за язык жидкость, Скуперфильд прикидывал в уме, во сколько обошлась бы ему газированная вода, если бы понадобилось уплатить за нее. Эту сумму он вычитал из суммы, затраченной на покупку пропавшей трости, и испытывал удовольствие оттого, что сумма пропажи как бы становилась меньше. Бутылка тем временем наклонялась больше, благодаря чему газированная вода текла не переставая. В соответствии с этим текли и мысли в голове Скуперфильда. Постепенно увлекшись, он стал мечтать о том, как было бы хорошо, если бы при каждой железнодорожной поездке ему удавалось выпить хотя бы бутылку газированной воды бесплатно. Разделив стоимость пропавшей трости на стоимость бутылки газированной воды с сиропом, он вычислил количество железнодорожных поездок, которые пришлось бы совершить, чтоб вернуть сумму денег, затраченных на покупку трости.

Занимаясь этими приятными расчетами, Скуперфильд постепенно забыл о своих огорчениях и пришел в хорошее настроение. Как раз в этот момент бутылка окончательно опрокинулась и, полетев вниз, стукнула Скуперфильда по лбу.

— Вот и всегда так! — пробормотал Скуперфильд, схватившись за лоб руками. — Не успеешь получить удовольствие, как приходится за это расплачиваться! Проклятая жизнь, чтоб ей провалиться на месте!

Потрогав ушибленный лоб, он убедился, что на этот раз отделался шишкой. Чувствуя, что боль от удара понемногу проходит, он успокоился и наконец заснул.

Поезд между тем мчался вперед. Колеса мерно постукивали. Время тоже не стояло на месте. Когда Скуперфильд заснул, было далеко за полночь. Не прошло и двух часов, как впереди засветились огни Брехенвиля. Колеса застучали на стрелках. Поезд постепенно замедлил ход и вскоре остановился.

Скуперфильд, однако, продолжал спать. Проводник забыл его разбудить и вспомнил об этом, лишь когда поезд уже отошел от станции.

— Вот так штука! — воскликнул проводник, останавливаясь возле спящего Скуперфильда. — Кажется, этот чудака хотел сойти в Брехенвиле... Да, да, верно! Ну что ж, ссажу его на следующей остановке, а в Брехенвиль он сможет вернуться на пригородном поезде. Теперь все равно ничего не поделаешь.

Чтоб избежать неприятных объяснений, он решил пока не будить Скуперфильда, а принялся тормошить его, как только поезд остановился на следующей станции, которая имела какое-то странное название — «Паноптикум».

— Вставайте скорее, вам сходить пора! — кричал проводник и дергал Скуперфильда за плечо.

В ответ на это Скуперфильд только отмахивался рукой и продолжал храпеть, словно не к нему обращались. Видя, что поезд скоро отойдет и от этой станции, проводник рассердился не на шутку и закричал Скуперфильду прямо в ухо:

— Слушайте, господин хороший, перестаньте дурить, а не то вам придется заплатить штраф за проезд без билета. Ваш билет кончился еще в Брехенвиле.

Услышав, что ему придется за что-то платить, но не разобрав за что, Скуперфильд на минутку очнулся и, соскочив со скамьи, осовело уставился на проводника. Воспользовавшись этим, проводник схватил его за шиворот, подтащил к выходу и вытолкнул на перрон. Вернувшись обратно, он поднял валявшуюся на полу газету, достал из-под лавки цилиндр, набитый всякой всячиной, и, подойдя к двери, сунул все это в руки ошалевшему Скуперфильду. Скуперфильд хотел о чем-то спросить и уже раскрыл рот, но поезд как раз в это мгновение тронулся, и он так и остался на перроне с разинутым ртом.

Незнайка и Козлик даже не слыхали, что произошло ночью. Они спали достаточно крепко, так как в предыдущую ночь им не удалось как следует выспаться из-за кинокошмаров. Уже давно рассвело, а они продолжали спать и, наверно, проехали бы Сан-Комарик, если бы проводник не разбудил их.

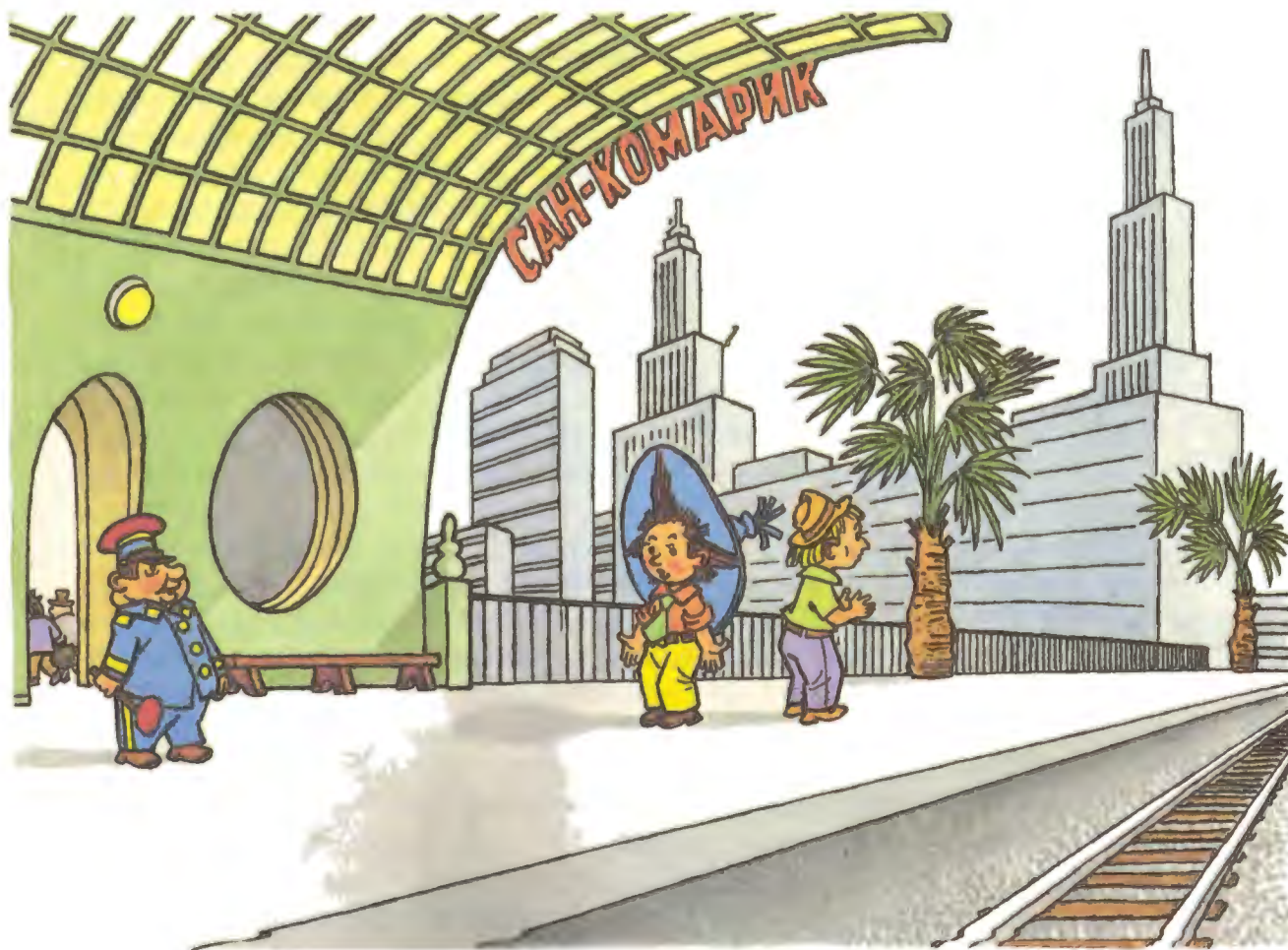
— Эй! — закричал он. — Вам, как видно, хочется тоже проспать свою станцию! Ну-ка, вставайте!

Видя, что Незнайка и Козлик даже не пошевелились, он принялся стучать по их полкам стальными шипцами, которыми пользовался для пробивки билетов. Услышав стук, Незнайка и Козлик проснулись.

И вовремя!

Поезд уже подходил к станции. Многие пассажиры, схватив чемоданы и узелки с вещами, толпились у вагонных дверей. Незнайка и Козлик соскочили со своих полок и тоже стали пробираться к выходу.

Сан-Комарик был большой город, поэтому здесь сходило множество пассажиров. Как только поезд остановился, широкий перрон мгновенно заполнился приехавшими, которые тут же смешались со встречавшими, отъезжавшими и провожавшими. Выйдя из вагона, Незнайка и Козлик принялись оглядываться по сторонам, надеясь увидеть в этой пестрой

толпе Мигу и Жулио. Перед ними мелькало множество лиц, но ни одного похожего на Мигу или Жулио не было.

— А может быть, они встречают нас у другого вагона, — высказал предположение Незнайка, приподнимаясь на цыпочки и стараясь поверх голов разглядеть, что делалось у других вагонов.

— Подождем, — сказал Козлик. — Нам не к спеху. Скоро перрон очистится, и они увидят нас.

— Или мы их, — сказал Незнайка.

— Разумеется: или мы их, — подтвердил Козлик.

Скоро толпа приехавших и встречающих схлынула, а после отхода поезда разошлись и провожавшие. Перрон опустел, и на нем не осталось никого, кроме Незнайки и Козлика.

— Что же это? — недоумевал Козлик. — По правде сказать, мне эти Мига и Жулио никогда не внушали доверия. Я все время ждал, что они выкинут с нами какую-нибудь скверную шутку. А может, они ошиблись и придут встречать нас к следующему поезду?

Тут к ним подошел железнодорожный служащий в форменной фуражке и спросил, что они здесь делают.

— Нас, понимаете, должны были встретить, но не встретили, — объяснил Козлик.

— Ну, не встретили, так в другой раз встретят, а торчать здесь нечего. Это запрещено правилами, — сказал служащий.

— А когда прибудет следующий поезд из Давилона? — спросил Козлик.

— Завтра в это же время, — ответил служащий и зашагал прочь.

— Что ж, придем сюда завтра. Может быть, они перепутали дни, — сказал Козлик.

Они прошли через вокзал и зашагали по улице.

— Что же нам теперь делать? — спросил Незнайка.

— Надо где-нибудь раздобыть денег, — ответил Козлик. — Ведь у нас с тобой даже на обед нет. Да и на ночлег припасти надо.

— А где мы будем раздобывать деньги?

— Ну, придется искать работу. Ты когда-нибудь служил в ресторане?

— Никогда в жизни, — признался Незнайка.

— Самое лучшее, — сказал Козлик, — это куда-нибудь в ресторан официантом устроиться или поваром. Поближе к еде, — пояснил он. — Я однажды уже служил в ресторане швейцаром. Видел, как официанты работают. Ничего сложного. Только устроиться трудно. Обычно все места заняты.

Увидев по пути ресторан, Козлик смело отворил дверь, и они с Незнайкой вошли. Для завтрака время уже было позднее, а для обеда раннее, поэтому в ресторане посетителей не было. Увидев хозяина ресторана, который стоял за буфетной стойкой и озабоченно щелкал на счетах, подсчитывая не то доходы, не то расходы, Козлик спросил:

— Вам повара или официанты не требуются?

Хозяин перестал щелкать на счетах и, окинув Незнайку и Козлика взглядом, спросил:

— А кто из вас повар?

— Я повар, — ответил Козлик. — А вот он официант.

— Какой же из тебя повар! — усмехнулся хозяин. — Повара обычно бывают толстенькие, а ты вон какой худой.

— Вы меня только возьмите, я обязательно растолстею, — ответил Козлик.

— Вот ты растолстей сначала, а тогда я тебя возьму! — сердито буркнул хозяин.

— А нельзя ли в таком случае вот ему поваром? — показал на Незнайку Козлик. — Он, кажется, потолще меня.

— Но ты ведь сказал, что он официант, а не повар, — возразил хозяин.

— Это ничего. Он может и поваром.

— Ты на самом деле можешь готовить еду? — обратился хозяин к Незнайке.

— В точности не скажу, так как ни разу не пробовал, — ответил Незнайка. — Надо попробовать.

— Нет, — ответил хозяин. — Мне такой повар не нужен. И вообще мне повар не нужен. У меня уже есть повар.

— Тогда возьмите его помощником, — предложил Козлик.

— И помощник не нужен.

— Тогда возьмите нас официантами.

— И официанты не нужны. Мне и своих официантов придется увольнять. Видишь, посетителей совсем нет.

— Ну возьмите нас хоть посуду мыть, — не унимался Козлик.

— У меня есть судомойка, — махнул хозяин рукой.

— Какой-то осел! — обругал хозяина Козлик, когда они с Незнайкой вышли на улицу. — Ну скажи, пожалуйста, какая ему разница, кто из нас повар, ты или я, если ему вообще повара не нужны? Только время на разговоры потратили!

В другом ресторане разговор получился примерно такой же. Узнав, что Незнайка и Козлик согласны работать в его ресторане поварами, официантами, буфетчиками, пекарями, кассирами, судомойками, полотерами, директорами, ночными сторожами или швейцарами, хозяин спросил:

— И вы все это можете?

— Все можем, — заверил Козлик.

— А предсказывать будущее вы можете?

— Чего нет, того нет, — развел Козлик руками. — Предсказывать будущее, к сожалению, не можем.

— А вот я предскажу вам будущее, — сказал хозяин. — Сейчас вы вылетите за дверь и никогда сюда не вернетесь больше.

— Это почему? — спросил Козлик.

— Потому что я так предсказал.

— Этот тоже осел! — вынес свой приговор Козлик, очутившись за дверью. — На его месте я бы не хуже предсказывал.

В следующем ресторане разговор получился еще короче. Не успел Козлик открыть рот, как хозяин стукнул кулаком по столу и сказал:

— Марш! И чтоб я тебя больше не видел!

— Коротко, но не совсем вежливо! — сказал Козлик.

Само собой разумеется, что эти слова тоже были сказаны уже на улице.

Первые неудачи не обескуражили Козлика. Они с Незнайкой еще долго ходили по ресторанам, всюду получая отказ и подвергаясь на-

смешкам, после чего принялись бродить по магазинам и предлагать себя в продавцы. Впрочем, с тем же успехом. Хозяева магазинов интересовались больше покупателями, чем продавцами.

Скоро наступил вечер. Повсюду засветились яркие огни реклам. Центральные улицы города, куда забрели в это время Незнайка с Козликом, наполнились электрическим светом, весельем и музыкой, гуляющими и танцующими коротышками, скрипением качелей, вертящихся каруселей, чертовых колес и других приспособлений для веселого времяпрепровождения. В этом отношении Сан-Комарик ничем не отличался от других больших лунных городов.

Незнайка и Козлик с завистью поглядывали на коротышек, которые сидели у ресторанов за столиками и угощались разными вкусными блюдами. Смотреть на все это и не иметь возможности утолить голод было очень мучительно.

— Лучшее средство заглушить аппетит — это смотреться в кривые зеркала, — сказал Козлик. — Я лично всегда так делаю. Когда смеешься, голод не так сильно чувствуется.

Они принялись бродить вдоль выставленных у краев тротуара кривых зеркал и разглядывать свои отражения. Одно из зеркал до такой степени исказило их физиономии, что Незнайка и Козлик, как ни было им грустно, все же не смогли удержаться от смеха.

Посмеявшись, Незнайка заметил, что есть действительно стало хотеться меньше. В это время они увидели коротышек, собравшихся толпой перед небольшим деревянным помостом, над которым красовалась вывеска с надписью: «Веселый балаганчик». На помосте за занавеской, сделанной из обыкновенной простыни, стоял какой-то смешной коротышка. Он просунул голову в круглое отверстие, имевшееся посреди простыни, а стоявшие перед помостом зрители швыряли в него резиновыми мячами, целясь прямо в лицо. Коротышка смешно гримасничал и нелепо дергался в стороны, стараясь уберечь лицо от ударов, что очень веселило зрителей.

Услыхав смех, Незнайка и Козлик подошли ближе и тоже принялись хохотать, глядя на смешные ужимки этого потешного коротышки.

— Зачем же он это? — спросил, задыхаясь от смеха, Незнайка. — Это же, наверно, больно, когда по лицу мячом?

— Конечно, больно, — ответил Козлик. — Но ведь надо как-нибудь зарабатывать на жизнь. Ему хозяин платит за это.

Тут Незнайка увидел хозяина балаганчика. Он стоял возле большой белой корзины, доверху наполненной резиновыми мячами. Каждый, кто хотел швырнуть мячом в коротышку, платил хозяину сантик. Как раз в этот момент один из зрителей, желая потешить себя и других, уплатил сразу за пять мячей и принялся швырять их в лицо коротышки. От четы-

рех мячей коротышке удалось увернуться, зато пятый угодил ему прямо в глаз, да с такой силой, что веко моментально распухло. Глаз у бедняги закрылся и перестал видеть. Испуганный коротышка сказал, что сегодня он уже не сможет работать, и ушел домой. Хозяин балаганчика, однако, не растерялся и, взобравшись на помост, закричал:

— Ну-ка, друзья, кто хочет заработать три фертинга? Плачу целых три фертинга тому, кто продержится до закрытия.

— Становись сам! — закричал кто-то из зрителей. — Ну-ка, подставь свою толстую рожу!

В это время Козлик быстро пролез сквозь толпу и, вскочив на помост, сказал:

— Давай я попробую.

— Попробуй, попробуй! Только не вздумай пищать, когда получишь мячиком по носу, — послышалось из толпы.

Все засмеялись вокруг. Стараясь не обращать внимания на смеющихся коротышек, Козлик спрятался за занавеску и просунул в отверстие голову. Он сразу же убедился, что занавеска не давала возможности сильно отклонять голову и действовать здесь надо как можно проворнее.

Не успел он оглядеться вокруг, как «игра» началась и довольно метко брошенный мяч огрел его по лбу.

Это на секунду ошеломило Козлика и напомнило, что зевать здесь нельзя. После первого удара по лбу последовало несколько увесистых ударов по щекам, а один мяч даже попал ему по носу. Но самый сильный удар пришелся по уху. Боль была такая, что у Козлика невольно выступили на глазах слезы. Чтобы как-нибудь увернуться от летящих мячей, он дергался из стороны в сторону, крепко зажмурился, стараясь уберечь от повреждения глаза, отчего получались очень смешные гримасы.

Зрители веселились вовсю. Привлеченные смехом, к толпе присоединялись новые прохожие. Торговля мячами шла бойко. Хозяин едва успевал получать деньги.

Но Незнайке на этот раз было не до веселья. Он с замиранием сердца следил за движениями своего друга и испытывал такое чувство, будто удары доставались не Козлику, а ему самому. Он готов был умолять коротышек, чтоб они не обижали бедного Козлика, готов был колотить всех, кто бросал в него мячами, а заодно и владельца балаганчика, который придумал это дурацкое развлечение ради собственной выгоды.

Время, однако, шло. В воздухе становилось прохладнее. Вскоре толпа начала понемногу редеть, а потом и вовсе рассеялась. Хозяин отсчитал Козлику три фертинга самыми мелкими монетками и закрыл свое увеселительное заведение на ночь.

Через пять минут Незнайка и Козлик сидели в теплом помещении столовой и с аппетитом уплетали вкусный перловый суп с пирогами и гречневую кашу с маслом. Козлик кричал от удовольствия, чмокал губами и жмурился, словно проголодавшийся котенок, которого принесли с мороза и угостили сметанкой. Незнайка тоже на все лады расхваливал и суп, и кашу, и пироги. После перенесенных волнений еда казалась ему особенно вкусной.

Глава двадцать третья **В «ТУПИЧКЕ»**

Гостиница «Экономическая», куда отправились ночевать Незнайка и Козлик, славилась своей дешевизной. За пятьдесят сантиков здесь можно было получить на ночь вполне удобный номер, что было чуть ли не вдвое дешевле, чем в любой другой гостинице. Этим объяснялось, что гостиница «Экономическая» никогда не испытывала недостатка в жильцах. Каждый, прочитав на вывеске надпись: «Самые дешевые номера на свете», недолго раздумывая шел в эту гостиницу. Уплатив пятьдесят сан-

тиков, Незнайка и Козлик получили ключ и, разыскав свой номер, очутились в небольшой чистенькой комнате. Здесь были стол, несколько стульев, платяной шкаф, рукомойник с зеркалом у стены и даже телевизор в углу.

— Смотри, — сказал с удовольствием Козлик. — Где еще можно получить за пятьдесят сантиков номер, да еще с телевизором? Можешь поверить мне на слово, что нигде. Неспроста гостиница называется «Экономической».

Отворив шкаф и положив на полочку свои шляпы, Незнайка и Козлик хотели расположиться на отдых, но в это время зазвенел звонок и на том месте, где обычно бывает электрический выключатель, замигал красный глазок. Взглянув на этот световой сигнал, Незнайка и Козлик заметили, как из отверстия, которое имелось в стене, высунулся плоский металлический язычок с углублением на конце, а под ним замигала светящаяся надпись: «Сантик».

— Ах, чтоб тебя! — воскликнул Козлик и с досадой почесал затылок. — Я, кажется, уже знаю, что это за штука. По-моему, мы попали в гостиницу, где берут отдельную плату за пользование электричеством. Видишь — язычок. Если не положишь на него сантик, то свет погаснет и мы останемся в темноте.

Не успел он это сказать, как лампочка под потолком погасла и комната погрузилась во мрак.

Сунув руку в карман, Козлик достал монету достоинством в сантик и положил ее в углубление на конце язычка. Язычок моментально исчез в отверстии вместе с монеткой, и лампочка засветилась вновь.

— Ну, теперь все в порядке, — облегченно вздохнул Козлик.

В это время Незнайка обратил внимание на то, что в номере не было кроватей.

— На чем же мы будем спать? — с недоумением спросил он.

— Здесь откидные кровати, — объяснил Козлик. — Так часто делается в дешевых гостиницах. Днем кровати все равно никому не нужны, они откидываются к стене, а на ночь опускаются снова.

Незнайка огляделся по сторонам и убедился, что кровати здесь были устроены на манер откидных полок, как это бывает в вагонах поезда.

Козлик подошел к одной из полок и потянул за привинченную сбоку металлическую ручку. Кровать, однако же, не откинулась, а вместо этого из стены высунулся еще один металлический язычок и под ним опять замигала надпись: «Сантик».

— Ах, черти! — воскликнул Козлик. — Так здесь, значит, и за кровати надо платить!

Он сунул в углубление язычка сантик. Кровать мгновенно откинулась, а из стены в тот же момент высунулись еще три язычка, под кото-

рыми замигали надписи: «Простыня — 1 сантик», «Одеяло — 1 сантик», «Подушка — 2 сантика».

— А! — закричал Козлик. — Теперь мне понятно, почему гостиница называется «Экономической»! Потому что здесь можно сэкономить уйму денег. Захотел сэкономить сантик — спи без простыни или без одеяла. За два сантика можешь спать без подушки. А за целый пятак спи на голом полу. Сплошная выгода!

Вытащив горсть монеток, Козлик принялся класть их на высунутые язычки. Один за другим язычки исчезали, словно проглатывали монетки, а из отверстия, открывшегося в стене, выскакивали, как из автомата, то аккуратно сложенная простыня, то подушка, то одеяло.

Застелив постель, Козлик подошел к другой полке и устроил точно таким же путем постель для Незнайки. Поскольку спать им еще не хотелось, друзья решили посмотреть телевидение. Подойдя к телевизору, Козлик повернул рукоятку. Телевизор, однако же, не включился, зато сверху высунулся уже знакомый нам язычок и потребовал плату сразу пять сантиков.

— Да это же грабеж! — возмутился Козлик. — Такие деньги платить только за то, чтоб посмотреть телевизор!

Поворчав немного, он все же вынул пять сантиков и положил их на язычок. Пять сантиков исчезли в утробе телевизора. Экран тотчас же засветился, и на нем замелькали кадры незнакомого фильма. В фильме показывалось, как целая орава полицейских и сыщиков ловила шайку преступников, похитивших какие-то ценности. Полицейские то и дело устраивали облавы, засады, внезапные нападения, но преступникам каждый раз удавалось ловко обмануть полицейских и уйти от преследования.

Незнайка и Козлик смотрели фильм с середины и никак не могли понять, где и какие ценности преступники похитили. Им все же почему-то хотелось выяснить этот вопрос. В то же время им чрезвычайно интересно было узнать, поймают в конце концов преступников или нет.

Картина между тем становилась все напряженнее и стремительнее. Одна за другой возникали головокружительные погони, массовые драки и оглушительные перестрелки. На самом интересном месте, когда главаря шайки вот-вот должны были схватить, телевизор вдруг выключился, вверху снова высунулся язычок и замигала надпись: «5 сантиков».

— На, жри! — с досадой проворчал Козлик и поскорей сунул в телевизор еще пять сантиков.

Экран замелькал по-прежнему, бандиты бросились выручать своего главаря. Полицейские стали забрасывать их бомбами со слезоточивыми газами, а потом вызвали на подмогу бронированные автомобили и снова пустились в погоню, круша и ломая все на своем пути.

Незнайке и Козлику все же не удалось досмотреть этот захватывающий фильм до конца. Когда язычок высунулся в пятый раз, Козлик сказал:

— Хватит! Мы не Скуперфильды какие-нибудь, чтоб выбрасывать деньги на ветер! Да к тому же и спать нам пора.

Решив на ночь умыться, Козлик подошел к раковиннику, но и тут пришлось израсходовать сантик на воду, сантик на мыло и сантик на полотенце.

Вслед за Козликом начал умываться Незнайка. Но едва он намылil лицо, как что-то щелкнуло и вода перестала течь. Незнайка вертел кран то в одну сторону, то в другую, стучал по нему кулаком, но это не помогало. Мыло невыносимо щипало ему глаза, а смыть было нечем. Тогда Незнайка стал звать на помощь Козлика. Видя неладное, Козлик подбежал к крану, но как раз в это время погас свет и комната снова погрузилась во мрак. Единственное, что можно было разглядеть в темноте, это настойчиво мигавший красный глазок на стене и поблескивавший под ним металлический язычок.

Сообразив, что вновь требуется уплата за электричество, Козлик бросился к язычку, доставая на ходу из кармана сантик. Слизнув в одно мгновение монетку, язычок скрылся в стене, и свет загорелся. Наладив

таким образом дело со светом, Козлик подбежал к рукомойнику и увидел, что здесь также высунулся язычок, требовавший уплаты за воду.

— Ах ты ненасытная утроба! — выругался Козлик. — Я ведь с тобой расплатился уже! Ну, на, жри, если тебе мало!

И здесь сантик был мгновенно проглочен, в результате чего вода полилась из крана, и Незнайка смог наконец смыть разъедавшее глаза мыло.

Тяжело вздохнув, Козлик подсчитал оставшиеся у него монетки и сказал, что надо поскорей укладываться спать, так как денег у них осталось мало. Раздевшись, друзья забрались в постели, но на этом их траты не кончились. Вскоре они почувствовали, что в комнате стало холодно. Как ни кутались они в одеяла, холод пронизывал их, как говорится, до костей. Наконец Козлик вскочил с постели и решил потребовать, чтоб их перевели в более теплый номер. Подбежав к двери и увидев на стене ряд кнопок с надписями: «Коридорный», «Посыльный», «Горничная», «Официант», он принялся изо всех сил нажимать на них, но в ответ на это из стены лишь высовывались язычки, каждый из которых неумолимо требовал: «Сантик», «Сантик», «Сантик».

— С ума вы все посходили! — возмущался Козлик. — Где я вам наберу столько сантиков!

В это время Незнайка заметил на стене еще две кнопки, под которыми имелись надписи: «Отопление» и «Вентиляция».

— Постой, — сказал он. — Мы, наверно, забыли включить отопление.

Он нажал кнопку, но и тут из стены высунулся язычок и заявил о своем желании получить сантик.

— В последний раз даю! — проворчал Козлик, доставая из кармана монетку.

Сантик произвел свое магическое действие. Послышалось приглушенное гудение, и из отверстия, имевшегося под рукомойником, в комнату начал поступать теплый воздух. Почувствовав, что в комнате стало теплей, друзья забрались в кровати и, пригревшись, заснули.

Утром они проснулись ранехонько и решили поскорей удрать из гостиницы, чтоб сохранить остатки монеток. Однако и тут на их пути возникло препятствие в виде наглухо запертой дверцы шкафа, в котором они оставили свои шляпы. Сколько ни дергал Козлик за ручку, из дверцы лишь высовывался язычок, требуя сантик в уплату за хранение вещей. Видя, что ничего не поделаешь, Козлик полез в карман за монеткой.

— Чтоб вас черти побрали! — выходил из себя он. — Это какая-то грабировка, а не гостиница. Тут проживешь, так не только без шляпы останешься, — гляди, как бы и штаны не сняли. Скоро чихнуть бесплатно будет нельзя.

Заскочив в закусочную и наскоро позавтракав, друзья поспешили на вокзал, в надежде, что Мига и Жулио появятся к приходу поезда. Надежды их оказались, однако, напрасными. Поезд пришел, но Мига и Жулио так и не появились.

— Теперь ясно, что они обманули нас и удрали с деньгами, — сказал Козлик.

Они снова отправились искать работу, но в этот день их поиски не увенчались успехом. Козлик сказал, что ~~это~~ ничего, так как скоро откроется «Веселый балаганчик» и можно будет попытаться подзаработать там. Явившись на улицу, где было уже знакомое им увеселительное заведение, Незнайка и Козлик увидели, что вчерашний коротышка выздоровел и уже стоял на помосте, увертываясь от летевших в лицо мячей. Правда, под глазом у него красовался большой синяк, но коротышка, по-видимому, привык не обращать внимания на подобные пустяки.

— Что ж, — сказал Козлик, — я думаю, это ничего. Скоро его кто-нибудь стукнет мячиком так, что он полетит с ног, тогда я опять займу его место.

Расчеты Козлика оказались верными. Скоро действительно кто-то запустил мяч с такой силой, что коротышка не успел увернуться. Удар на этот раз пришелся по другому глазу. Схватившись рукой за подбитый глаз и заливаясь слезами от боли, бедняга, невзвидя света, побежал поскорей домой. Козлику было жалко несчастного коротышку, но вместе с тем он был рад, что теперь сможет заработать немного денег.

Не успел он, однако, предложить свои услуги хозяину, как стоявший неподалеку коротышка вскочил на помост и закричал:

— А теперь я буду! Давайте в меня бросайте.

Он тут же просунул голову в отверстие в занавеске, и мячи полетели в него.

Этот новый коротышка оказался хорошим актером. Он ловко увертывался от мячей. Зная, однако, что публике не нравится, когда мячи летят мимо, он время от времени наклонял голову и нарочно подставлял под удар лоб. Мячик, не причинив коротышке особенного вреда, отскакивал ото лба, а коротышка, сделав вид, будто удар был сильный, падал на пол и, высунувшись из-за занавески, дрыгал ногами в воздухе. Это страшно смешило зрителей и привлекало новых прохожих. Хозяин был очень доволен, что ему попался такой хороший работник.

Козлика не оставляла надежда, что и этот смельчак не продержится долго, но он все же продержался до закрытия балагана.

— Теперь нам с тобой придется лечь спать без ужина, — с огорчением сказал Козлик.

— А разве у тебя не осталось больше монеток?

— Осталось всего двадцать сантиков, но эти деньги понадобятся нам, чтоб заплатить за ночлег.

— А может быть, лучше эти деньги проесть и переночевать просто на улице? — спросил Незнайка.

— Что ты! Что ты! — испуганно замахал Козлик руками. — Или забыл, что я тебе про Дурацкий остров рассказывал? Лучше без еды потерпеть, чем попасть полицейским в руки.

— Небось как проголодаешься посильней, так и на Дурацкий остров захочешь, — проворчал Незнайка.

— Что ж, бывает и так, — согласился Козлик.

Разговаривая таким образом, друзья шагали по городу. Чем дальше они уходили от центра, тем реже встречали освещенные витрины магазинов и яркие огоньки реклам. Дома становились все ниже, а окна подслеповатее. Асфальтированные тротуары кончились, и пошли просто булыжные, с выбоинами и ухабами и лежащими поперек кучами мусора. Вид всего этого производил на Незнайку удручающее впечатление. Одни названия улиц могли вызвать неприятное чувство. Если в богатых кварталах города чаще встречались такие названия, как Светлая улица, Счастливая улица, бульвар Радости, то здесь в ходу были такие названия, как улица Бедности, Темная улица, Грязная улица, Болотная или Гнилая.

Заметив, что они забрели в какую-то глушь, Незнайка спросил:

— Разве мы не пойдем сегодня в «Экономическую» гостиницу?

— Нет, братец, — ответил Козлик. — «Экономическая» гостиница нам сегодня не по карману. У нас на каждого всего по десять сантиков, а за такую сумму можно переночевать лишь у Дрянинга в «Тупичке». Это так гостиница называется, — пояснил Козлик.

Пройдя по Большой Трущобной улице, наши друзья свернули на Малую Трущобную и, миновав Первый, Второй и Третий Трущобные переулки, свернули в узенький закоулочек, который назывался Мусорный тупичок. В конце этого закоулочка стоял большой серый дом, с виду напоминавший огромный мусорный ящик.

Над входной дверью, которая поминутно открывалась, пропуская все новых коротышек, висела вывеска с надписью: «Общедоступная гостиница «Тупичок».

Теперь уже неизвестно в точности, называлась ли гостиница так, потому что помещалась в тупичке, или же улица была названа тупичком вследствие того, что здесь была гостиница с таким названием.

Незнайка и Козлик вошли в дверь и очутились перед конторкой с окошечком. Заглянув в окошечко, Козлик спросил:

— У вас найдется два места по десять сантиков?

Кто-то, кого не видел стоявший сбоку Незнайка, ответил:

— Найдется. Минус второй этаж, места двести пятнадцать и двести шестнадцать.

Козлик протянул в окошечко деньги и получил два жестяных жетона, на которых были выбиты цифры: «215» и «216».

— А что значит — минус второй этаж? — заинтересовался Незнайка. — Почему минус?

— Этот дом не только поднимается вверх, но и опускается вниз, под землю, — объяснил Козлик. — Все этажи, которые вверх, те — плюс, а которые вниз, те — минус. Минус второй этаж — это значит второй подземный этаж.

— А почему нам нельзя вверх?

— Вверх дороже, — ответил Козлик. — Вот разбогатеет, переселимся наверх.

Спустившись по грязной деревянной лестнице на два этажа вниз, наши друзья вошли в дверь и очутились в огромной комнате с низким, прогнувшимся, закопченным потолком. Первое впечатление у Незнайки было, будто он снова попал в каталажку. Такие же складские полки с лежавшими на них коротышками, такая же чугунная печь с длинными, тянувшимися через все помещение трубами, такая же тусклая лампочка под потолком. Вся разница заключалась в том, что здесь было гораздо грязней и тесней. Полки были не из пластмассы, как в каталажке, а из грубых, почерневших, неотесанных деревянных досок, и стояли они так тесно, что между лежавшими на них коротышками, казалось, трудно было просунуть палец.

В отличие от арестованных, которые томились в каталажке, здешние обитатели пользовались гораздо большей свободой. Каждый здесь считал себя вправе делать все, что ему приходило в голову. Многие не только пекли картошку в золе, но и варили в жестянках из-под консервов похлебку, жарили какие-то длинные, бесформенные коржи из теста, развешивая их на горячих жестяных трубах. На этих же трубах висели, вперемежку с коржами, чьи-то носки, сохнувшее после стирки белье, изорванное до последней степени тряпье, бывшее когда-то одеждой, даже чьи-то ботинки.

От всего этого жарящегося, варящегося, пекущегося, сохнувшего и просто чадающего в помещении стоял такой удушливый запах, что у Незнайки перехватило дыхание и помутилось в глазах. Почувствовав головокружение, он зашатался и принялся хвататься руками за стенку. Видя, что Незнайка неожиданно побледнел, Козлик подхватил его под руки и сказал, что это ничего, что это у него с непривычки и постепенно пройдет.

— Старайся только не дышать носом. Дыши ртом, — советовал Козлик.

Незнайка старательно зажал пальцами нос. Понемногу он отдышался и пришел в себя.

— Теперь тебе надо полежать, и все будет хорошо, — утешал его Козлик.

Поддерживая Незнайку под руку, он провел его между рядами полок, словно по лабиринту. Увидев приколотенные к полкам таблички с цифрами «215» и «216», Козлик остановился.

— Вот и наши места, — сказал он.

Недолго думая Незнайка залез на полку и увидел, что здесь не было даже матраца, а вместо подушки лежал простой деревянный чурбан.

— Что это? — удивился он. — Как же здесь спать?

— Спи, да и все тут, — отозвался коротышка с соседней полки. — Уж если захочешь, так и на голой доске заснешь, а не захочешь, так и на мягкой перине будешь без сна валяться.

— Это ты верно, братец, — подхватил другой коротышка. — Когда-то и в этой ночлежке были матрацы да подушки, так, поверишь, дошло до того, что никто спать не мог.

— Это почему же? — заинтересовался Незнайка.

— Потому что в матрацах развелись клопы и другие вредные насекомые. От них, поверишь ли, никому житья не было. Зато когда матрацы пришли в негодность, хозяин этой гостиницы господин Дрянинг решил новых не заводить, а старые приказал сжечь вместе с клопами. Истинное благодеяние учинил! С тех пор хорошо стало.

— И нам хорошо, и господину Дрянингу тоже неплохо: не нужно тратиться на матрацы, — вступил в разговор третий коротышка.

— Ты, братец, на Дрянинга не сердись, — сказал первый. — Он коротышка хороший. Истинный благодетель наш. Так и в газетах пишут. Если бы не он, сколько коротышек осталось бы без ночлега! В какой ты еще гостинице найдешь место за десять сантиков?.. Эх ты! Недаром тебя называют Строптивым!

— А тебя недаром зовут Покладистым, — ответил Строптивый. — Думаешь, Дрянинг эту ночлежку для нашего с тобой удовольствия построил? Как бы не так. Для собственной выгоды!

— Какая же выгода в десяти сантиках? Если бы он гнался за выгодой, то построил бы гостиницу, в которой можно фертинг за номер брать, а то и два. А он о бедных заботится, о тех, у кого нет фертингов. Так и в газете писали!

— Экий же ты тюфячок, братец! Мало ли что в газетах напишут! Для того чтоб хорошую гостиницу построить, надо много денег затратить. Да и на обстановку надо потратиться. В хорошей гостинице ты получишь за фертинг целую комнату, а здесь нас гляди сколько напихано: один над другим лежит! С каждого десять сантиков — это получится выгодней, чем по фертингу за целую комнату брать, — сказал Козлик.

— Говорят, этот Дрянинг накупил в каждом городе на окраинах участ-

ков земли по дешевке и настроил вот таких гостиниц, вроде мусорных ящиков, — сказал Строптивый. — Ну и что ж, доход верный! Бедняки-то везде есть!

— Не слушай его, братец, — зашептал Покладистый, повернувшись к Незнайке. — А ложись-ка ты лучше спать. Тебе хорошее место досталось, на средней полке. На верхней полке спать душно, потому что нагретый воздух всегда вверх поднимается, а на нижней полке опасно: крыса укусить может.

— Крысы — это самое скверное дело в дрянинговских гостиницах, — сказал Козлик. — В прошлом году я жил в дрянинговской ночлежке в городе Давилоне. Там у нас одного коротышку укусила крыса за шею. Ужас до чего мучился, бедный! На шее у него вздулся желвак величиной с два кулака, вот не вру, честное слово! С тех пор я боюсь, как бы и меня не укусила крыса. Мне все почему-то кажется, что она меня куснет обязательно за это самое место, что и того коротышку, — показал Козлик пальцем на шею.

— А крыса может укусить того, кто на средней полке лежит? — спросил Незнайка.

— Крыса все может, — сказал Строптивый. — Конечно, ей прямой расчет укусить сперва того, кто на нижней полке лежит. Но бывают крысы бешеные. Такая крыса бежит, словно с цепи сорвалась, и кусает всех без разбора. Она не станет смотреть, на какой ты полке лежишь!

— Что вы там про крыс завели беседу! Или у вас нет другой темы для разговора? — закричал коротышка, лежавший на верхней полке. — Вот я слезу сейчас и заткну вам глотки!

Коротышки притихли. Отвратительный запах уже не так тревожил обоняние Незнайки, но было нестерпимо душно. Решив лечь спать, Незнайка принялся стаскивать с себя рубашку, но Строптивый сказал:

— А вот этого я тебе не советую. Закусают!

— Кто кусает? — удивился Незнайка.

— А вот увидишь кто, — усмехнулся Строптивый.

Незнайка решил последовать совету Строптивного и растянулся на полке, не снимая одежды. Скоро он почувствовал, что на него напали какие-то мелкие зверушки и принялись немилосердно кусать. Незнайка чесался, раздирая чуть ли не до крови тело, но это не помогало.

— Ты лучше не чешись, братец, — посоветовал ему Покладистый. — Расчешешь тело, так они еще больше кусать начнут. Клопы очень чувствительны к запаху крови.

— Ты ведь говорил, что клопов сожгли вместе с матрацами, — проворчал Незнайка.

— Ну и что ж? Тех сожгли, а это развелись новые. Все равно их теперь меньше стало. Ты просто не представляешь, братец, сколько их

раньше было. Теперь благодать! Ты только потерпи малость вначале, а потом они насосутся крови и лягут спать. Клопам тоже спать надо.

Незнайка, однако же, не хотелось дожидаться, когда клопы насытятся его кровью. Правда, некоторое время он терпел, а потом соскочил на пол и принялся сбрасывать с себя этих отвратительных насекомых. Воздух внизу был не такой душный, поэтому Незнайка решил сидеть всю ночь на полу, надеясь, что клопам не придет в голову искать его здесь. Сев на пол и прислонившись спиной к деревянной стойке, он задремал, но в тот же момент почувствовал, как что-то коснулось его ноги. Открыв глаза, он увидел перед собой жирную серую крысу, которая вытянула вперед свою острую усатую мордочку и, шевеля кончиком носа, обнюхивала его ботинок.

— Чу! Чтоб ты пропала! — испугался Незнайка и отдернул ногу.

Крыса, не особенно торопясь, отбежала в сторонку и, остановившись неподалеку, стала поглядывать на Незнайку своими блестящими, словно бусинки, глазками. С тревогой осмотревшись по сторонам, Незнайка

заметил, как из-под лавки вылезла другая, точно такая же крыса и тоже стала шевелить носом. Сообразив, что спать в клопином обществе все же безопаснее, чем в крысином, Незнайка полез обратно на полку. На этот раз он решил последовать совету Покладистого и лежал тихо, добровольно отдавая себя на съедение клопам.

— Ешьте, черти! Хоть всего съешьте! — сердито бормотал он. — Все равно жизнь такая, что ее и не жалко вовсе!

Вокруг него все уже спали. Многие коротышки были простужены и задыхались от душившего их кашля. Некоторых терзали во сне кошмары. Их стоны, мычания, вскрикивания каждый раз заставляли Незнайку вздрагивать. Видя, что и другим коротышкам приходится несладко, Незнайка перестал обращать внимание на свои страдания, на окружающий его шум, вонь, духоту и клопиные укусы. К тому же он почему-то вспомнил о Пончике и начал высчитывать, на сколько дней может хватить ему запасов еды в ракете.

Вспомнив, что запас еды был приготовлен на десять дней для сорока восьми путешественников, Незнайка помножил сорок восемь на десять. Это он сделал, чтоб узнать, на сколько дней хватит еды, если вместо сорока восьми путешественников останется только один. Получилось четыреста восемьдесят. Зная, что в году, круглым счетом, триста шестьдесят дней, а в месяце тридцать дней, Незнайка вычислил, что еды в ракете должно хватить на год и четыре месяца.

Убедившись, что непосредственная гибель от недостатка питания Пончику пока не грозит, Незнайка успокоился. Произведенные арифметические расчеты, однако, настолько утомили Незнайку, что глаза его сами собой закрылись, и он погрузился в сон.

Глава двадцать четвертая ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОНЧИКА

А что же Пончик? Занявшись Незнайкой, мы совсем позабыли о нем. Это нехорошо, пожалуй, так как многих читателей может интересовать и его судьба. Мы расстались с Пончиком, когда он пошел с Незнайкой в лунную пещеру и потерял там один свой космический сапожок. Читатели, наверно, помнят, что Незнайка в тот момент как раз провалился сквозь лунную оболочку.

Окликнув Незнайку несколько раз и убедившись, что его поблизости нет, Пончик страшно перепугался и, вместо того чтоб отправиться на поиски своего друга, решил поскорей возвратиться в ракету. Выбравшись из пещеры, он заковылял по прямой, словно луч, дорожке к видневшемуся вдали космическому кораблю.

Солнышко, однако ж, припекало с такой страшной силой, что Пончик не выдержал и пустился бежать вприпрыжку. От быстрого бега и второй космический сапожок свалился у него с ноги, но Пончик и не подумал его поднимать, а даже обрадовался, так как бежать совсем без сапог было значительно легче. За каких-нибудь двадцать минут он добежал до ракеты и нажал кнопку, которая имелаась в ее хвостовой части. Дверца шлюзовой камеры гостеприимно раскрылась. Недолго думая Пончик залез в ракету. Здесь он был в безопасности. Ничто теперь не угрожало ему, но все же тревожило какое-то неприятное чувство, оттого что он убежал из пещеры, оставив Незнайку без помощи.

Зная по собственному опыту, что любое неприятное чувство может быть вытеснено каким-либо противоположным, то есть приятным чувством, Пончик решил пойти в пищевой отсек и несколько, как он имел обыкновение выражаться, подзаправиться там. Забравшись в пищевой отсек, он принялся уничтожать содержимое целлофановых и хлорвиниловых трубочек, тубиков, мешочков, пакетиков, извлекая их из термостатов, холодильников и саморегулирующихся космических духовых шкафов.

Пончик, который, как известно, был не дурак покушать, показал на наглядном примере, насколько велико может быть расхождение между теоретическими расчетами и практической жизнью. Незайка установил, что Пончику обеспечен запас еды больше чем на год, так как все свои вычисления произвел в расчете на обыкновенного едока, не принимая во внимание его индивидуальные, то есть личные, едовые свойства. Вся беда оказалась в том, что личные едовые качества Пончика заключались в его чрезвычайной едовой недисциплинированности. Говоря проще, он мог есть что угодно, где угодно, когда угодно и в каких угодно количествах.

То, что по расчетам Незайки должно было хватить на год и четыре месяца, в действительности хватило Пончику лишь на четверо с половиной суток. Прикончив в этот рекордно короткий срок запасы продовольствия, находившиеся в пищевом отсеке, Пончик пробрался в хвостовую часть ракеты и попробовал жевать семена, хранившиеся в складском помещении.

Семена, однако, показались ему невкусными. Вот тогда-то он опять вспомнил о Незайке.

«Наверно, Незайка вернулся бы в ракету, если бы не обнаружил где-нибудь продуктов питания, — подумал Пончик. — А поскольку он не вернулся, значит, продукты питания где-то найдены, а раз это так, то мне нет никакого смысла сидеть в ракете, а необходимо отправиться на поиски Незайки».

Натянув на себя космический скафандр и подобрав новые, подходя-

щие по размеру космические сапоги, Пончик выскочил из ракеты и поскакал во весь опор к уже известной ему пещере. Добравшись до пещеры, он спустился в сосульчатый грот, а оттуда в тоннель с ледяным дном. Здесь он поскользнулся, как и Незнайка, и, прокатившись на животе по наклонной плоскости, полетел в подлунный колодец. Спустя некоторое время он заметил, что выскочил из колодца и летит на страшной высоте с раскрывшимся парашютом над каким-то приморским городом. Сильный ветер нес его в сторону. Постепенно снижаясь, Пончик пролетел над приморскими городами Лос-Свиносом и Лос-Кабаносом. Уже значительно снизившись, он подлетел к городу Лос-Паганосу, но изменивший свое направление ветер понес его в сторону моря. Пончик видел, что купания ему не миновать. Утонуть он не боялся, так как был толстенький, а толстенькие коротышки, как известно, в воде не тонут. Единственное, чего он боялся, это как бы его не укусила акула.

Шлепнувшись в воду, он тотчас принялся работать руками и ногами и спустя час уже был у берега. Прибой в этот день был особенно сильный, и Пончику никак не удавалось пришвартоваться к берегу. Это происходило из-за того, что в громоздком космическом скафандре он был крайне неповоротлив и не мог маневрировать в бурной морской воде с достаточной ловкостью. Как только он ощущал под собой дно и пытался встать на ноги, подкатившаяся сзади волна опрокидывала его и, перевернув на спину, тащила обратно в море. Пробившись у самого берега минут двадцать, он понял в конце концов, что ему необходимо расстаться со скафандром. Кувыряясь в волнах словно дельфин, он умудрился сбросить с себя космические сапоги, потом гермошлем, а потом и сам скафандр. Все эти ставшие теперь ненужными ему космические причиндалы были тотчас унесены морем, а Пончик, став в тот момент более обтекаемым и подвижным, ускользнул от бросавшихся на него волн и выскочил на сухой берег.

Первое, что требовалось ему после столь героической борьбы с разбушевавшейся водной стихией, был отдых. Сняв с себя вымокшую одежду, он разложил ее на берегу для просушки, сам же лег рядом и принялся отдыхать. Теплый, ласковый ветерок приятно обдувал его тело. Морские волны ритмично шумели, что действовало на Пончика успокаивающе и усыпляюще. Решив все же не спать, так как это было бы неблагоразумно в незнакомой обстановке, Пончик принялся изучать окружающую местность.

Узкий пологий берег, тянувшийся полосой вдоль моря, был ограничен с противоположной стороны обрывистыми, словно подмытыми водой, холмами, которые поросли сверху зеленой травкой и мелким кустарником. Сам берег был покрыт ослепительно белым песочком и какими-то прозрачными камнями, напоминавшими обломки ледяных или

стеклянных глыб. Осмотрев внимательно несколько таких камней и полизав один из них языком, Пончик убедился, что перед ним вовсе не лед и не стекло, а кристаллы обыкновенной поваренной соли. Выбрав пару кристаллов покрупней, он положил между ними несколько кристаллов помельче и принялся их толочь. В результате у него получилась мелкая, годная для употребления в пищу столовая соль.

Будучи коротышкой практически, не привыкшим расставаться с тем, что попадает в руки, Пончик натолок соли побольше и набил ею карманы курточки. Убедившись, что одежда его просохла, он оделся и зашагал вдоль холма в ту сторону, где, по его расчетам, должен был находиться город, который он видел, когда спускался на парашюте.

Расчеты его оказались верными. Дойдя до края холмов, он увидел, что море образовало здесь обширный залив, на берегах которого уступами расположился красивейший город. Это был город Лос-Паганос, в который съезжались богачи из всех других городов, так как здесь был отличнейший климат и можно было прекрасно повеселиться.

Самая большая и самая красивая улица Лос-Паганоса тянулась вдоль береговой линии. В домах, которые стояли здесь лишь по одну сторону улицы, помещались многочисленные магазины, рестораны, столовые, закусочные, гостиницы, кинотеатры, веселые балаганчики, подземные гаражи и бензозаправочные станции. По другую сторону улицы, то есть непосредственно на берегу моря, были переполненные гуляющими коротышками пляжи, купальни, нырельные вышки, лодочные и пароходные пристани, плавучие рестораны, морские качели и карусели, чертovsky водяные колеса, параболоиды и другие увеселительные механизмы.

Прогулявшись по набережной и поглазев на купающихся коротышек, Пончик остановился у небольшого здания, над входом в которое было написано: «Пищезаправочная станция». С виду это заведение ничем не отличалось от обычного ресторана. Как и во многих других ресторанах, здесь имелась открытая веранда со столами, за которыми обеды посетители. Разница заключалась лишь в том, что здесь можно было пообедать или позавтракать, не выходя из автомашины, а это было очень удобно для любителей автомобильного спорта. Стоило остановить свой автомобиль у входа и дать сигнал, как из ресторана выскакивал официант и подавал обед прямо в машину.

Пончик хотел тут же зайти в это пищезаправочное заведение и пообедать вместе со всеми, но его смутила афиша, которая висела у входа. На афише было написано:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Кормим вкусно!

Сегодня за деньги, завтра в долг.

Именно эта последняя фраза показалась Пончику непонятной, так как он не знал, что такое деньги.

— Не будем спешить, а сначала понаблюдаем немножко, — сказал сам себе Пончик. Усевшись неподалеку от веранды на лавочке, он принялся наблюдать за обедавшими. От его внимания не ускользнуло, что каждый посетитель ресторана, пообедав, давал официанту какие-то бумажки или металлические кружочки.

«Может быть, эти бумажки с кружочками и есть деньги?» — подумал Пончик.

Чтобы проверить свою догадку, он подошел к официанту и спросил:

— У вас тут почему-то написано: «Сегодня за деньги, завтра в долг». А что будет, если сделать наоборот: завтра за деньги, сегодня в долг?

Официант сказал:

— Иди вот к хозяйке, пусть она тебе объяснит, а я не философ, чтоб такие вопросы решать.

Пончик подошел к хозяйке, которая в это время считала деньги за стойкой, и повторил свой вопрос.

— Что такое тарелка каши, надеюсь, знаешь? — спросила хозяйка.

— Еще бы! — подтвердил Пончик.

— Ну так ступай за мной.

Она провела Пончика через кухню, в которой, задыхаясь у огромной плиты, работали поварихи и повара, и, отворив дверь во двор, сказала:

— Видишь у сарая дрова? Расколи их, получишь тарелку каши или пять сантиков.

Пончик подошел к куче дров и принялся колоть их топором. Куча была большая, и Пончик расправился с нею не раньше чем часа через два.

— Ну, что тебе дать? Деньги или ты, может быть, хочешь каши? — спросила хозяйка, когда Пончик вернулся к ней.

— Каши, — ответил Пончик, но, вспомнив, что хотел посмотреть на деньги, сказал: — Давай лучше деньги.

Хозяйка отсчитала ему пять сантиков. Пончик повертел их в руках, осмотрел со всех сторон и сказал:

— А если мне хочется каши?

— Тогда возвращай деньги.

Хозяйка явно обрадовалась, что сантики вернулись обратно к ней.

Сев за стол и получив от официанта тарелку гречневой каши, Пончик вооружился ложкой и принялся есть. Каша была хорошая, с маслом, но все же Пончику показалось, что в ней чего-то недостает. Он сразу сообразил, что в каше не доставало соли, и стал искать на столе солонку. Убедившись, что солонки на столе не было, он запустил в карман руку, вынул щепотку соли и посолил кашу. Его действия привлекли внимание остальных посетителей. Увидев, что толстенький коротышка посыпал

каким-то белым порошком кашу, после чего с удовольствием принялся уплетать ее, все с любопытством стали поглядывать на него, а сидевший рядом коротышка спросил:

— Скажите, что это за порошок, которым вы посыпали кашу? Должно быть, новое лекарство какое-нибудь?

— Никакое не лекарство, а просто соль, — сказал Пончик.

— Какая соль? — не понял коротышка.

— Ну просто соль. Столовая соль, — пояснил Пончик. — Вы что, соли никогда в жизни не видели?

Коротышка в недоумении пожал плечами:

— Не понимаю, о какой соли вы говорите?

— Должно быть, здешние жители едят пищу без соли, — сказал Пончик. — А вот у нас все кушанья едят с солью. Это очень вкусно. Если хотите, попробуйте.

Он протянул щепотку соли лунному коротышке, который как раз в это время ел суп.

— Как же ее есть? — спросил коротышка.

— Бросьте в суп и размешайте. Увидите, как будет вкусно.

Коротышка бросил соль в суп, размешал ложкой и с некоторой опаской, словно боялся обжечься, попробовал. Сначала он сидел застыв на месте и только моргал глазами, будто прислушивался к своим внутренним ощущениям, а потом все увидели, как его лицо медленно расплылось в улыбке. Проглотив еще ложку супа, он воскликнул:

— Просто бесподобно! Совсем другой вкус!

Склонившись над тарелкой, он принялся хлебать суп, крякая от удовольствия, чмокая губами и расхваливая кушанье на все лады. Как раз в это время официант принес ему каши.

— Скажите, а кашу тоже можно есть с солью? — спросил коротышка.

— Все можно, — ответил Пончик, — и суп, и борщ, и щи, и бульон, и кашу, и макароны, и вермишель, и салат, и картошку... Даже простой хлеб можно есть с солью. От этого он делается только вкусней.

Он протянул коротышке еще щепотку соли. Коротышка посолил кашу и принялся есть с таким удовольствием, что Пончику, который давно расправился со своей кашей, даже завидно стало.

— Скажите, а не можете ли вы мне дать немножечко соли? — обратился к Пончику коротышка, который сидел за столом напротив и с интересом следил за тем, что происходило.

Пончик уже было запустил руку в карман, чтоб достать щепоть соли, но так как вместе с завистью в нем проснулась и жадность, он сказал:

— Ишь какой хитренький! А вы что мне дадите?

— Что же вам дать? — развел коротышка руками. — Хотите, я вам дам сантик?

— Ладно, гоните монету, — согласился Пончик.

Получив сантик, он отпустил коротышке щепотку соли. Тут и другие посетители начали подходить к нему. Каждый протягивал ему сантик, взамен которого получал щепоть соли. Пончик с удовольствием наблюдал, как перед ним на столе росла кучка монеток. Не обошлось тут и без недоразумений. Один лунатик, не разобравшись, в чем дело, попробовал есть соль в чистом виде и тут же с отвращением выплюнул. Другой купил у Пончика сразу десять щепоток соли за десять сантиков и бросил всю эту соль в тарелку с супом. Ясно, суп у него получился такой, что в рот взять было нельзя.

Пончик стал объяснять всем, что соль надо употреблять в небольших количествах, иначе вкус от нее теряется, и уж ни в каком случае нельзя есть соль в чистом виде. Все это чрезвычайно заинтересовало коротышек, которые даже не представляли себе, что пищу можно было есть с солью. Каждому хотелось проверить новый метод питания. Некоторые, пообедав без соли, начинали обедать вторично, на этот раз с солью. Многие, отведав с солью супа или борща, тут же проверяли, насколько улучшится от добавки соли вкус шей или макарон, оладий, картофеля, жареных кабачков и других блюд.

Поскольку у Пончика завелись деньги, он и сам поминутно просил официанта принести ему то борща, то каши, то шей и наглядно демонстрировал перед новыми посетителями преимущества питания с солью. Хозяйка увидела, что дела ее ресторана сразу улучшились, и была очень довольна.

К концу дня Пончик распродал весь свой запас соли и ушел с карманами, туго набитыми медяками. На следующее утро он сбегал на берег моря, быстренько натолок соли и снова явился на пищезаправочную станцию. Здесь он увидел, что хозяйка приготовила для него специальный столик, над которым висела табличка с надписью: «Продажа соли». За этим столом Пончик сидел, торговал солью и одновременно закусывал, требуя подать ему то одно, то другое блюдо. Все это было очень выгодно для него и к тому же удобно.

За несколько дней весть о том, что на пищезаправочной станции кормят какими-то сногшибательными блюдами с какой-то сказочной солью, разнеслась по всему городу. Желающих покушать новомодных кушаний было столько, что хозяйка расширила веранду и кухню, сделала сбоку пристройку, а вдоль набережной велела устроить навес из брезента и поставить под ним еще два десятка столов. Сообразив, что вкус кушаний еще больше улучшится, если соль класть в пищу при варке, она договорилась с Пончиком, что сама будет покупать у него весь запас соли, необходимый для ее ресторана.

Теперь Пончику не нужно было по целым дням торговать в рестора-

не солью, и он стал раскидывать умом, как бы нажить на этом деле побольше денег. Поскольку владельцы других ресторанов обращались к нему с просьбами доставлять и им соль, он решил увеличить добычу этого ценного пищевого продукта и основал соляной завод. С этой целью он нанял неподалеку от моря старенький, подбитый ветром сарайчик, в котором раньше смолили лодки, купил полдюжины больших медных ступок — и завод был готов. Шестеро раб^рчих на этом заводе только и делали, что толкли соль в медных ступках. Трое рабочих заготавливали сырье, то есть таскали с морского берега кристаллы соли. И наконец, еще трое рабочих разносили в мешках готовую соль по столовым и ресторанам. Сам Пончик теперь ничего не делал, а только получал деньги. Каждому своему рабочему он платил в день по фертингу. Весь расход на оплату рабочих составлял, таким образом, лишь двенадцать фертингов в день, в то время как всю дневную добычу соли он продавал владельцам ресторанов за двести сорок — двести пятьдесят фертингов. Выходило, что клал в свой карман Пончик чуть ли не в двадцать раз больше денег, чем отдавал рабочим, в результате чего богател, как говорится, не по дням, а по часам.

Если раньше Пончику самому приходилось толочь соль и таскать ее на своей спине в ресторан, то теперь это за него делали другие, а денег в его карман попадало во много раз больше. Пончик высчитал, что каждый рабочий приносил ему за день в среднем двадцать фертингов дохода. Сообразив, что дохода будет получаться тем больше, чем больше у него будет рабочих, он увеличил количество их до восемнадцати и хотел увеличить еще больше, но хлипкий сарайчик не мог вместить слишком большого количества коротышек, и поэтому Пончик решил построить рядом другое, более обширное помещение.

Жил теперь Пончик в полное свое удовольствие, как и все остальные лунные богачи, и даже назывался он теперь не просто Пончик, а господин Понч. Из гостиницы он переехал в собственный дом, завел себе слуг, которые одевали его и раздевали, убирали у него в комнатах, смотрели за домом. От нечего делать он по целым дням просиживал в ресторанах, ел там самые вкусные кушанья, а в промежутках между едой око-
лачивался на берегу залива и вертелся на чертовых водяных колесах или на морском параболоиде.

Многим, вероятно, известно, как устроено обыкновенное чертово колесо. Это огромный деревянный круг, насаженный на торчащую кверху ось. Коротышки, желающие повеселиться, садятся в центре этого круга, после чего круг начинает вертеться все быстрее и быстрее. Появляющаяся в результате вращения центробежная сила сбрасывает коротышек одного за другим с круга на землю. Победителем считается тот, кому дольше всех удастся удержаться на вращающемся круте. Водяное черто-

во колесо устроено так же, как и обыкновенное, с той только разницей, что устанавливается оно не на земле, а на воде. Здесь центробежная сила сбрасывает коротышек уже не на землю, а в воду, что гораздо смешней и даже приятнее, особенно в жаркую погоду.

Что касается морского параболоида, то он имеет такое же устройство, как и чертово водяное колесо, с той разницей, что вертящийся диск сделан в виде огромного блюда с поднятыми сверху краями. Коротышка, которого центробежная сила отбрасывает все дальше от центра, подкатывается к краю блюда, после чего с силой вылетает вверх и шлепается в воду, предварительно описав в воздухе кривую линию, напоминающую параболу.

На таких параболоидах, которые в огромном количестве были установлены на побережье залива, очень любили вертеться приезжавшие в Лос-Паганос богачи, поскольку в результате действия на организм центробежной силы, полетов в воздухе и окунания в воду у них разыгрывался аппетит, а они это очень ценили, так как страшно любили покушать.

Этим, возможно, объяснялось, что и Пончик тоже больше любил вертеться на параболоиде, чем на простом водяном колесе.

Такое беспечное существование Пончика длилось все же недолго. Многим лунатикам удалось вскоре проведать, где он берет кристаллы соли для своего завода. Это привело к тому, что неподалеку от берега один за другим начали возникать небольшие соляные заводи. Каждый, кому удалось сберечь достаточную сумму денег, затрачивал ее на устройство такого заводика и начинал приумножать свое богатство. В результате соли с каждым днем добывалось все больше, а продавалась она все дешевле и уже не приносила таких барышей, как вначале. Если прежде Пончик, затратив на оплату рабочего фертинг, получал взамен двадцать фертингов прибыли, то теперь никто не мог выколотить из рабочего больше одного фертинга. Однако и это было очень выгодно, в силу чего соляной промысел продолжал развиваться.

Дела пошли значительно хуже, когда в Лос-Паганос вернулся из поездки крупнейший землевладелец Дракула, которому принадлежало все морское побережье, начиная от Лос-Паганоса вплоть до самого Лос-Свиноса. Узнав, что какие-то неизвестные личности растаскивают лежащие на побережье кристаллы для переработки их на соляных заводах, он велел обнести побережье забором, а кристаллы давать только тем, кто будет за них платить. Таким образом, половина прибыли, которую получали владельцы соляных заводов, теперь стала попадать в карманы землевладельца Дракулы.

И это было бы еще ничего, если бы сам Дракула и владельцы других морских побережий, где имелись запасы соли, не начали строить на своих землях огромных соляных заводов. На этих заводах соль мололи уже не вручную, а применяя усовершенствованные машины. Соль стала вырабатываться в таких огромных количествах, что цены на нее баснословно понизились. Доходы владельцев соляных заводов сделались еще меньше, а это им, конечно, не очень нравилось. Владельцы крупных заводов считали, что излишки соли появились из-за того, что очень много развелось мелких заводов. Мелкие же солепромышленники видели причину всего этого неудовольствия в том, что появились крупные заводы, вырабатывавшие несообразно большие количества соли.

Кончилось все это дело тем, что владельцы крупных заводов, которым было легче договориться, так как их было меньше, объединились в бредлам. На первом же заседании этого вновь испеченного бредлама владельцы крупных заводов пришли к выводу, что с владельцами мелких заводов надо как можно скорей разделаться. Господин Дракула, который был избран председателем соляного бредлама, сказал:

— Наилучший выход из создавшегося положения — это начать продавать соль еще дешевле. Владельцы мелких заводов вынуждены будут

продавать соль по слишком низкой цене, их заводишки начнут работать в убыток и им придется закрыть их. А вот тогда-то мы снова повысим цену на соль, и никто не станет мешать нам наживать капиталы.

Так они и сделали. Соль стала продаваться по такой низкой цене, что Пончику и остальным мелким хозяйчикам приходилось расходовать на приобретение соляных кристаллов и оплату рабочих гораздо больше денег, чем они выручали от продажи своей продукции. Мелкие соляные заводишки стали закрываться один за другим. Пончик держался дольше других. Чтобы как-нибудь сводить концы с концами, он продал свой дом, продал новое помещение для завода, которое едва успел построить, но все же и для него пришел день, когда в кармане не осталось ни сантика. Не хватило даже денег, чтоб расплатиться с рабочими.

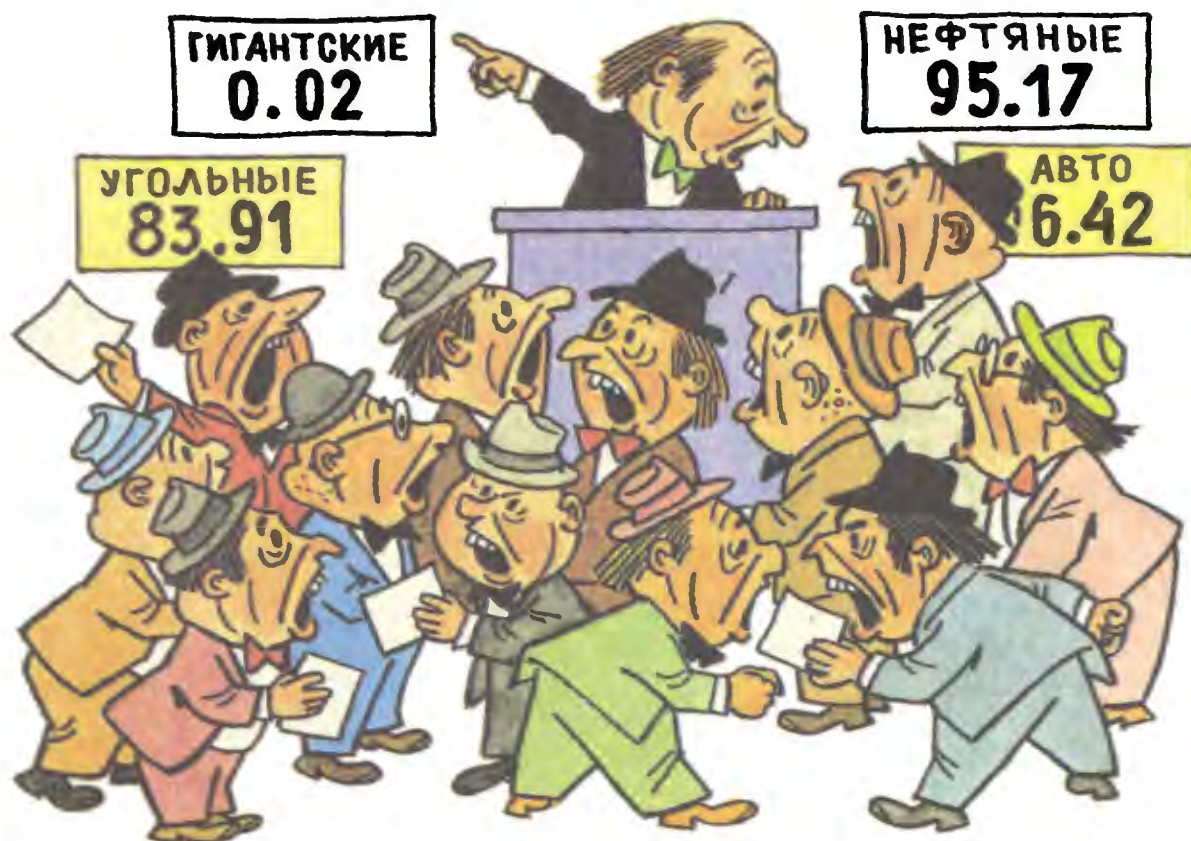
Еще хорошо, что владелец приморских увеселительных заведений принял Пончика работать крутильщиком на чертовом колесе. Если бы не это, Пончик совсем остался бы без средств к существованию.

Глава двадцать пятая **ПАНИКА НА ДАВИЛОНСКОЙ БАРЖЕ**

Мы оставили господина Скуперфильда как раз в тот момент, когда проводник высадил его из вагона в городе Паноптикуме. Некоторое время Скуперфильд стоял на перроне и осовело смотрел вслед удалявшемуся поезду. Как только поезд скрылся вдали, Скуперфильд подошел к стоявшей у края платформы лавочке и растянулся на ней, предварительно сунув под голову цилиндр и накрывшись газетой. Время было раннее. Еще было совсем темно, и никто не мешал Скуперфильду всхрапнуть.

Вскоре наступил рассвет. На перроне появился какой-то железнодорожный начальник и, разбудив Скуперфильда, сказал, что спать здесь не полагается. В это время к станции подошел поезд. Перрон быстро заполнился сошедшими с поезда пассажирами. Встав с лавочки и напялив на голову цилиндр, Скуперфильд постоял в раздумье и отправился вслед за остальными пассажирами в город.

Обратив внимание на газету, которую продолжал держать в руках, он вспомнил, что собирался купить гигантские акции, как только они упадут в цене, и начал прикидывать в уме, сколько мог бы подзаработать на этом дельце. Поразмыслив, он понял, что для проведения столь сложной денежной операции ему следовало бы находиться не в своем Брехенвиле, а в Давилоне, Грабенберге или хотя бы в Сан-Комарике, так как только в этих трех городах имелись специальные рынки, на которых велась продажа различных акций.

Нужно сказать, что рынок, на котором торгуют акциями, очень отличается от обычного рынка, где торгуют яблоками, помидорами, картофелем или капустой. Дело в том, что продавцу фруктов или овощей достаточно разложить свой товар на прилавке, чтобы все видели, чем он торгует. Продавец акций носит свой товар в кармане, и единственное, что может делать, это выкрикивать название своих акций и цену, по которой он желает их продавать. Покупателю тоже остается только выкрикивать название тех акций, которые он хочет купить.

С тех пор как появились акционерские рынки, некоторые лунатики стали покупать акции не только для того, чтоб иметь долю в барышах какого-нибудь предприятия, но и для того, чтоб продавать их по более высокой цене. Появились торговцы, которые покупали и продавали акции в огромных количествах и получали на этом большие прибыли. Такие торговцы уже не ходили сами на рынок, а нанимали для этого специальных крикунов или так называемых горлодериков. Многие горлодерики работали не на одного, а сразу на нескольких хозяев. Для одного хозяина такой горлодерик покупал одни акции, для другого — другие, для третьего не покупал, а, наоборот, продавал.

Нетрудно представить себе, что творилось, когда такой горлодерик, попав на рынок, начинал кричать во все горло:

— Беру угольные скрягинские по семьдесят пять! Беру сахарные давилонские по девяносто, даю нефтяные по сорок три!..

Однако невозможно даже представить себе, какой оглушительный шум стоял, когда все горлодерики, собравшись вместе, начинали выкрикивать подобного рода фразы, стараясь перекрыть друг друга.

В давние времена, когда появились первые продавцы акций, в городе Давилоне для них была отведена целая площадь. Однако жители близлежащих кварталов стали жаловаться городским властям, что от этих крикунов им житья не стало. Поскольку городские власти ничего не предпринимали, жители сами пробовали разгонять крикунов, вооружившись дубинами и камнями. Крикуны не хотели давать себя в обиду и, в свою очередь, нападали на жителей. Чуть не каждый день происходили побоища! Не зная, что предпринять, городские власти перевели этот крикливый рынок на другую площадь, но и там начали возникать кровопролитные стычки.

Потеряв всяческое терпение, городские власти погрузили всех крикунов на огромную баржу и вывезли их на середину давилонского озера. Там эта баржа была укреплена навечно на якорях. Крикуны получили возможность кричать хоть до потери сознания, теперь это никому не мешало. Каждое утро они приезжали на баржу на лодках, а впоследствии между баржей и берегом даже начал курсировать небольшой пароход. Все, таким образом, совершилось к общему удовольствию.

В скором времени такая же баржа была установлена и в городе Грабенберге, а затем в Сан-Комарике. Когда изобрели телефон, все три баржи были соединены между собой телефонными проводами, и крикуны с давилонской баржи в любое время могли узнать о положении дел на грабенбергской и сан-комаринской баржах.

Как и у каждого миллионера, у Скуперфильда на каждой из этих барж имелись свои горлодерики, которым он в любой момент мог отдать по телефону приказ покупать те или иные акции. Однако всегда нужно было знать, когда начинать покупку акций, так как в противном случае можно было заплатить лишнее. Чтобы быть в курсе дела и не совершить промаха, Скуперфильд решил поехать на давилонскую баржу и разнюхать, по какой цене продаются гигантские акции. Конечно, он не мог тут же отправиться на вокзал, так как хотел сначала зайти домой и побывать на своей макаронной фабрике. Вспомнив, что ему надо домой, он огляделся по сторонам и заметил, что идет по какой-то незнакомой улице.

— Должно быть, я по ошибке не туда, куда надо, свернул, когда сошел с поезда, — с досадой проворчал Скуперфильд.

Он все же решил идти по этой улице дальше, надеясь, что встретит

какое-нибудь знакомое место и поймет, в какую сторону ему надо свернуть. Улица, однако, скоро кончилась. Скуперфильд увидел, что вышел из города и очутился в открытом поле.

— Что за чушь? Совсем на край света забрел! — пробормотал Скуперфильд с усмешкой. — Размечтался, дурень, об этих акциях так, что и голову потерял!

Повернувшись, он зашагал в обратную сторону, пробрался в другой конец улицы, после чего свернул на какой-то незнакомый бульвар, а пройдя его, попал на какую-то новую, незнакомую ему улицу.

— Чудеса! — бормотал Скуперфильд про себя. — Оказывается, у нас в Брехенвиле есть такие места, где я отродясь не бывал. А я-то воображал, что знаю Брехенвиль как свои пять пальцев.

Пробродив целый час по каким-то неизвестным ему закоулкам, Скуперфильд пришел к выводу, что окончательно заблудился, и стал спрашивать прохожих, где находится Кривая улица, то есть та улица, на которой он жил. Один из прохожих сказал, что Кривая улица совсем в другом конце города. Сев на автобус и проехав в другую часть города, Скуперфильд разыскал наконец Кривую улицу, но его удивило, что дома здесь были какие-то не такие, как раньше. Все, казалось, изменилось до неузнаваемости с тех пор, как он был здесь в последний раз. Когда же Скуперфильд подошел к дому № 14 (а он жил в доме № 14), то от удивления даже разинул рот. Вместо небольшого одноэтажного домишки с решетками из железных прутьев на окнах перед ним стояло большое двухэтажное здание с красивым балконом и фигурами двух каменных львов у входа.

— Что за чудеса! — пробормотал Скуперфильд, протирая глаза и чувствуя, что у него начинает заходить ум за разум. — Может быть, тут волшебство какое-нибудь?

Увидев на балконе хозяйку, он закричал:

— Скажите, хозяйюшка, это дом Скуперфильда?

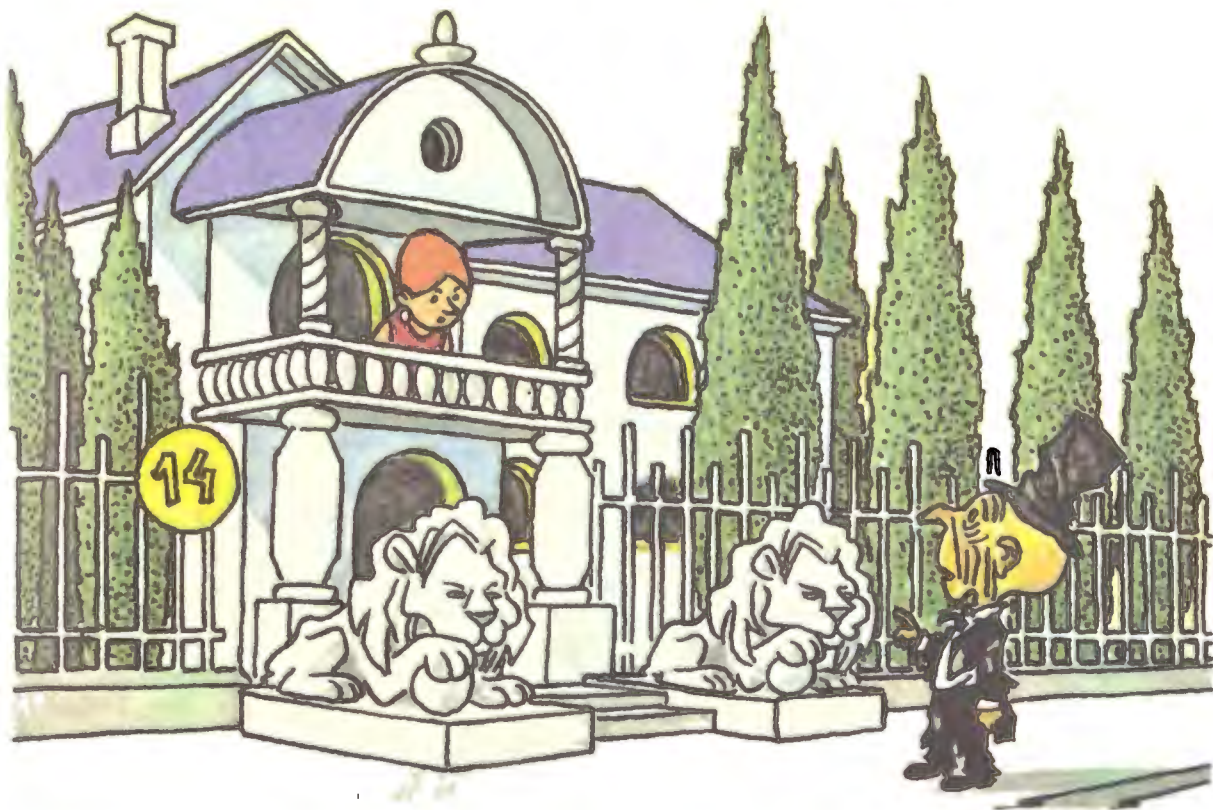
— Какого еще Скуперфильда? — сердито отвечала хозяйка. — Это мой дом.

— А... а... — закал Скуперфильд, разевая рот, словно ему не хватало воздуха. — А... куда же вы мой дом дели?

Хозяйка повернулась к нему спиной и, хлопнув дверью, ушла с балкона.

Нерешительно потоптавшись на месте, Скуперфильд поплелся по улице дальше.

— Что ж... — бормотал он, не замечая, что разговаривает сам с собой. — Что ж, если дом потерялся, то надо отыскать хотя бы мою макаронную фабрику. Не могла же затеряться целая макаронная фабрика с двенадцатью огромными корпусами и пятью тысячами работавших корышек.

Встретив прохожего, Скуперфильд спросил, не знает ли он, где находится макаронная фабрика Скуперфильда.

— Эва! — засмеялся прохожий. — Да разве она здесь? Макаронная фабрика Скуперфильда находится в Брехенвиле. Это на каждой макаронной коробке написано.

— А разве мы с вами не в Брехенвиле? — озадаченно спросил Скуперфильд.

— Как же в Брехенвиле? — удивился прохожий. — Мы-то в Паноптикуме.

— В каком еще Паноптикуме?

— Ну город такой есть — Паноптикум. Не слыхали разве?

— А, Паноптикум! — вскричал Скуперфильд, сообразив наконец, в чем дело. — Значит, я просто не на своей станции вылез. То-то я гляжу, что здесь все как-то не так, как у нас в Брехенвиле.

Вернувшись поскорей на вокзал, Скуперфильд узнал, что до вечера поездов в Давилон больше не будет и он сможет попасть туда не раньше завтрашнего утра. Это привело Скуперфильда в волнение, так как он знал, что цены на акции быстро менялись.

И действительно, в тот день, когда в газете «Давилонские юморески» появилась уже известная нам статейка, все, у кого были гигантские ак-

ции, бросились продавать их. На давилонской барже эти акции предлагались сначала по 80 сантиков штука, потом по 60, по 50, по 30, по 20, по 10, но никто не хотел покупать их. На следующий день, то есть в тот день, когда Скуперфильд блуждал по городу Паноптикуму, цена на акции снизилась до пяти сантиков, но все равно никто не покупал их.

Владельцы гигантских акций были в отчаянии. Все видели, что затратили свои деньги впустую и теперь не смогут вернуть их. Однако трое богачей — Жмурик, Тефтель и Ханаконда, — закупившие в целях наживы большие количества гигантских акций, быстро придумали, что надо делать. Они уплатили значительную сумму денег владельцу нескольких давилонских газет господину Гадкинзу, пообещавшему напечатать в своих газетах ряд статей, которые должны были быстро поправить дело.

И действительно, в тот же день в вечерней газете «Давилонские побасенки», которая принадлежала господину Гадкинзу, появилась небольшая статейка:

ПАНИКА НА ДАВИЛОНСКОЙ БАРЖЕ

Со вчерашнего дня на давилонской барже царит небывалая паника. Владельцы гигантских акций торопятся сбыть с рук свой товар. Как всегда, когда продавцов много, а покупателей мало, цены на акции значительно понижаются. В чем причина охватившей давилонскую баржу паники? Причина эта — гнуснейшая статейка, напечатанная на гаденьких страничках паршивенькой газетенки «Давилонские юморески». Владелец гигантских акций невдомек, что эта грязенькая, ничтожная газетенка издается на средства богача Спрутса и печатает лишь то, что выгодно для него. Нет никакого сомнения, что щупальца ненасытного Спрутса тянутся к гигантским акциям. Как только акции достаточно снизятся в цене, они окажутся в щупальцах Спрутса и он станет единственным владельцем этого доходнейшего предприятия. Хочется сказать всем доверчивым чудакам: не поддавайтесь панике. Уж кто-кто, а господин Спрутс своей выгоды не упустит.

На следующее утро в «Газете для любителей почитать лежа», также принадлежавшей Гадкинзу, появилась статья «Берегите карманы». В ней говорилось, что карманы нужно беречь от господина Спрутса, который хочет облапошить владельцев гигантских акций и уже начал протягивать к ним свои щупальца.

Обе эти статьи, конечно, не прошли незамеченными, в результате чего гигантские акции сразу подскочили в цене и к открытию давилонской баржи продавались уже не по пять, а по пятьдесят сантиков.

Господину Скуперфильду, который в то же утро прибыл на давилонскую баржу, эта цена, однако ж, показалась очень высокой, и он решил подождать денечек, надеясь, что она вскорости упадет.

На следующий день в газете, также принадлежавшей господину Гад-

кинзу, появилась статья, которая называлась «Куда тянутся щупальца Спрутса?». В ней говорилось, что щупальца Спрутса тянутся к карманам владельцев гигантских акций с целью опустошить их. Эта статья также произвела свое действие, в результате чего акции стали продаваться по шестьдесят сантиков. Испугавшись, что в дальнейшем цена еще больше повысится, Скуперфильд дал приказ своим крикунам покупать акции по этой цене. Горлодерики принялись скупать акции на всех трех баржах в огромных количествах. Продавцы акций быстро убедились, что товар их охотно покупается, и начали поднимать цену. На другой день гигантские акции продавались уже по семьдесят сантиков, а еще через день — по восемьдесят.

Богачи Жмурик, Тефтель и Ханаконда, не надеясь, что цена поднимется еще больше, и опасаясь, как бы она не начала падать, поспешили продать свои акции Скуперфильду по восемьдесят сантиков. Правда, они тотчас же пожалели, что у них не хватило терпения подождать еще немного. Дело в том, что господин Гадкинз продолжал свое дело и в тот же день напечатал статью, которая называлась «Почему Спрутс помалкивает?». В этой статье Гадкинз указывал на то, что Спрутс не ответил ни слова на все возводимые на него обвинения. Раз он молчит, писал Гадкинз, значит, все это правда, а если все это правда, то Спрутс на самом деле решил подорвать доверие к Обществу гигантских растений и прибрать к рукам акции.

Каждый, кто читал эту статью, приходил к убеждению, что на следующий день акции будут продаваться еще дороже и уж во всяком случае восстановятся в своей прежней цене. Скуперфильд был особенно рад, так как хотя израсходовал почти все свои капиталы, но успел скупить массу акций, и теперь ему оставалось лишь продать их повыгодней. Весь вечер он сидел у телефонного аппарата и звонил своим давилонским, грабенбергским и сан-комаринским горлодерикам, чтоб они с утра отправлялись на баржу и начинали продажу акций по фертингу штука. Целую ночь он просидел, высчитывая, какую получит прибыль, если все акции будут проданы по фертингу. Расчет оказался довольно сложным, так как не все акции были куплены по одной цене: часть из них он приобрел, как известно, по шестьдесят сантиков, другую часть — по семьдесят, третью — по восемьдесят.

Впрочем, все надежды Скуперфильда на огромные барыши вскоре лопнули, словно мыльный пузырь. Наутро, еще до открытия давилонской баржи, в газете «Давилонские юморески» появилась статья, в которой объяснялись причины молчания Спрутса. В статье писалось, что Спрутс молчал, так как было смешно отвечать на какие-то нелепые, сумасбродные обвинения. Как мог господин Спрутс подрывать доверие к Обществу гигантских растений, в то время как никакого такого обще-

ства и на свете-то нет? — спрашивалось в статье. Ведь с тех пор как учредители этого общества удрали с деньгами, общество само собой перестало существовать, так как что оно может стоять без принадлежавшего ему капитала. Какую цену могут иметь акции, если деньги, собранные от их продажи, бесследно исчезли? Абсолютно никакой ценности они иметь уже, конечно, не могут, и приходится лишь удивляться существованию чудаков, которые тратят денежки на приобретение акций, годных лишь на то, чтобы оклеивать ими стены в чуланах.

Нетрудно представить себе, что творилось на барже, когда скуперфильдовские горлодерники начали предлагать гигантские акции по целому фертингу штука. Ничего, кроме смеха, их предложения не могли вызвать. Видя это, Скуперфильд отдал распоряжение продавать акции по девяносто сантиков, потом по восемьдесят, по семьдесят... Он мечтал уже лишь о том, чтоб хотя бы вернуть свои деньги, но не тут-то было! Никто не хотел брать акции, даже когда он понизил цену до пятидесяти сантиков.

В этот день Скуперфильд решил не снижать больше цену и подождать до следующего дня. Но на следующий день во всех газетах были напечатаны статьи, сообщавшие о бегстве Миги и Жулио, и опубликованы фотографии, снятые в тот момент, когда разъяренная толпа ворвалась в контору по продаже гигантских акций, чтоб потребовать свои деньги обратно.

На отдельных снимках можно было разглядеть пустые несгораемые сундуки, пустую несгораемую кассу с настежь раскрытыми дверцами, а также привязанную к подоконнику веревку, по которой Незнайка и Козлик спустились вниз.

Никто, конечно, не знал, что Спрутс подкупил владельцев газет, чтоб они не печатали до поры до времени сообщений о бегстве Миги и Жулио. Но теперь, когда газеты сообщили об этом, Скуперфильду оставалось только выбросить свои акции. Их и даром никто не хотел брать. Истратив почти весь свой запас денег на акции, Скуперфильд, как принято говорить, сел на мель. Ему нужно было покупать для своей макаронной фабрики муку, нужно было платить рабочим, а поскольку денег на все не хватало, он решил снизить рабочим плату: вместо фертинга в день стал платить по полфертинга.

Рабочие были возмущены, так как и на фертинг они могли существовать только впроголодь. Они сказали, что бросят работу, если Скуперфильд не прибавит плату. Скуперфильд вообразил, что рабочие решили его попугать, и не стал прибавлять плату. Тогда рабочие бросили работу. Фабрика остановилась, и теперь Скуперфильд уже не получал никаких доходов. Он все же не хотел удовлетворить требование рабочих, так как знал, что, не работая и не получая совсем никакой платы, они просто

погибнут с голоду. Рабочим и на самом деле приходилось трудно, но им помогали рабочие других фабрик. Они знали, что если Скуперфильд одержит в этой борьбе победу, то и остальные фабриканты начнут снижать плату рабочим и тогда с богачами уже никакого сладу не будет.

Скуперфильд хотел набрать для своей фабрики других рабочих, но в Брехенвиле все безработные знали о борьбе, которую вели с ним рабочие, и никто не захотел наниматься к этому сквалыге.

Видя, что ничего не поделаешь, Скуперфильд решил совершить поездку в какой-нибудь другой город и нанять там рабочих для своей фабрики. В какой-то газете он вычитал, что меньше, чем где бы то ни было, фабриканты платят рабочим в городе Сан-Комарике и что там будто бы наибольшее количество безработных.

Обрадовавшись, что ему удалось отыскать город, в котором рабочие терпят такие страшные бедствия, Скуперфильд оставил все свои дела и спешно выехал в Сан-Комарик.

Глава двадцать шестая **НЕЗНАЙКА РАБОТАЕТ**

Положение, в котором очутились Незнайка с Козликом, было чрезвычайно скверным. Им никак не удавалось устроиться на работу, и они буквально пропадали без денег. По примеру других безработных, они с утра до ночи околачивались в той части города, где были богатые магазины. Увидев остановившийся у дверей магазина автомобиль какого-нибудь богатого покупателя, они стремглав бросались, чтоб отворить дверцу и помочь богачу вылезти из машины, когда же богач возвращался из магазина, они помогали ему дотащить покупки и погрузить их в багажник. За это богачи иногда награждали их мелкой монеткой.

Заработав таким способом немного денег, друзья откладывали десять сантиков на ночлег, а на оставшиеся деньги ужинали в какой-нибудь дешевой столовой. Обедать и завтракать в эти дни им удавалось редко. Козлик говорил, что если приходится переходить на одноразовое питание, то лучше всего питаться вечером, перед отходом ко сну, так как если проешь свои денежки днем или утром, то к вечеру все равно снова проголодаешься и ночью не сможешь заснуть.

В дрянингском «Тупичке» они жили уже не на минус втором этаже, а на минус четвертом, так как за место на полке там брали не десять, а всего пять сантиков. Впрочем, жизнь на минус четвертом этаже мало чем отличалась от жизни на минус втором. Просто там было больше грязи, больше шума, больше вони, больше тесноты и больше клопов. Единственное, чего было там меньше, это свежего воздуха. Что же каса-

ется крыс, то их было столько, что ночью невозможно было слезть с полки, без того чтобы не наступить какой-нибудь крысе на хвост.

Козлик, как уже говорилось, очень боялся этих мерзких животных. Ни о чем, кроме крыс, он теперь уже и думать не мог и постоянно говорил о них. Ночью ему часто снилось, будто его кусает за шею крыса, и он в ужасе просыпался. И наяву ему все время мерещились крысы, и даже в таких местах, где их вовсе не было. Кончилось дело тем, что его на самом деле укусила ночью за шею крыса. Проснувшись от страшной боли, он дико вскрикнул и сбросил с себя эту мерзкую тварь. Шея у него моментально распухла, да так сильно, что головой нельзя было пошевелить. Наутро у него поднялась температура, и с этого дня он уже не мог встать с постели.

Теперь Незнайка один ходил по магазинам, стараясь заработать побольше денег, чтоб накормить своего больного друга. Все остальные обитатели ночлежки тоже старались облегчить страдания Козлика. Некоторые угощали его печеной картошкой, а когда Незнайке не удавалось заработать достаточно денег, платили за его место на полке. Каждый наперебой предлагал какое-нибудь средство, чтоб исцелить больного. Одни говорили, что к распухшей шее надо приложить холодный компресс из тертой сырой картошки, другие предлагали приложить компресс из тушеной капусты, третьи утверждали, что прикладывать надо вареный хрен, четвертые советовали облепить больное место глиной и завязать тряпкой.

Все эти средства были испробованы, а больному становилось все хуже. К сожалению, ни у кого не было достаточно денег, чтоб пригласить врача, а никакой врач не стал бы лечить больного бесплатно.

Вскоре Незнайке все же удалось устроиться на постоянную работу, и у него появилась надежда заработать такую сумму денег, которой хватило бы на оплату лечения. Однажды он шел по улице и увидел на одном из домов вывеску, на которой было написано: «Контора по найму собачьих нянь». Набравшись смелости, Незнайка вошел в дверь и очутился в комнате, где на длинной лавочке, стоявшей вдоль стены, сидели несколько коротышек. В конце комнаты, за деревянной перегородкой, сидел сотрудник конторы и с кем-то разговаривал по телефону. Присев на краю лавочки, Незнайка потихоньку спросил сидевшего рядом коротышку, кто такие собачьи няни и для чего их нанимают. Коротышка сказал:

— Многие богачи любят собак, но так как ухаживать сами за собаками не любят, то нанимают других коротышек, чтоб они нянчились с ними. Вот такие специалисты по уходу за псами и называются собачьими нянями. Иногда такую собачью няню приглашают поиграть с какой-нибудь собачонкой, пока ее хозяева сходят в театр или кино. Такая работа называется работой по вызову. Но часто собачьих нянь пригла-

шают в какой-нибудь богатый дом на постоянную работу. Это значительно выгодней.

— А трудно быть собачьей няней? — спросил Незнайка.

— Это зависит от того, какая попадется собака. Добрый хороший пес никаких забот тебе не доставит: ты его вовремя покорми да выведи погулять — это все, что он от тебя требует. Но существуют такие избалованные твари, которые привыкли по пять раз на день принимать ванну. Вот ты с утра ее выкупай в теплой воде, потому что холодной она терпеть не может, потом насухо вытри, расчеши гребешком, чтобы шерсть не сбивалась комьями, дай ей позавтракать, потом наряди в жилетик или попоночку, чтоб она не простудилась после купания, и уж только тогда веди на прогулку. На прогулке тоже не спи, а следи в оба, как бы эта тварь не цапнула кого-нибудь за ногу, а она только и норовит, чтоб прохожего укусить или погрызться с чужой собакой. После прогулки веди ее в парикмахерскую. Там ей сделают маникюр, шерсть постригут, завьют, морду наодеколонят так, что от нее за километр духами разит, словно от какой-нибудь барыни...

— А разве пускают собак в парикмахерскую? — удивился Незнайка.

— Как же! — подтвердил коротышка. — Существуют специальные собачьи парикмахерские. Да и не только парикмахерские. Есть специальные собачьи магазины, торгующие всякими собачьими деликатесами, собачьи рестораны, закусочные и кондитерские, специальные собачьи спортзалы и спортплощадки, бассейны для плавания и стадионы. Есть псы, которые любят бегать наперегонки на таких стадионах. Их за это награждают медалями. Есть также любители водного спорта, которые участвуют в заплывах или играют в водное поло. Существуют в то же время такие псы, которые сами заниматься спортом не любят, но зато любят смотреть на разные собачьи состязания. Я слыхал, что в городе Давилоне даже театр построили для собак.

— Верно, верно! — подхватил другой коротышка. — Однажды я был в этом театре. Очень любопытное зрелище! Говорят, что собак больше всего интересуют спектакли с участием сыщиков, которые ловят преступников и раскрывают различные преступления. Особенно им нравятся пьесы, в которых наряду с сыщиками участвуют сыскные собаки. Один мой знакомый рассказывал, будто медицинские исследования показали, что собачье самочувствие значительно улучшается после того, как она побывает в собачьем театре или посмотрит на состязание в собачьем спортзале. В этом деле, однако, необходимо соблюдать умеренность, так как слишком частые посещения собачьих состязаний могут расстроить собачью нервную систему. Некоторые из псов так сильно волнуются, глядя на какие-нибудь собачьи гонки, что потом плохо спят, дергаются во сне и даже могут потерять аппетит.

— Я тоже однажды ухаживал за собакой, которая жила в очень богатом доме, — вмешался в разговор третий коротышка. — К этой собаке был приставлен специальный доктор, который следил за ее здоровьем и лечил от ожирения. Она завела моду дрыхнуть по целым дням, а поскольку это было для нее вредно, доктор велел мне постоянно ее тревожить и не давать спать. Мне то и дело приходилось стаскивать ее с постели, а она за это на меня злилась и нещадно кусала. Доктор находил, что для собаки это как раз полезно, потому что вынуждало ее делать какие-то движения, в результате чего она могла похудеть. Собака, однако же, не худела. Вместо нее худел я и к тому же постоянно ходил искушенный. В конце концов она все же подохла от ожирения, несмотря на постоянно оказываемую врачебную помощь.

Как раз в это время дверь отворилась, и в контору вошел большой белый пудель с заплетенной в косички гривой и пушистой кисточкой на хвосте. Он втащил за собой на цепочке хозяйку в пышном газовом платье и большой модной шляпе, напоминавшей корзину с цветами. Вслед за хозяйкой в контору вошла служанка, на руках у которой сидела небольшая курносая собачонка, с головы до хвоста покрытая рыженькими кудряшками.

— Мне нужна хорошая няня для моих двух очаровательных крошек, — сказала хозяйка сотруднику конторы, который, увидев богатую посетительницу, выскочил из-за своей загородки.

— Пожалуйста, госпожа! — воскликнул он, расплываясь в улыбке. — В нашей конторе постоянно имеется богатейший выбор обслуживающего персонала для собак самых разнообразных и благородных пород. Вы их всех видите перед собой. Каждого из них можно назвать истинным другом зверей, специалистом своего собачьего дела, энтузиастом, так сказать, комнатного и декоративного собаководства. Все они знакомы с правилами хорошего поведения, обладают изысканными манерами и прекрасно воспитаны... Встать, охламоны! — прошипел он, обернувшись к сидевшим на лавочке коротышкам.

Все встали послушно.

— Кланяйтесь госпоже!

Все поклонились. И Незнайка тоже.

— Вам остается, госпожа, остановить свой выбор на том, кто больше понравится.

— Дело тут не во мне, — сказала хозяйка. — Я хотела бы, чтоб няня понравилась моим очаровательным крошкам... Ну-ка, Роланд, — обратилась она к пуделю. — Покажи, миленький, кто тебе больше нравится.

С этими словами она сняла поводок с ошейника пуделя. Освободившись от привязи, пудель не спеша направился к коротышкам и принялся обнюхивать каждого. Подойдя к Незнайке, он почему-то очень заин-

тересовался его ботинками: долго обнюхивал их, после чего задрал голову, лизнул Незнайку прямо в щеку и сел перед ним на пол.

— Ты не ошибся, Роландик? — спросила хозяйка. — Тебе на самом деле нравится этот?.. Ну-ка посмотрим, что скажет Мими.

Служанка нагнулась и спустила на пол маленькую собачонку.

Собачонка покатила на своих коротеньких лапках прямо к Незнайке и тоже уселась у его ног.

— Смотрите, и Мими выбрала этого! — усмехнулась служанка.

Незнайка присел и принялся гладить обеих собак.

— Скажите, голубчик, — спросила хозяйка, — вы на самом деле любите животных?

— Души в них не чаю! — признался Незнайка.

— В таком случае я беру вас.

Сотрудник конторы записал Незнайкино имя, а также имя и адрес хозяйки, которую, кстати сказать, звали госпожой Миногой, после чего сказал, что Незнайка должен уплатить за услуги конторы фертинг; если же у него нет, то чтоб принес, как только получит жалованье. На этом формальности были закончены, и Незнайка удалился в сопровождении обеих собак, а также госпожи Миноги со служанкой.

В доме, где теперь предстояло Незнайке жить, его поселили в светлой, просторной комнате, стены которой были украшены портретами Роланда, Мимишки и каких-то других собак. Посреди комнаты стояли три кровати. Две были побольше — на них спали Роланд и Незнайка. Третья кровать была поменьше — на ней спала Мимишка. У стены был зеркальный шкаф, в котором хранились собачьи фуфайки, шубейки, попонки, жилетики, ночные пижамки, а также вечерние панталончики для Мими.

Наиболее ответственным делом, которое поручили Незнайке, было купание собак. Для этой цели в доме имелась специальная комната с двумя ваннами. Одна ванна, побольше, — для Роланда, другая, поменьше, — для Мими. Мимишку приходилось купать три раза в день: утром, в полдень и вечером. Роланд же купался лишь по утрам, так как перед купанием ему обязательно надо было распускать косички, а это требовало много времени. Если же косы не распускать, то, намкнув в воде, они сваялись бы, и собака не имела бы такого шикарного вида.

После утреннего купания собак тут же приходилось вести в собачью парикмахерскую, где Роланду вновь заплетали косички, подстригали морду и хвост, восстанавливая нарушенную красоту. Мимишке в это же время подвивали щипцами кудряшки, смазывали шерсть бриолином, чтоб она красиво блестела, подкрашивали черной краской ресницы, подрисовывали синькой глаза, чтоб они казались больше и выразительней. Из парикмахерской собаки возвращались в сопровождении Незнайки домой, после чего он вел их прямо в спальню к госпоже Миноге, которая к этому времени вставала с постели. Пожелав собакам доброго утра и поцеловав их в морды, хозяйка расспрашивала Незнайку, как они провели ночь, после чего отпускала их завтракать, приказав Незнайке лучше смотреть за ними.

После завтрака Незнайка с Мимишкой и Роландом отправлялись по заведенному порядку в собачий парк, где в это время гуляли и другие собаки со своими нянями. После гуляния наступала пора вторично купать Мимишку, а Роланд развлекался тем, что ловил в саду сверчков и кузнечиков. Потом все трое отправлялись в собачий ресторан обедать. Пообедав, собаки отдыхали часика полтора, а Незнайка в это время следил, чтоб их не кусали мухи. После отдыха все трое совершали послеобеденную прогулку по городу. Мимишка и в особенности Роланд были большими любителями бродить по улицам, особенно в центре города, где они могли вдосталь разглядывать попадавшихся навстречу пешеходов. Говор толпы, шум автомобилей, а также разнообразнейшие запахи от прохожих, которые улавливало тонкое обоняние собак, все это составляло им неизъяснимое, только одним собакам доступное удовольствие.

Вернувшись с прогулки, собаки делали физзарядку, которая состояла в беганье за Незнайкой по саду, в прыганье через кусты и цветочные клумбы. Такие упражнения считались очень полезными для собачьего самочувствия, хотя и не очень нравились садовнику, на обязанности которого лежало следить за садом. После физзарядки следовал отдых, во время которого Незнайка заполнял так называемый собачий журнал. В этот журнал заносились все сколько-нибудь значительные и даже незначительные случаи из жизни Роланда с Мимишкой.

Наконец приходила пора ужина, после которого время проводили по-разному. Если у госпожи Миноги был званый вечер, то Незнайка приводил Мими и Роланда в комнаты, чтоб гости могли полюбоваться собаками. Если Минога уходила в театр, то обязательно брала с собой и Мимишку, потому что в то время была мода таскать по театрам своих комнатных собачонок. Всех, кто являлся в театр или на концерт без собаки, считали неимущими бедняками и смеялись над ними. В такие вечера на попечение Незнайки оставался один Роланд, и они отправлялись вдвоем в спортивный собачий зал или плавательный бассейн, где смотрели какое-нибудь собачье состязание, или же отправлялись в дрянингский «Тупичок» и навещали больного Козлика.

Нужно сказать, что Незнайка никогда не забывал о своем больном друге. Не проходило дня, чтоб он не забежал к нему хотя бы на минутку. Обычно это удавалось сделать во время послеобеденной прогулки. Всегда, когда Незнайка обедал с собаками, он не съедал свою порцию до конца, а припрятывал в карман то пирожок, то котлетку, то хлебца краюшку и относил все это голодному Козлику.

В первый же день он обратился к госпоже Миноге с просьбой заплатить ему жалованье хотя бы за недельку вперед, так как ему нужно помочь больному приятелю, который находился в дрянингской ночлежке. Госпожа Минога сказала, что теперь он живет в богатом доме, в обществе приличных собак, и ему не пристало водить компанию с каким-то Козликом, который даже дома собственного не имеет, а обитает в какой-то ночлежке.

— Ни о каких таких Козликах я не желаю и слышать! — сказала она. — Если же вы произнесете при мне или при Мимишке с Роландом какое-нибудь неприличное слово вроде «ночлежки», я вас уволю. Что же касается платы, то вы будете получать ее раз в неделю, но только не вперед, а по прошествии недели.

Действительно, как только прошла неделя, хозяйка заплатила Незнайке пять фертингов. Для него это была большая радость. На другой день, во время послеобеденной прогулки с собаками, он зашел в лечебницу и пригласил к Козлику доктора.

Доктор внимательно осмотрел больного и сказал, что его лучше всего

поместить в больницу, так как болезнь очень запущена. Узнав, что за лечение в больнице придется уплатить двадцать фертингов, Незнайка страшно расстроился и сказал, что он получает всего лишь пять фертингов в неделю и ему понадобится целый месяц, чтоб собрать нужную сумму.

— Если протянуть еще месяц, то больному уже не нужна будет никакая медицинская помощь, — сказал доктор. — Чтобы спасти его, необходимо немедленное лечение.

Он достал карандаш и кусочек бумаги и принялся делать какие-то вычисления.

— Вот, — сказал наконец он. — Я буду приходить два раза в неделю и делать больному уколы. За каждое посещение будете платить мне по полтора фертинга. Остальные деньги уйдут на лекарства. Думаю, недельки через три мы сумеем поставить больного на ноги.

Он тут же выписал целую кучу рецептов. Здесь были различные медикаменты как для приема внутрь, так и наружные: витамины разных сортов, антибиотики, синтомициновая эмульсия для прикладывания к распухшей шее, а также стрептоцид, пирамидон и новокаин.

Лечение действительно пошло успешно, и через две недели врач решил Козлику вставать, а еще через неделю сказал, что теперь уже посещения его будут не нужны, так как больной окончательно выздоровел; ему необходимо лишь получше питаться, чтоб восстановить силы.

Это был радостный день как для самого Козлика, так и для Незнайки. Они сидели на полке в дрянингском «Тупичке» и предавались мечтам.

— Теперь нам не нужно будет тратить денежки на оплату врача и лекарств, — говорил Незнайка. — Ты будешь получше питаться, а когда силы твои восстановятся, тоже найдешь какую-нибудь хорошую постоянную работу.

— Да, это было бы чудесно! — улыбаясь счастливой улыбкой, говорил Козлик.

На полу у их ног лежали Роланд с Мимишкой и, казалось, прислушивались к их разговору. На самом деле они ни к чему не прислушивались, а подкарауливали крысу, которая пряталась от них под полкой. Роланд от природы был замечательный крысолов, поэтому он с огромнейшим удовольствием посещал с Незнайкой дрянингскую ночлежку, где сам воздух, казалось, был пропитан крысиным запахом. Попав с Незнайкой в ночлежку и поймав крысу, Роланд обычно не загрызал ее, а, лишь придушив слегка, отдавал поиграть Мимишке. Мимишка с визгом носилась, держа крысу в зубах, на минуточку отпускала ее и делала вид, будто смотрит в сторону, а когда крыса пыталась убежать, снова ловила ее. Все это страшно забавляло обитателей ночлежки, которые теперь каждый день с нетерпением ждали, когда появится Незнайка со своими собаками.

Радость Незнайки и Козлика была все же непродолжительной. Госпожа Минога уже давно обратила внимание на то, что от ее любимой Мимишки стало почему-то пахнуть крысами. Заподозрив неладное, она позвонила по телефону в сыскную контору и дала задание проследить, где бывает Незнайка во время прогулок с собаками. Владелец конторы поручил это дело опытному сыщику господину Биглю, который неотступно следил за Незнайкой три дня, после чего представил подробный отчет о его действиях. Изучив этот отчет, владелец сыскной конторы сообщил Миноге точный адрес дрянингской гостиницы и время, когда Незнайка бывает там со вверенными ему собаками.

Получив это известие, госпожа Минога чуть не упала в обморок. Узнав от горничной, что Незнайка недавно ушел на прогулку, она тотчас же вызвала из сыскной конторы сыщика Бигля и велела ему отвезти ее вместе с горничной туда, где он перед тем видел Незнайку с ее любимцами.

И вот как раз в тот момент, когда Незнайка и Козлик предавались своим мечтам, а Мимишка играла крысой, только что пойманной для нее Роландом, дверь отворилась, и в ночлежке появилась госпожа Ми-

нога в сопровождении горничной и сыщика Бигля. Увидев Роланда, который растянулся на грязном полу у ног Незнайки, и свою любимицу Мимишку с отвратительной крысой в зубах, госпожа Минога взвизгнула и, закатив глаза, рухнула на пол. Сыщик перепугался и, приподняв Миногу за талию, принялся изо всех сил трясти ее, в то время как горничная брызгала ей в лицо одеколоном. Наконец госпожа Минога очнулась от обморока и, увидев, что Мимишка продолжает забавляться крысой, закричала:

— Ах, отнимите же у нее эту омерзительную, эту гадкую крысу! Дайте ее мне сюда! Дайте сейчас же!

Сыщик Бигль моментально подскочил к Мимишке и, отняв у нее полудохлую крысу, учтиво протянул хозяйке.

— Что это? Уйдите! — завизжала Минога, отталкивая от себя крысу и трясясь всем телом. — Зачем вы суете мне это мерзкое, отвратительное животное? Уйдите, говорят вам!

— Вы же сами сказали «дайте»! Я думал, вам хочется крысу, — растерянно пробормотал Бигль.

— Зачем мне крыса? Я сказала, дайте Мимишку, глупое вы животное!

Сыщик швырнул крысу на пол и, поймав Мимишку, подал хозяйке.

— Ах ты бедная моя лапочка! Мимочка моя! Моя красоточка! — запричитала хозяйка, прижимая Мимишку к груди и целуя ее прямо в нос.

— Кто дал тебе эту отвратительную крысу?.. Это он? — закричала она, указывая на Незнайку. — Это он привел тебя в это ужасное звериное логово!.. Роланд! Ты зачем лежишь на грязном полу? Разве ты не видишь, сколько там грязи, мерзкое ты животное! Марш сейчас же ко мне!

Горничная схватила Роланда за ошейник и потащила к хозяйке.

— Пойдемте сейчас же отсюда! — продолжала кричать Минога. — Здесь грязь! Здесь микробы! Собаки заболеть могут! А вы, отвратительное животное, вы уволены! — закричала она, обратившись к Незнайке.

— Не смейте являться ко мне! Я не потерплю, чтоб вы водили собак по разным разбойничьим притонам! Я вас под суд отдам, изверг, мерзкое вы существо!

Она шумела до тех пор, пока не скрылась за дверью со своими собаками. Незнайка не мог даже слова вставить в свою защиту. Да и что мог он сказать?

Глава двадцать седьмая **ПОД МОСТОМ**

Козлик был страшно расстроен тем, что произошло.

— Это все из-за меня! — говорил он. — Если бы я не заболел, ничего не случилось бы.

— Не беда! — утешал его Незнайка. — Я лично ничуть не жалею, что не встречу больше с этой противной Миногой. А работу какую-нибудь мы найдем. Не расстраивайся!

Козлик понемногу развеселился, а к вечеру по ночлежке разнесся слух, что завтра ожидается приезд известного богача Скуперфильда, который будет набирать рабочих для своей макаронной фабрики. Все обитатели дрянингского «Тупичка» обрадовались. Многие из них уже давно потеряли надежду получить постоянную работу на фабрике.

— Наконец-то и нам улыбнулось счастье! — говорили они. — Кончится наша нужда, и мы распростимся с этой дрянной ночлежкой. Пусть Дрянинг сам живет здесь со своими крысами!

Ходили слухи, что Скуперфильд решил увеличить выпуск макаронных изделий, и поэтому ему понадобилось больше рабочих, а так как было известно, что по количеству безработных Сан-Комарик стоит на первом месте, то он и решил приехать сюда. Никто не знал, откуда в ночлежку проникли такие сведения, но известно, что на следующий день Скуперфильд действительно появился в Сан-Комарике. Вместе с ним появились сто двадцать семь больших автофургонов, служивших для перевозки макаронных изделий. Теперь эти фургоны должны были перевезти завербованных Скуперфильдом рабочих на макаронную фабрику в Брехенвиль.

Весь Мусорный тупичок, а также прилегающая к нему Трущобная улица с переулками были заполнены этими макаронными автофургонами. Два таких автофургона, покрашенные яркой оранжевой краской, заехали во двор гостиницы Дрянинга. Один из них представлял собой передвижной ларек для продажи макаронных изделий. На этот раз в нем никаких макаронных изделий не было, а весь он был наполнен горячими сосисками и хлебом, предназначенными для раздачи вновь принятым на фабрику коротышкам. В другом фургоне приехал сам Скуперфильд со своим управляющим.

Как только Скуперфильд с управляющим вылезли из кабины, шофер вытащил из фургона небольшой деревянный стол с двумя стульями и поставил их посреди двора. Управляющий достал из портфеля толстую тетрадь с надписью: «Макаронный журнал», положил ее на стол рядом с портфелем, и вербовка рабочих началась. Все желавшие поступить на макаронную фабрику подходили по очереди к столу. Скуперфильд лично осматривал каждого, опасаясь, как бы не принять на работу какого-нибудь хромого, безногого, безрукого и вообще слабосильного или больного.

— Я не желаю платить деньги разным калекам, — твердил он своим противным пискливым голосом. — На моей фабрике все должны работать как следует, а не бездельничать. Вы должны понимать, что едете не на курорт, а на макаронную фабрику.

Осмотрев коротышку со всех сторон, он изо всех сил хлопал его рукой по спине, словно пытаясь сбить с ног, тряс ему руку с такой энергией, будто задумал оторвать ее, после чего говорил:

— Поздравляю вас, дорогой друг, с поступлением на работу! Можете получить сосиску.

Продавщица из передвижного ларька тут же вручала коротышке бутерброд с сосиской, а управляющий заносил его имя в тетрадь и брал у него расписку в том, что он получил сосиску. Вся эта комедия с сосисками была придумана Скуперфильдом для того, чтобы новые рабочие увидели, какой он добрый, и получше работали на него. Нечего и говорить, что раздавал он сосиски не даром, а намеревался высчитать двойную их стоимость, когда будет расплачиваться с рабочими, и таким образом обтяпать попутно еще одно выгодное дельце.

Осматривая коротышек, Скуперфильд затевал разговор с некоторыми из них, так как хотел познакомиться с их мыслями и настроениями. Увидев Незнайку, он строго спросил:

— Бунтовать будешь?

— Это как — бунтовать? — не понял Незнайка.

— А ты кто такой, что смеешь задавать мне вопросы? — вспыхнул Скуперфильд. — Это мое дело задавать вопросы, а твое дело отвечать. Когда тебя спрашивают, ты должен ответить коротко: «Да, господин. Нет, господин». И все. Понятно тебе?

— Да, господин, нет, господин, — послушно ответил Незнайка.

— Гм! — проворчал Скуперфильд. — Ты, может быть, дурачок?

— Да, господин, нет, господин.

— Гм! Гм! Ну, это, впрочем, хорошо, что ты дурачок. По крайней мере не будешь мутить рабочих на фабрике, не будешь подбивать их бросить работу. Правильно я говорю?

— Да, господин, нет, господин.

— Ну ладно, — сказал Скуперфильд. — Получай сосиску.

Когда вербовка закончилась, все рабочие были посажены в автофургоны и вывезены из Сан-Комарика. Уже была поздняя ночь, когда автоколонна, состоявшая из ста двадцати семи фургонов, появилась на улицах Брехенвиля. Скуперфильд заранее разработал план, по которому автофургоны должны были въехать во двор макаронной фабрики, после чего все вновь принятые рабочие должны были занять свои места у тестомешалок, прессов, котлов, печей, у сушильных макаронных и вермишельных шкафов, то есть сразу же приступить к работе. План этот, однако же, стал известен прежним рабочим. Кто-то сообщил им из Сан-Комарика, что Скуперфильд набирает в ночлежке новых рабочих. Старые рабочие, не желая уступать свою работу пришельцам, сейчас же заняли фабричный двор, закрыли на запор ворота и приготовились к

встрече. Как только фургоны появились у ворот фабрики, засевшие во дворе коротышки стали кричать из-за ограды:

— Братцы, вас обманули! Не приступайте к работе! Вас хотят сделать предателями! Эта фабрика наша! Не отнимайте у нас работу!

Приехавшие коротышки вылезли из фургонов и стояли в растерянности. Скуперфильд тоже выскочил из кабины.

— Не верьте им! — закричал он. — Это лодыри! Они не хотят работать. Они хотят, чтоб им даром деньги платили!

— Мы вовсе не лодыри! — кричали из-за ограды. — Это Скупер хочет, чтоб мы даром трудились, а мы боремся за свои права. Он и вас оберет, если вы станете на него работать.

— А ну заткните им глотки! Что вы их слушаете? Открывайте ворота, или я всех вас уволю! — закричал Скуперфильд и подскочил к воротам.

Вслед за ним к воротам бросились и некоторые из приехавших санкомаринцев. В ответ на это из-за ограды в них полетели поленья и камни. Испугавшись, санкомаринцы подались назад. Ворота тут же открылись, засевшие на фабрике рабочие выскочили и принялись колотить приехавших палками, скалками, чем попало. Приехавшие в ужасе разбежались.

— Стой! — кричал Скуперфильд. — Вы не имеете права убегать. Вы должны работать на фабрике! Что же, я вас даром кормил сосисками? Остановитесь, несчастные! Вы должны отработать хотя бы сосиски!

Никто, однако ж, его не слушал. Приехавшие санкомаринцы не были знакомы с расположением улиц в Брехенвиле, они метались в темноте, словно поросята, попавшие на чужое капустное поле, а брехенвильцы насакивали на них то с одной стороны, то с другой. Несколько коротышек поймали Незнайку и Козлика и, подтащив к реке, бросили в воду.

— Вот искупайтесь в холодной водичке. Будете знать, как помогать этой жадине Скуперфильду! — кричали они.

Незнайка и Козлик чуть не захлебнулись в воде, а когда вылезли на берег, то обнаружили, что у Незнайки утонули в реке ботинки, а у Козлика не доставало шляпы.

— Это самое скверное, что могло с нами случиться! — сказал Козлик, трясаясь от холода. — Теперь нам осталось лишь попасть к полицейским в лапы и угодить на Дурацкий остров.

Они с Незнайкой решили посидеть на берегу до утра, а когда станет светло, поискать в реке пропавшие вещи.

Как только рассвело, Незнайка и Козлик разделись и полезли в воду. Они ныряли до тех пор, пока не посинели от холода, но ни ботинок, ни шляпы так и не нашли. Должно быть, их унесло течением.

Город вскоре проснулся. На набережной появились прохожие. Чтобы не попасть на глаза полицейским, Незнайка и Козлик прошли вдоль берега и спрятались под мостом.

— В таком виде нам нельзя идти в город, — сказал Козлик. — Первый попавшийся полицейский сцапает нас. Лучше мы сделаем так: ты дашь мне свою шляпу и посидишь здесь, пока я не раздобуду чего-нибудь поесть.

— Лучше ты дай мне свои ботинки, а сам посиди здесь, — сказал Незнайка. — Тебе после болезни трудно много ходить.

Козлик ответил, что ему не трудно, но Незнайка настаивал на своем. Из его предложения, однако, ничего не вышло, так как ботинки Козлика оказались ему малы. На добычу пришлось все же отправиться Козлику, а Незнайка остался сидеть под мостом без шляпы и босиком.

Сидеть под мостом в одиночестве было скучно, поэтому Незнайка напрягал все свои умственные способности, чтобы придумать какое-нибудь развлечение. Сначала он спел все песенки, которые знал, потом загадал сам себе все известные ему загадки и разгадал их, затем принялся вспоминать пословицы и поговорки вроде: «Кому пироги да пышки, а нам синяки да шишки», «Слышит ухо, что не сыто брюхо» или «Яков лаком, съел кошку с маком». Всего этого, правда, ему хватило ненадолго, и он принялся перебирать в памяти разные случаи из своей жизни, вспоминать всех своих друзей и знакомых.

Незаметно в голове его всплыло воспоминание о Пончике. Незнайка воображал, что Пончик по-прежнему сидит в ракете, и очень горевал, что ничем не может ему помочь. Он вспомнил, что Пончик очень любил покушать.

«Как бы это не довело его до беды, — подумал Незнайка. — Как бы он не прикончил всех запасов до того, как подоспеет помощь».

Вскоре голод начал донимать Незнайку с такой силой, что он уже ни о чем не мог думать. Одна только мысль вертелась теперь у него в голове: «Куда же запропастился Козлик? Почему он не возвращается?»

Чтоб заглушить голод, Незнайка снова принялся исполнять песни, припоминать пословицы, загадывать и разгадывать загадки. К концу дня терпение его исчерпалось до дна. Он уже решил вылезти из своего убежища и отправиться на поиски Козлика, но в это время заметил, что под мост спускается сверху какой-то коротышка. Сначала Незнайка подумал, что это Козлик, но, присмотревшись, увидел, что это не Козлик.

Коротышка между тем приблизился и, увидев Незнайку, спросил:

— Ты что здесь делаешь?

— Сажу, — ответил Незнайка.

— Я что-то тебя здесь раньше не видел.

— Должно быть, это потому, что я раньше здесь не сидел, — объяснил Незнайка.

— Ты новичок, что ли?

— Как это — новичок?

— Ну, новенький: первый раз под мостом ночуешь.

— Разве я ночую? — удивился Незнайка.

— Чего ж ты залез сюда? Разве не ночевать?

— Нет.

Незнайка хотел рассказать, что с ним случилось, но тут снова послышались шаги и под мостом появились еще несколько коротышек.

— Эй, Клюква, Пекарь, Орешек! — закричал первый коротышка. — Смотрите, чудачок какой-то: залез под мост, а говорит, не ночевать пришел.

Коротышки окружили Незнайку.

— Какая-то подозрительная личность! — сказал тот, которого звали Клюква.

— Наверно, переодетый сыщик, — проворчал Пекарь.

— Отколотить бы его да в воду! — сказал Орешек.

— Братцы, я вовсе не сыщик! — принялся уверять Незнайка. — Пустите меня! Мне надо идти искать Козлика.

— Какого еще Козлика? — спросил подозрительно Пекарь. — Не пускайте его, а то он пойдет и скажет полицейским, что мы здесь ночуем.

Незнайка принялся рассказывать коротышкам обо всем, что произошло с ним и с Козликом. Коротышки поняли, что он говорит правду.

— Ну ладно, — сказал Клюква. — Тебе все равно никуда нельзя идти в таком виде. На тебе ведь нет ни ботинок, ни шапки. Полицейские сейчас же схватят тебя. Завтра мы раздобудем тебе какую-нибудь обувь и шапку, тогда и иди. А Козлик твой, наверно, попросту обманул тебя.

— Как обманул? — удивился Незнайка.

— Ну, взял твою шляпу и удрал с ней. Без шляпы-то ему по городу гулять нельзя, — объяснил Орешек.

— Нет, братцы, Козлик не такой. Он мой друг!

— Знаем мы, какие друзья-то бывают! — проворчал Пекарь.

Между тем наступил вечер. На мосту и вдоль набережной зажглись фонари. Их свет, отражаясь в воде, попадал под мост, благодаря чему там было не совсем темно.

Коротышки начали укладываться спать. Вверху, под откосом, где чугунные арки моста опирались на каменные устои, имелось множество тайников. Каждый вытаскивал из этих тайников какое-нибудь тряпье и делал из него для себя постель. Один коротышка, которого почему-то звали Миллиончик, оказался даже обладателем двух старых матрацев. На одном матраце он спал, другим укрывался. У коротышки, которого звали Пузырь, была резиновая надувная подушка. Вытащив эту подушку из какой-то трещины между камнями, он старательно ее надул и, подложив под голову, сказал:

— Чудесная вещь! Для того, кто понимает, конечно.

Коротышка, который первым увидел Незнайку (его звали Чижик), сказал:

— Тебе тоже надо обзавестись кой-какими вещичками. А пока на вот тебе.

И он бросил Незнайке охапку какой-то рвани. Увидев, как Незнайка неумело расстилает на земле тряпки, Чижик сказал:

— Учись, братец, учись! Я думаю, со временем ты привыкнешь. А на свежем воздухе даже полезно спать. К тому же здесь и то ладно, что нет клопов. Ужас до чего не люблю этой нечисти! В общем, все было бы хорошо, если б не фараончики, — вздохнул он. — Не позволяют, проклятые, под мостом спать!

Все улеглись наконец, а Пузырь даже начал похрапывать на своей надувной подушке.

— Вот что значит с удобством спать! — сказал Клюква с усмешкой.

Неожиданно в стороне послышался шорох. Кто-то осторожно спустился с откоса.

— Тише! — прошептал Орешек, приподнявшись с земли. — К нам кто-то лезет.

— Вдруг фараончик? — высказал предположение Клюква.

Все забеспокоились, кроме спавшего Пузыря.

— Может, тягу дадим? — спросил Миллиончик, выползая из-под своего матраца.

— Схватим его, а там видно будет, — ответил Клюква.

Коротышки притаились, припав к земле. Какая-то черная фигура замаячила на фоне поблескивавшей в темноте реки и стала пробираться под мост. Как только фигура приблизилась, Пекарь и Клюква вскочили и, сбив ее с ног, накрыли матрацем.

— А теперь что делать? — спросил Миллиончик, наваливаясь всей своей тяжестью на матрац.

— Отколотить — и в воду! — вынес свой приговор Орешек.

— Постойте, может, это не фараончик, — сказал Клюква.

Миллиончик стукнул кулаком по матрацу и спросил:

— Признавайся, ты фараончик?

Из-под матраца послышался жалобный писк:

— Я Козлик!

— Братцы, да это Козлик вернулся! — воскликнул Незнайка.

Матрац моментально стащили, и Незнайка бросился обнимать своего друга.

— Почему ж ты так долго не приходил, Козлик?

— Да я, понимаешь, все у магазинов толочся. Думал, хоть что-нибудь заработаю. Да так и не заработал ни сентика. Видишь, сам голодный и тебе ничего не принес.

— Гляди-ка, а мы-то думали, Козлик удрал! — радовались коротышки.

А Пекарь сказал:

— Братцы, может быть, у кого-нибудь найдется кусочек хлебца? Надо же дать им перекусить.

Пузырь, который только что проснулся и с недоумением смотрел вокруг, достал из-за пазухи краюшку хлеба. Разломив хлеб пополам, он протянул обе половинки Незнайке и Козлику. Два друга принялись с аппетитом уплетать хлеб. Коротышки сидели вокруг и глядели на них с улыбкой.

— Смотрите, братцы, — говорил Клюква, — значит, есть дружба на свете!

И всем от этих слов сделалось так хорошо, что никто даже спать не хотел ложиться. Только один Пузырь опустил голову на свою любимую подушку и опять захрапел.

Наконец хлеб был съеден, и тогда все легли и быстро заснули. Скоро погасли фонари на набережной, и под мостом стало совсем темно. Авто-

мобили все реже проносились по мосту. Наконец движение прекратилось совсем. А когда прошло еще полчаса, к мосту бесшумно подкатил черный полицейский фургон с толстыми железными решетками на крошечных окнах. Из фургона выскочили десять полицейских под командой старшего полицейского Рвигля.

— Пять душ туда, пять душ сюда! Все марш под мост, и никаких разговоров! — прохрипел Рвигль, пригрозив полицейским своей усовершенствованной электрической дубинкой.

Полицейские безмолвно разделились на два отряда. Первый отряд стал спускаться под мост с левой стороны дороги, а второй — с правой. Очутившись внизу, Рвигль включил потайной электрический фонарь и прошипел:

— Вперед!

Полицейские тоже зажгли фонари и, освещая перед собой путь, двинулись с обеих сторон под мост.

— Стой! — прохрипел Рвигль, увидев спящих на земле коротышек. — Окружить их!.. Приготовить электрические дубинки!.. Чш-ш! Хватайте их, и никаких разговоров!

Полицейские с обеих сторон бросились на спящих коротышек и принялись хватать их. Клюква первый проснулся и, увидев себя в руках полицейских, закричал:

— Братцы, спасайся! Фараончики !

Тут он получил такой удар электрической дубинкой по лбу, что потерял сознание. Остальные коротышки стали вырываться из рук полицейских, но электрические разряды мигом успокоили их. Только один Пузырь не растерялся. Вырвав из рук схватившего его полицейского Пнигля электрическую дубинку, он сунул ее под нос противнику. Раздался треск. Между носом полицейского и дубинкой проскочила зеленая искра. Пнигль упал словно подкошенный, а Пузырь швырнул электрическую дубинку в спешившего к нему полицейского Скригля, сам же схватил свою надувную подушку, одним прыжком подскочил к берегу и прыгнул в воду. Растерявшиеся полицейские смотрели, как он плыл по воде, быстро удаляясь от берега.

— Ну и шут с ним! — проворчал Рвигль. — В другой раз поймаем и этого. А сейчас марш, и никаких разговоров!

Полицейские потащили вверх по откосу слабо сопротивлявшихся коротышек, а также полицейского Пнигля, который никак не мог прийти в себя, после того как ему в нос попала зеленая искра.

Через пять минут все было кончено. Полицейский фургон уехал, а под мостом осталась куча тряпья да два обветшалых матраца, из которых во все стороны торчала солома.

ЧАСТЬ IV

Глава двадцать восьмая

КОГДА ИСЧЕЗЛА РАКЕТА

Велико было удивление Знайки, когда, проснувшись в то утро, на которое был назначен отлет на Луну, он посмотрел в окно и не увидел космического корабля. Обычно, когда Знайка глядел в окно, он видел возвышавшуюся над крышами домов ракету, верхушка которой торчала на фоне неба словно гигантская сигара или поставленный торчком дирижабль. Каждый раз, глядя на ракету, Знайка любовался ее красивыми очертаниями, в которых было что-то стремительное, неудержимо рвущееся ввысь, в космос, в неведомое. Иногда Знайка нарочно просыпался утром пораньше, чтоб никто не мешал ему насладиться этим прекрасным зрелищем. Сложив на груди руки и устремив дерзкий свой взор в мировое пространство, он стоял у открытого окна и мечтал. Ракета маячила перед ним, поблескивая стальными боками, словно купалась в золотых лучах восходящего солнца. Свежий утренний ветерок дул прямо в

лицо, отчего у Знаяки возникало ощущение силы и бодрости. Ему казалось, что все его тело делалось легким и гибким, а на спине появлялись крылья. В такие минуты Знаяке хотелось запеть, закричать, сделать какое-нибудь великое научное открытие или подскочить кверху и лететь на Луну.

То, что на этот раз Знаяка не увидел в окно ракеты, произвело на него какое-то странное действие. У него было такое чувство, будто все, что происходило до этого — и находка лунного камня, и открытие неведомости, и постройка межпланетного корабля, — все это случилось во сне, а теперь вот, когда наступило пробуждение, все исчезло, как будто ничего и не бывало.

Конечно, это чувство возникло у Знаяки лишь на мгновение, так как он не допускал мысли, что сновидение могло быть таким длинным и ярким. Убедившись, что глаза все же не обманули его, он сообразил, что ракета попросту могла упасть на землю от ветра или от какого-нибудь колебания почвы. Выскочив моментально из комнаты, он сбежал в одно мгновение с лестницы и помчался к калитке.

— Вот беда-то какая! — бормотал про себя Знаяка. — А что, если в ракете что-нибудь сломалось во время падения или испортилось?

Он выбежал из калитки и во весь дух помчался по улице. Через пять минут он уже подбегал к Космическому городку, а еще через минуту ворвался на круглую площадь и остановился как вкопанный. До самого последнего мгновения Знаяка надеялся, что увидит ракету, лежащую поперек площади. Он явственно представлял себе, как она лежит, поэтому то, что увидел он, привело его в изумление. На площади никакой ракеты не было: ни стоящей, ни лежащей, ни целой, ни сломанной.

Чувствуя, что ноги его словно одеревенели, Знаяка пробрался к стартовой площадке и произвел тщательнейший осмотр. Стартовая площадка оказалась совершенно цела. Все вокруг тоже было цело. На земле не было ни царапины, ни самой малейшей дырочки, в которую могла бы провалиться ракета. Не зная, что думать, Знаяка стоял и растерянно озирался по сторонам. В это время он увидел, что через площадь к нему бегут Фуксия и Селедочка. Обе были страшно взволнованы. Глаза у обеих были широко раскрыты. Подбежав к Знаяке, они хотели о чем-то спросить, но только беспомощно разевали рты, так как от волнения ничего не могли сказать.

Сначала Знаяка тоже молча глядел на них, но к нему первому вернулся дар речи.

— Где ракета? — закричал он визгливым голосом.

Не дождавшись ответа, он тут же схватил за плечи Селедочку и принялся трясти изо всех сил.

— Где ракета, я вас спрашиваю, без-без-бездельники?

— Мы не без-без-бездельники! — пролепетала, чуть не плача, Селедочка.

— Ну, без-бездельницы! — поправился Знайка.

Не в силах стерпеть такой грубости, Селедочка молча отстранила Знайкины руки и, гордо подняв голову, зашагала прочь. Фуксия тоже с достоинством подняла голову, поджала губки и пошла за Селедочкой. Знайка с недоумением смотрел, как они скрылись в своем домике, который стоял на краю площади. Только сейчас он сообразил, какую совершил глупость, и побежал за ними.

— Прошу прощения! — закричал он, врываясь в дом. — Вы должны извинить меня. Я так растерялся, что потерял разум! Не будете ли вы любезны сказать, куда делась ракета?

— Мы знаем об этом не больше вашего, — ответила Фуксия. — Мы сами хотели узнать у вас.

— Но я же ничего не знаю, — развел Знайка руками. — Знаю только то, что больше не вижу ее. Раньше видел, а теперь вижу, что больше не вижу, словно кто-нибудь стащил ее у нас из-под носа!

— Образумьтесь! Как это можно стащить ракету? — сказала Фуксия. — Ракета тяжелая!

— Ошибаетесь, — сказал Знайка. — Вы забыли о невесомости. Если включить прибор невесомости, то ракета потеряет вес и ее можно унести без всяких усилий.

— Но если вы это сделаете, то также попадете в зону невесомости и тоже потеряете вес. Как же вы будете нести ракету в состоянии невесомости?

— Но вы забываете, что наряду с зоной невесомости существует зона весомости, — возразил Знайка. — Находясь в зоне весомости и прицепив трос к ракете, вы свободно можете отбуксировать ее в любое место. Это не вызывает сомнений. Думаю, нам необходимо произвести опрос населения и разузнать, не слыхал ли кто ночью подозрительного шума и не наблюдал ли кто-нибудь похищения ракеты.

Пока происходил этот разговор, к Космическому городку стали стекаться жители, желавшие посмотреть на отлет космического корабля. Увидев, что ракеты на месте нет, все решили, что запуск уже произведен и Знайка со своими друзьями улетел на Луну. Все были страшно расстроены тем, что не смогли присутствовать при старте межпланетной ракеты. Некоторые были даже рассержены. Особенно лютовал профессор Звездочкин, который специально приехал для этой цели из Солнечного города.

— Это безобразие! — кричал он. — Запуск был назначен на восемь часов утра, а сейчас нет еще и семи. Видимо, Знайка нарочно переменял час отлета, чтоб улететь без помех.

Подходили новые коротышки.

— Знайка, такая гадина, улетел раньше времени! Жалко ему было, чтоб мы посмотрели! — кричал Звездочкин. — Ну попадись он мне, этот Знайка, я из него котлету сделаю!

— Что же это такое? — говорили коротышки. — Это, однако ж, нехорошо! Кто мог подумать, что этот Знайка такая гадина, такая гадина!

Как раз в это время все увидели Знайку, который выходил из дома вместе с Фуксией и Селедочкой.

— Смотрите, Знайка! — закричал кто-то.

Все побежали к нему. Увидев несущуюся навстречу толпу, Знайка остановился, а Фуксия и Селедочка даже бросились бежать от испуга. Однако уже было поздно. Толпа окружила их.

— Почему вы не улетели? Где ракета? Мы думали, что вы улетели! — кричали вокруг.

— Кто сказал, что мы улетели? — строго спросил Знайка. — Кто мог такую глупость сказать?

— Ну, кто?.. Это мы сами сказали, потому что ракета... где же она?.. Ее нет! — разводили коротышки руками.

— Если ракеты нет, то это еще не значит, что мы улетели, — рассудительно сказал Знайка. — Это либо какая-нибудь глупая шутка, либо чья-то дерзкая выходка, совершенная с непонятной для меня целью. Все вы должны оказать нам помощь и включиться в поиски ракеты. Мы предлагаем каждому из вас произвести опрос населения, чтоб узнать, не видел ли кто-нибудь ночью чего-нибудь подозрительного и не имеет ли кто-нибудь сведений о местонахождении ракеты. О результатах опроса прошу сообщить немедленно в штаб розысков, который будет помещаться в доме Фуксии и Селедочки.

Все утро коротышки только и делали, что ходили по городу и спрашивали друг друга, не видал ли кто ночью чего-нибудь подозрительного. Но поскольку все ночью спали, то никто ничего не видал и не слышал. Так все расспросы ни к чему и не привели.

К полудню, однако, появилась новая новость: исчез Незнайка. Сколько его ни искали, он нигде не находился. Вскорости стало известно, что исчез также и Пончик.

Как только Знайке сказали об этом, он сразу догадался, что произошло.

— Дело ясное! — закричал он, хватаясь за голову. — Без сомнения, два этих бездельника залезли ночью в ракету и самовольно отправились в полет!

Тут в штаб розысков явился астроном Стекляшкин и рассказал, что ночью он, по обыкновению, залез на крышу своего дома, чтоб понаблюдать в телескоп звезды, и случайно заметил на небе какое-то космическое тело, которое быстро скрылось за горизонтом. Он успел разглядеть, однако, что это тело была ракета. Вначале он думал, что это была какая-нибудь чужая ракета, и поэтому никому ничего не сказал, но теперь он обдумал все тщательно и пришел к заключению, что это была наша ракета, то есть та ракета, на которой Знайка и его друзья собирались лететь на Луну. Вслед за Стекляшкиным в штаб явился коротышка Роголик. Он тоже сказал, что проснулся ночью и случайно видел в окно, как эти два субъекта (то есть Незнайка с Пончиком) пробирались по улице в направлении Космического городка.

Теперь уже никто не сомневался, что Незнайка и Пончик отправились на Луну. Знайка готов был рвать на себе волосы от досады.

— И кто мог подумать, что случится такая вещь! — убивался он. — Правда, от Незнайки можно было ожидать всякой пакости, но от Пончика я ничего подобного не ожидал.

— Но они, может быть, сделали это нечаянно? — сказала Селедочка.

— Как же, «нечаянно»! — язвительно усмехнулся Знайка. — По-ва-

шему, встали ночью, так, чтоб никто не видел, и нечаянно залезли в ракету?

— Нет, в ракету они, безусловно, залезли нарочно, — согласилась Селедочка. — Но кнопку, должно быть, нажали нечаянно или в шутку. Достаточно ведь было нажать кнопку, чтобы ракета начала свой полет к Луне.

— Теперь трудно сказать, как это там у них вышло, только за такие шутки я не знаю, что сделал бы! — кипятился Знайка.

— Что же теперь будет с Незнайкой и Пончиком? — спрашивали коротышки.

— Известно что! — сердито ворчал Знайка. — Полетят на Луну. Или вы думаете, что ракета повернет ради них обратно? Как бы не так!

— А что они будут на Луне делать? Там ведь воздуха нет, — беспокоились коротышки.

— А пусть делают, что хотят! — с раздражением отвечал Знайка. — Сами виноваты! Не нужно было лезть, куда не просят!

— Разве так рассуждать хорошо? — с укоризной сказала Фуксия. — Они совершили ошибку и попали в беду. Нельзя же покидать их в беде! Мы должны помочь им.

— Что же мы можем сделать? — спросил Знайка. — Лететь им вдогонку? А на чем, позвольте спросить?

— Ну, надо сделать другую ракету, — сказала Селедочка.

— Это не так просто, — ответил Знайка. — Ведь прибора невесомости у нас теперь нет. Придется строить многоступенчатую ракету, которая могла бы преодолеть силу земного притяжения.

Знайка был прав. Для того чтобы преодолеть силу земного притяжения, ракета должна была получить начальную скорость около двенадцати километров в секунду, но, чтоб развить столь огромную скорость, требовалось такое количество реактивного топлива, которое во много раз превышало вес самой ракеты. В связи с этим космический корабль приходилось делать многоступенчатым, то есть состоящим из нескольких соединенных между собой ракет. Первая, самая большая ракета была сплошь заполнена топливом. К ней присоединялась вторая ракета, которая тоже была целиком заполнена топливом. Ко второй присоединялась третья такая же ракета. Наконец, шла ракета, в которой, помимо запасов топлива, помещались различная аппаратура, приборы управления, запасы пищи и путешественники.

При запуске такого многоступенчатого космического корабля в работу сначала включалась первая ракета, но как только все топливо в ней выгорало, она отделялась от корабля и работать начинала вторая ракета. Теперь вес корабля был меньше, и скорость его нарастала быстрее. Как только топливо иссякало во второй ракете, она также отделялась от корабля и падала вниз. Корабль становился еще легче. В работу включа-

лась третья ракета. Таким образом постепенно достигалась скорость, достаточная для того, чтоб последняя ступень корабля долетела до Луны по инерции, то есть с выключенным реактивным двигателем. Довольно значительный запас топлива в последней ступени был все же необходим для маневрирования и торможения корабля при посадке на Луну, а также для возвращения на Землю.

Как бы то ни было, как бы ни трудна была задача, Знайка, Фуксия и Селедочка, а также профессор Звездочкин тотчас же включились в работу по проектированию межпланетного корабля. Они не спали всю ночь, и к утру космический корабль был спроектирован, но, конечно же, только вчерне, то есть в виде карандашного наброска или эскиза. По предложению Звездочкина корабль был рассчитан на двенадцать путешественников. Рассчитать его на большее количество космонавтов было нельзя, так как это очень утяжелило бы последнюю ступень, поскольку внутри нее должно было остаться место не только для пассажиров, но и для лунного камня, запасы которого необходимо было доставить на Землю при возвращении с Луны.

По предложению Знайки последняя ступень ракеты должна была иметь двойное управление, а именно: управление для полетов в условиях тя-

жести и управление для полетов в состоянии невесомости. Знайка надеялся, что по прибытии на Луну они обнаружат в какой-нибудь из пещер залежи лунита. Обладая же хоть небольшим кусочком лунита, нетрудно будет соорудить прибор невесомости, что крайне облегчит полеты ракеты вокруг Луны и поиски Незнайки и Пончика.

Закончив работу по составлению эскиза, Фуксия и Селедочка тотчас отправились в Научный городок. Там в работу включилась целая группа инженеров-конструкторов, которые начали делать подробные чертежи отдельных узлов ракеты. Чертежи эти тут же направлялись на различные заводы для выполнения отдельных отливок, поковок, штамповок, а также для изготовления разнообразной аппаратуры для управления космическим кораблем.

Общее наблюдение за ходом выполнения всех деталей Фуксия и Селедочка поручили инженеру Клепке. На своем быстроходном прыгающем, плавающем, летающем и ныряющем автомобиле он носился по всему Солнечному городу как угорелый и поспевал всюду, где требовалось его присутствие. В этом отношении Клепка был, как говорится, коротышка незаменимый.

Несмотря на все принятые меры, работа шла все же не так быстро, как этого хотелось, и Знайка буквально изнывал от нетерпения. Заниматься разработкой отдельных узлов ему было неинтересно, к тому же эту работу специалисты-конструкторы могли выполнить значительно лучше и быстрее, чем он. От нечего делать Знайка принялся размышлять над открытым им явлением невесомости, стараясь найти теоретическое обоснование процессам, происходящим при взаимодействии энергии, выделяемой лунным камнем, с обычной магнитной энергией.

Своими мыслями Знайка обычно делился с профессором Звездочкин, с которым очень подружился за последнее время. С коротышками так часто бывает: сначала они поссорятся, даже подерутся подчас, а после этого подружились до такой степени, что и водой не разольешь. Так получилось и на этот раз. По целым дням оба эти ученые не расставались друг с другом и обсуждали различные научные проблемы. Случалось, конечно, что и теперь они крупно спорили, но при этом не теряли уважения друг к другу, понимая, что без споров в науке никак не обойтись. Истина, как любил говорить профессор Звездочкин, рождается в спорах.

Профессор Звездочкин очень интересовался Луной и всем, что было с ней связано, в том числе лунным камнем, открытие свойств которого дало возможность Знайке победить абсолютно непреодолимую (как это казалось вначале) силу тяжести. Поскольку единственный образчик лунита, которым можно было располагать для опытов, унесся по неосторожности Незнайки обратно на Луну, профессор Звездочкин лишен был возможности изучать свойства лунного камня, так сказать, непосред-

ственно и поэтому расспрашивал Знайку обо всех произведенных им наблюдениях над этим странным веществом.

Получив кое-какие сведения об этом минерале, а также об условиях, в которых он был обнаружен на Луне, профессор Звездочкин сопоставил целый ряд фактов, известных ему из геологии, минералогии и кристаллографии, сделал необходимые вычисления, в связи с чем пришел к выводу, что лунит весьма распространенное на Луне вещество и запасы его должны быть довольно значительны. Это сообщение очень обрадовало Знайку, который надеялся, что залежи лунита могут быть использованы для многих надобностей как на Земле, так и на самой Луне.

Нечего, конечно, и говорить, как велико было нетерпение Знайки и Звездочкина, как хотелось им поскорей отправиться на Луну и проверить свои гипотезы, то есть свои научные предположения, не говоря уже о том, что необходимо было оказать помощь Незнайке и Пончику. Прошло, однако, целых два месяца, пока первые детали ракеты начали поступать в Космический городок. Еще два месяца понадобилось на то, чтоб все эти детали собрать, подогнать друг к другу, свинтить, спаять и сварить между собой, оборудовать ракету различными приборами и произвести их проверку. Оба этих последних месяца пролетели для Знайки и профессора Звездочкина гораздо быстрее, так как они непосредственно участвовали в сборке ракеты и проверке всех ее узлов. Каждый знает, что, когда чем-нибудь занят, время течет быстрее.

Вскоре Знайка снова мог любоваться из окна своей комнаты поблескивавшей на солнце ракетой, которая гордо поднималась над стартовой площадкой посреди Космического городка. Первая и вторая ступени ракеты были похожи на удлиненные стальные цилиндры, вставленные друг в друга. Третья ступень представляла собой такой же цилиндр с закругленной верхушкой и длинным, как у бутылки, горлышком. То, что казалось издали горлышком бутылки, и была четвертая, то есть последняя ступень ракеты, в которой помещалась кабина для космонавтов, запасы продовольствия и приборы управления. Каждому, кто смотрел на ракету со стороны, было ясно, что теперь уже недалеко время, когда она наконец взмлет кверху и, преодолев силу притяжения земного шара, умчится в космическое пространство.

Глава двадцать девятая **ЗНАЙКА СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ**

После того как господин Спрутс погубил Общество гигантских растений, он сразу почувствовал большое облегчение. Теперь-то он был уверен, что бедняки не выйдут из повиновения у богачей, так как не

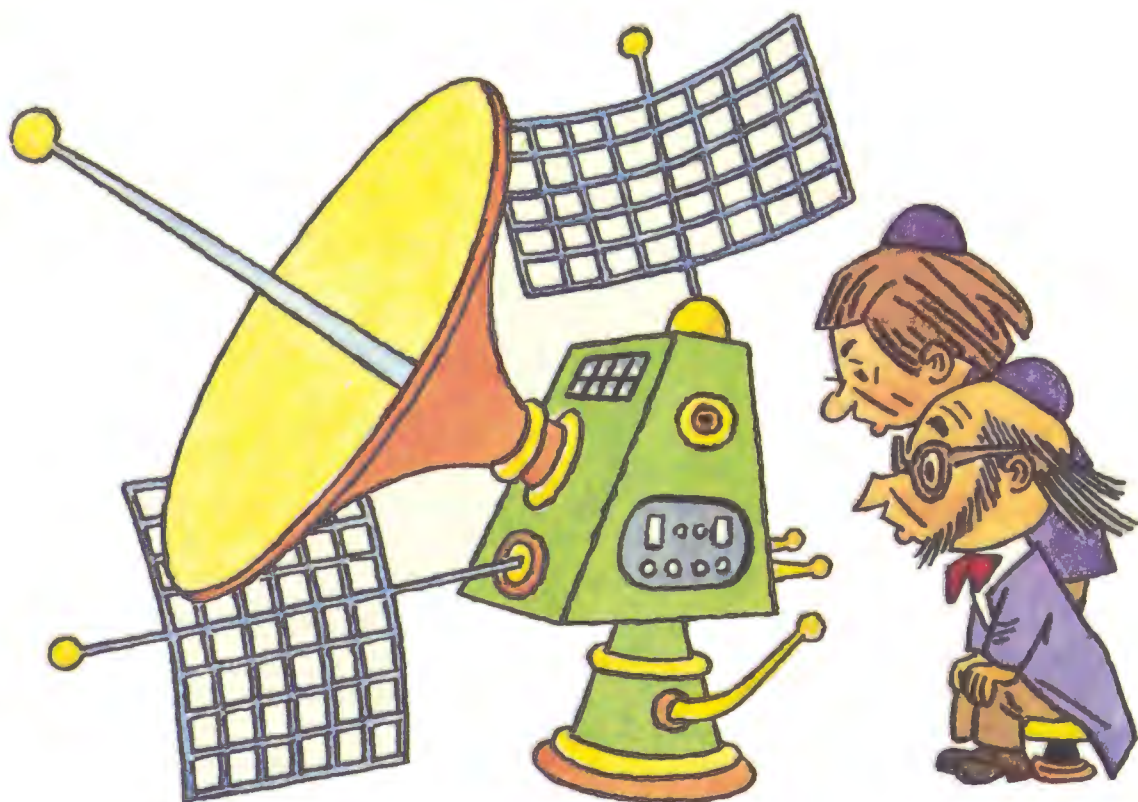
смогут воспользоваться гигантскими семенами, которые навсегда останутся на поверхности Луны в ракете. Очень скоро он все же сообразил, что если жители далекой планеты Земли послали на Луну один космический корабль, то они могут послать и другой. Поклявшись, что не допустит на Луну никаких земных пришельцев с их проклятыми, как он выразился, семенами, господин Спрутс призвал к себе самых лучших лунных астрономов и спросил, могут ли они обнаружить посредством астрономических приборов приближение к Луне космического корабля.

Астрономы сказали, что любое, даже небольшое космическое тело, вроде метеора или межпланетного корабля, может быть обнаружено при помощи гравитонного телескопа. С помощью другого прибора, который называется гравитонным локатором, астрономы могут измерять расстояние до космического корабля, а также скорость и направление его движения. Этого совершенно достаточно, чтобы заранее предсказать, когда и даже в каком месте лунной поверхности произойдет посадка прилетевшего корабля.

Пообещав лунным астрономам значительную сумму денег, господин Спрутс велел им вести непрерывное наблюдение за планетой Землей и, если в межпланетном пространстве будет обнаружено какое-нибудь подозрительное тело вроде космического корабля, сейчас же доложить ему. С тех пор самый усовершенствованный гравитонный телескоп давилонской обсерватории был направлен в сторону ближайшей к Луне планеты, то есть, попросту говоря, в сторону Земли.

Нужно сказать, что гравитонный телескоп вовсе не похож на обычный оптический телескоп, в который мы можем рассматривать звезды или планеты собственными глазами. Гравитонный телескоп представляет собой сложное устройство, напоминающее телевизор, снабженный большой, расширяющейся к концу трубой, которая легко поворачивается и может быть направлена в любую часть лунного неба. Эта труба, или рупор, представляет собой сплетение тончайших металлических проводов и является антенной, улавливающей волны тяготения, или так называемые гравитоны, распространяющиеся во все стороны от любого космического тела. Как только эта трубчатая, или, как ее иначе называют, рупорная, антенна улавливает волны тяготения, телевизионный экран освещается, и на нем возникает изображение кривой линии. По степени кривизны и по ее положению на экране можно судить о величине наблюдаемого космического тела. Включив гравитонный локатор, можно тут же получить сведения о точном расстоянии до этого тела, а также о скорости его движения.

С тех пор как главный гравитонный телескоп давилонской обсерватории был направлен в сторону Земли, астрономам удалось обнаружить несколько мелких космических тел. Не только размеры, но и скорость

их движения свидетельствовали о том, что это были обыкновенные метеоры. Вскоре, однако, по соседству с планетой Землей было обнаружено космическое тело, поведение которого показалось астрономам несколько странным. Тело это удалялось от Земли, но скорость его почему-то не уменьшалась, а увеличивалась. Это противоречило законам небесной механики, согласно которым скорость тела, движущегося вблизи планеты, могла увеличиваться только в том случае, если бы тело приближалось к планете. Поскольку же тело не приближалось, а удалялось от Земли, скорость его должна была уменьшаться. Такое ускорение движения могло быть объяснено притяжением какой-нибудь другой крупной планеты, но, поскольку вблизи Земли никакой другой планеты не было, оставалось предположить, что обнаруженное тело приобретало ускорение под влиянием какой-то внутренней, то есть находящейся в нем самой, силы. Источником такой силы мог быть работающий реактивный двигатель, и если это так, то обнаруженное космическое тело было не что иное, как космическая ракета.

Продолжив свои наблюдения, давилонские астрономы убедились, что завладевший их вниманием космический предмет постепенно приобрел скорость, достаточную для того, чтоб со временем выйти из сферы зем-

ного притяжения. Рассчитав траекторию, то есть линию полета этого перемещающегося в межпланетном пространстве тела, астрономы убедились, что оно направляется к Луне. Об этом немедленно сообщили господину Спрутсу. Господин Спрутс отдал распоряжение продолжать астрономические наблюдения, после чего позвонил по телефону главному полицейскому комиссару Ржиглю и сказал, что ожидается прибытие космического корабля с коротышками на борту, с которыми необходимо как можно скорей разделаться, поскольку они намерены сеять повсюду гигантские семена и подстрекать бедняков к неповиновению богачам.

Главный полицейский комиссар Ржигль сказал, что все необходимые меры будут приняты, но просил сообщить о времени ожидаемого прибытия космического корабля на Луну, о месте предполагаемой высадки космонавтов и об их примерном количестве.

— Все эти сведения необходимы, — сказал он, — чтобы как следует подготовиться к встрече космических гостей и ударить по ним так, чтобы они не успели опомниться.

— Я распоряжусь, чтобы все требуемые сведения были своевременно сообщены вам, — ответил господин Спрутс.

Между тем лунные астрономы продолжали свои наблюдения и вскоре заметили, что космическое тело вышло из сферы притяжения Земли. Полет его, однако, был не совсем точен, и одно время казалось, что оно пролетит мимо Луны, но вскоре было замечено, что оно несколько замедлило свой полет и совершило небольшой поворот, в результате чего курс его стал более точным. Такой маневр в космосе могло совершить только управляемое тело, и у давилонских астрономов не оставалось больше сомнений в том, что они имеют дело с космической ракетой, а не с какой-нибудь случайной кометой или метеором. Теперь космическая ракета была уже в непосредственной близости от Луны, и по показаниям гравитонных приборов можно было довольно точно определить ее вес и объем. Сопоставив полученные цифровые материалы и произведя некоторые расчеты, давилонские астрономы пришли к заключению, что в ракете могло помещаться от десяти до двадцати, а может быть, даже и до тридцати пассажиров. Пока невозможно было указать примерное место посадки космического корабля, так как, приблизившись на достаточное расстояние, он не пошел на посадку, а начал круговой облет Луны. Астрономы тотчас догадались, что прилетевшие космонавты решили выбрать наиболее удобное место для посадки и поэтому перешли на орбитальный, то есть круговой, полет.

Догадка лунных астрономов была верна. Знайка, Фуксия и Селедочка заранее условились, что не станут производить посадку до тех пор, пока не обнаружат на лунной поверхности космического корабля, на

котором прилетели Незнайка и Пончик. Они знали, что корабль этот следует искать в районе лунного моря Ясности, но им все же понадобилось совершить вокруг Луны не менее двух десятков витков, прежде чем удалось обнаружить ракету, одиноко торчавшую на берегу окаменевшего моря.

Совершив еще несколько витков по той же орбите и установив точное местоположение ракеты на лунной поверхности, космонавты произвели необходимые расчеты, после чего в ход была пущена электронная саморегулирующая машина, которая в нужный момент включила тормозной механизм. Посадка была произведена с предельной точностью, благодаря чему новая ракета опустилась на поверхность Луны неподалеку от старой.

Помимо Знайки, Фуксии и Селедочки, экипаж корабля состоял из механиков Винтика и Шпунтика, профессора Звездочкина, астронома Стекляшкина, инженера Клепки, архитектора Кубика, художника Тюбика, музыканта Гусли и доктора Пилюлькина. Как только посадка была произведена, Знайка, который являлся командиром космического корабля, велел четырем космонавтам, а именно: Винтику, Шпунтику, Фуксии и Селедочке, надеть космические скафандры и отправиться на разведку.

Первое, что надлежало сделать разведывательному отряду, — это обследовать ракету НИП (так условились сокращенно называть ракету, на которой прилетели Незнайка и Пончик, в отличие от второй ракеты, которую решили сокращенно называть по имени главных ее конструкторов Фуксии и Селедочки ракетой ФИС).

Облачившись в скафандры, космонавты, назначенные в разведывательный отряд, отправились под предводительством Знайки к ракете НИП и проникли в нее. Тщательно обыскав все каюты, кабины, отсеки и прочие подсобные помещения, разведчики убедились, что Незнайки и Пончика в ракете нет. Вместе с тем было обнаружено исчезновение двух скафандров. От внимания разведывательного отряда не ускользнуло также, что все продукты, хранившиеся в пищевом отсеке, были начисто съедены. Это заставило Знайку и его спутников прийти к заключению, что Незнайка и Пончик оставались в ракете, пока не прикончили всех запасов продовольствия, после чего решили покинуть свое прибежище и отправились на поиски пищи.

Приказав Фуксии и Селедочке, а также Винтику со Шпунтиком заняться тщательной проверкой работы всех механизмов и составить подробную опись требуемых исправлений, Знайка покинул ракету. Очувтившись на поверхности Луны, он принялся осматриваться по сторонам, пытаясь догадаться, в каком направлении могли уйти Незнайка и Пончик. Прямо перед ним расстилалась равнина, напоминавшая неподвижно застывшее море с видневшимися вдали огненно-красными гора-

ми. По правую руку были такие же горы, по левую руку до горизонта тянулись окаменевшие волны. Обернувшись назад, Знайка увидел горы, напомнившие ему мыльную пену или лежащие на земле облака с сверкавшими на вершинах гигантскими кристаллами горного хрусталя. Неподалеку от скопления этих облачных гор виднелась огромная пирамидальная, или конусообразная, гора. От ее подножия к пригорку, на котором стоял Знайка, тянулась светлая и прямая, словно солнечный луч, дорожка.

«Если они и отправились куда-нибудь, то, безусловно, пошли по этой дорожке», — подумал Знайка.

Придя к такому умозаключению, он тотчас отдал по радиотелефону приказ Кубику, Тюбику, Звездочкину, Стекляшкину и инженеру Клепке взять с собой приспособления для лазания по горам и отправляться вслед за ним к пирамидальной горе.

Кубик, Тюбик, Звездочкин, Стекляшкин и Клепка мигом надели скафандры. Каждый взял альпеншток, прицепил к поясу ледоруб и моток прочного капронового шнура, а Стекляшкин, помимо того, подвесил на спину свой телескоп, с которым обычно не расставался.

Выбравшись из ракеты, Кубик, Тюбик, Звездочкин и Стекляшкин зашагали по лунной дорожке, стараясь поскорей догнать Знайку, который ушел вперед. Что касается Клепки, то этот субъект, выскочив из шлюзовой камеры, совершил несколько неорганизованных прыжков возле ракеты, словно пытался перепрыгнуть через нее, после чего поскакал по дорожке, да так резво, что в несколько скачков обогнал Знайку. Он прекрасно знал, что на Луне необходимо сдерживать свои силы и соразмерять движения, так как вес его здесь вшестеро меньше, чем на Земле. Клепка, однако, был такой коротышка, который и на Земле-то не мог посидеть спокойно. Очутившись же на Луне, он сразу почувствовал непреодолимое желание бегать, прыгать, скакать, кувыркаться, летать и вообще совершать всяческие безрассудства. Возможно, это как раз было одно из проявлений действия уменьшения веса на коротышечью психику.

Увидев эти головоломные прыжки, Знайка понял, что совершил ошибку, взяв на Луну Клепку. Он тотчас отдал ему приказ вернуться в ракету, но Клепка не обратил никакого внимания на этот приказ и продолжал кувыркаться.

— Такое нарушение дисциплины недопустимо в космосе! — с раздражением проворчал Знайка. — Ну погоди, я тебя засажу в ракету, тогда попрыгаешь!

Как раз в это время Знайка увидел в стороне от дорожки космический сапог, который Пончик сбросил с ноги, когда бежал из пещеры в ракету. Знайка даже не сразу понял, что это за предмет, но, подняв его, убедился, что это попросту сапожок от скафандра.

Увидев, что Знайка что-то поднял, Кубик, Тюбик, Звездочкин, Стекляшкин и Клепка сейчас же подбежали к нему.

— Друзья, мы на верном пути! — воскликнул Знайка, показывая им сапог. — Наша находка доказывает, что Незнайка и Пончик проходили здесь. Не мог же сапог сам собою попасть сюда. Будем продолжать поиски.

Тут Клепка выхватил у Знайки сапог, нацепил его на острие альпенштока, поднял вверх и побежал с ним вперед, размахивая словно флагом. Знайка только головой покачал, глядя на это дурачество.

Скоро путешественники были в пещере, образовавшейся в склоне пирамидальной горы. Углубившись в пещеру, они достигли сосульчатого грота и решили его тщательно обыскать. Все разбрелись среди исполинских ледяных сосул, свешивавшихся с потолка грота, и вскоре Тюбику удалось обнаружить второй космический сапожок Пончика.

— Второй сапог! — закричал Тюбик, размахивая найденным сапогом. Знайка и все остальные поспешили к нему.

— Обе наши находки говорят о том, что скоро мы обнаружим и самого обладателя этих сапог, — сказал Знайка. — Вперед, друзья!

Все двинулись дальше и скоро очутились в тоннеле с ледяным дном. Заметив, что ледяное дно тоннеля шло под уклон, Знайка велел путешественникам связаться веревкой, как это делают альпинисты, переходя через ледники. Это было сделано вовремя. Не успели они прикрепить к поясам веревку и двинуться в путь, как шедший впереди Клепка поскользнулся на льду и, упав на спину, покатился вниз. Веревка тотчас натянулась и потащила за собой остальных путешественников.

— Ни с места! Стойте! — закричал Знайка. — Вонзайте в лед альпенштоки!

Все принялись упираться стальными остриями альпенштоков в лед. Это задержало падение. Подтащив к себе на веревке Клепку, Знайка распорядился, чтоб его привязали позади всех и не разрешали вылезать вперед.

Вскоре наклон тоннеля сделался настолько крутым, что Знайка побоялся продолжать спуск.

— Дальше нельзя всем опускаться, — сказал он. — Надо кого-нибудь одного опустить на веревке.

— Спустите меня, — предложил Стекляшкин. — Может, я смогу разглядеть что-нибудь в телескоп.

Приказав спутникам вырубить во льду ступеньки, Знайка связал между собой мотки капронового шнура, так что получилась длинная веревка. Конец этой веревки он привязал к поясу Стекляшкина и велел ему осторожно спускаться вниз. Остальные космонавты стояли на ледяных ступеньках и постепенно отпускали веревку, тщательно следя, чтоб она не выскользнула из рук.

О своих впечатлениях Стекляшкин сообщал оставшимся вверху по радиотелефону.

— Наклон тоннеля делается все больше и больше! — кричал он. — Стены расширились... Спуск становится почти отвесным... Вижу впереди свет... Спуск стал отвесным... Вишу над бездной. Внизу туман. Облака... Тучи... Вижу что-то в разрывах туч...

— Что видишь? — закричал, сгорая от нетерпения, Знайка.

— Что-то вижу, только не вижу что, — ответил Стекляшкин. — Какая-то муть. Сейчас попытаюсь разглядеть в телескоп.

Он долго не подавал признаков жизни. Наконец закричал:

— Земля!.. Ура! Вижу землю!.. Вижу реку! Вижу зеленое поле! Вижу деревья!.. Лес!

Он замолчал, но через несколько минут снова послышался его голос:

— Ура!! Вижу дома!.. Какой-то населенный пункт вижу! Ура!

— Ура-а-а! — закричали Знайка и Звездочкин, а за ними и остальные коротышки.

От радости они готовы были броситься друг другу в объятия, но не могли выпустить из рук веревку.

А Стекляшкин уже кричал:

— Снова сгустились тучи!.. Ничего больше не видно! Какая-то мгла!.. Здесь становится очень жарко! Поднимайте меня!

Знайка и его друзья потащили Стекляшкина вверх. Скоро путешественники снова были все вместе и отправились в обратный путь. Как только они вернулись в ракету, Знайка устроил экстренное совещание. Стекляшкин рассказал, что он видел внизу какую-то неизвестную землю с населенным пунктом. Возможно, это был большой лунный город, но, может быть, и небольшой поселок. Этого Стекляшкин не мог точно сказать, так как видел лишь часть населенного пункта в разрывах облаков.

— Город или поселок — это не имеет значения, — сказал Знайка. — Раз там есть населенный пункт — значит, есть и население, а раз это так, то мы должны немедленно лететь туда. Лететь же можно на ракете ФИС. Думаю, что она свободно пройдет через тоннель.

— Пройти-то она пройдет, — согласился профессор Звездочкин, — но как мы доставим ракету к тоннелю? Хотя тяжесть здесь в шесть раз меньше, чем на Земле, но мы не сдвинем с места ракету, даже если все впряжемся в нее.

— Вы забыли о невесомости, дорогой друг, — сказал Знайка с усмешкой. — Ведь теперь в нашем распоряжении имеется прибор невесомости, который был установлен на ракете НИП.

— Ах, верно! — воскликнул профессор Звездочкин.

Фуксия рассказала, что ракета НИП вполне исправна и ничуть не

пострадала при посадке на Луну, все ее механизмы действуют безотказно. Что касается прибора невесомости, то он также находится в полной исправности.

Знайка велел принести прибор невесомости и сказал:

— Стоит лишь включить этот прибор, и вокруг ракеты в радиусе примерно тридцати шагов возникнет зона невесомости. Если мы привяжем к ракете шнур длиною хотя бы в сорок шагов, то можно будет спокойно тащить за конец шнура, и ракета полетит за нами, словно воздушный шарик на ниточке.

— Это все же нуждается в проверке, — сказала Селедочка. — Зона невесомости на Луне может оказаться значительно больше, чем на Земле. Ведь здесь сила тяжести меньше.

— Верно! — воскликнул Звездочкин.

Он тут же принялся производить математические вычисления, которые показали, что шнур должен быть длиннее втрое, то есть около ста двадцати шагов. Когда же стали производить практическую проверку, то оказалось, что и эту цифру пришлось увеличить еще в два раза. При включении прибора невесомости силу тяжести можно было ощущать, только находясь примерно в двухстах сорока шагах от ракеты.

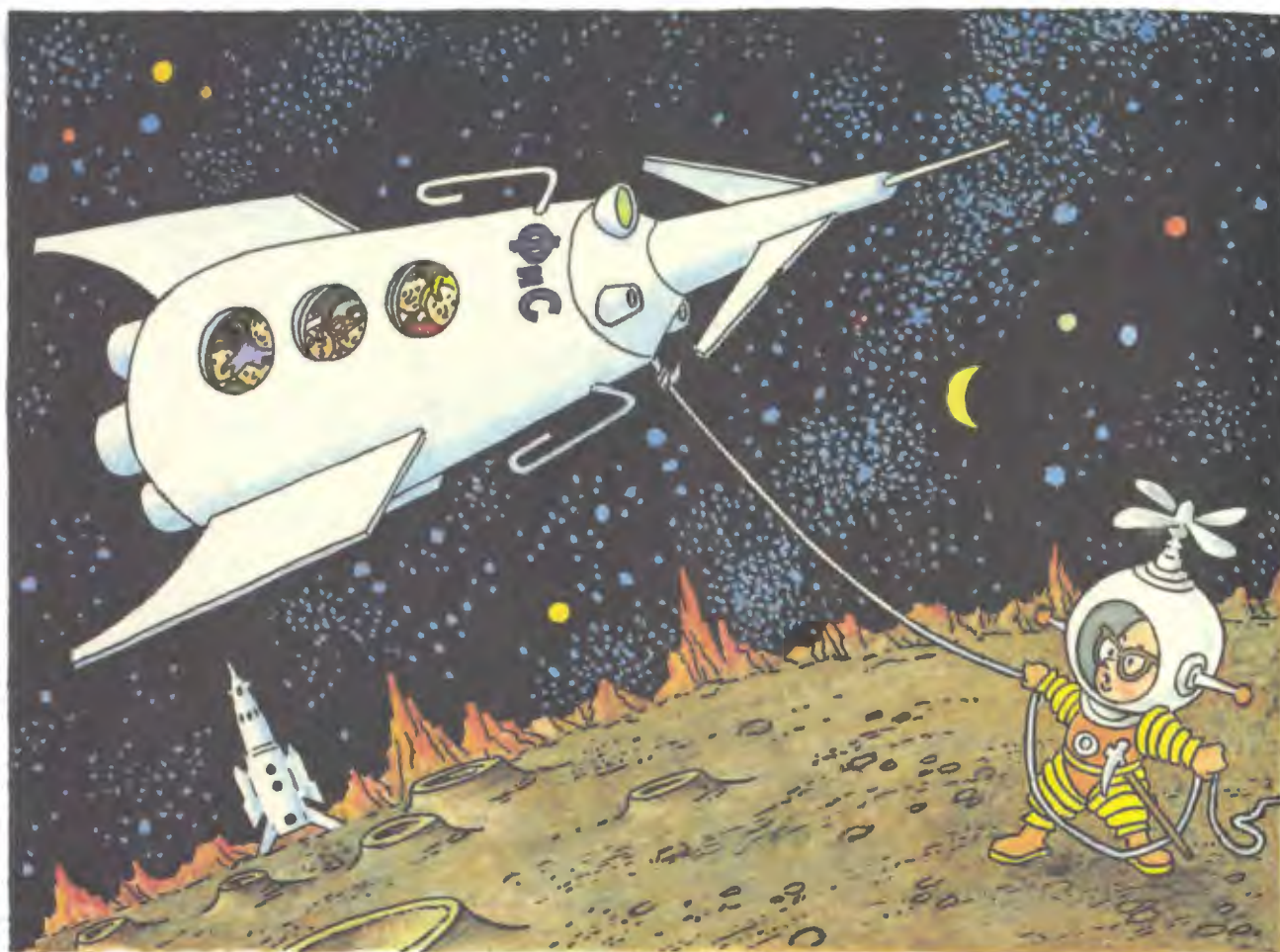
Наконец практическая проверка расчетов была закончена. К ракете привязали длинный капроновый шнур, и Знайка пожелал лично отбуксировать ее к пещере. Взяв в руки конец шнура и отойдя от ракеты на двести сорок шагов, он подал по радиотелефону команду включить прибор невесомости. Фуксия тотчас включила прибор. Потеряв вес, ракета медленно отделилась от поверхности Луны и поднялась вверх.

Как известно, все предметы, теряя вес, обычно поднимаются вверх (если они, конечно, не закреплены). Ведь, находясь под действием силы тяжести, каждый предмет как бы сжимается или сплющивается хотя бы на самую ничтожную величину. Но как только предмет теряет вес, он разжимается, выпрямляется, в результате чего отталкивается, как пружина, от поверхности, на которой до этого неподвижно стоял.

Заметив, что ракета поднялась на достаточную высоту, Знайка потихонечку потянул за шнур и не спеша зашагал по лунной дорожке. Ракета приняла горизонтальное положение и послушно поплыла над поверхностью Луны. Правда, по временам она опускалась, но, едва коснувшись поверхности Луны, отталкивалась от нее и снова поднималась вверх.

Коротышки, сидевшие внутри ракеты, смотрели в иллюминаторы. Все радовались, видя, как Знайка, совершенно без каких бы то ни было усилий, тащит огромную ракету на привязи.

Все же радость их была преждевременна. Знайка уже был недалеко от пещеры и считал свою задачу выполненной, но в это время ракета снова опустилась вниз. На этот раз Знайка увидел, что она не оттолкнулась от

поверхности Луны, и почувствовал, что ему стало трудно ее тащить, а через несколько шагов он и вовсе не мог сдвинуть ее с места. Убедившись, что усилия его напрасны, Знайка решил, что коротышки, оставшиеся в ракете, задумали над ним подшутить, и закричал сердито:

— Эй! Что это там за шуточки? Вы зачем выключили прибор невесомости?

— Прибор включен. Никто и не думал шутить, — ответила по радиотелефону Фуксия.

— Вот я сейчас посмотрю сам.

Знайка быстро вернулся в ракету и принялся проверять прибор невесомости, но сколько он ни включал его, сколько ни выключал, невесомость не появлялась.

— Что ж тут случилось? — растерянно бормотал Знайка. — Одно из двух: либо энергия, выделяемая лунитом, иссякла...

— Либо что? — с нетерпением спросил Звездочкин.

— Либо что? Либо что? — затвердили толпившиеся вокруг коротышки.

Вместо ответа Знайка схватил прибор и, выбравшись из ракеты, пустился бежать обратно, то есть в том направлении, где стояла ракета прежде.

— Держите его! Он, должно быть, от огорчения с ума сошел! — закричала Селедочка.

Инженер Клепка, а за ним Звездочкин выскочили из ракеты и погна-ли за Знайкой.

Отбежав от ракеты шагов на сто, Знайка остановился и включил прибор невесомости. Он сейчас же почувствовал, что невесомость возникла, и в тот же момент заметил, как бежавшие к нему Клепка и Звездочкин отделились от поверхности Луны и взмыли кверху. Увидев этот фантастический прыжок, Знайка тотчас же выключил невесомость, в результате чего Клепка и Звездочкин снова приобрели вес и, полетев вниз, растянулись на поверхности Луны. Случись это на Земле, они, без сомнения, искалечились бы, но так как здесь сила тяжести была меньше, они, как говорится, отделались лишь легким испугом.

Увидев, что Клепка и Звездочкин как ни в чем не бывало вскочили на ноги, Знайка пустился в обратный путь. Все коротышки вылезли из ракеты и ждали, что он им скажет. Но Знайка ничего не сказал. Промчавшись мимо ракеты, он подбежал к пирамидальной горе и включил прибор невесомости. На этот раз невесомость не наступила.

— Ну что, Знайка? — стали спрашивать коротышки, подбегая к нему. — Как ты объяснишь это?

— Что же тут объяснять? — развел Знайка руками. — Вы сами видели, что вон там, вдаль, невесомость возникла. Значит, энергия лунита не иссякла. Здесь же, поблизости от горы, невесомость не возникает. Не значит ли это, что где-то вблизи находится вещество, которое поглощает энергию, выделяемую лунитом, и не допускает возникновения невесомости.

Не дослушав до конца Знайку, профессор Звездочкин подскочил к нему и принялся обнимать.

— Это без сомнения так и есть, мой дорогой друг! — закричал он. — Вы, мой друг, великий ученый! Вам принадлежит честь открытия не только лунита, но и антилунита: так я предлагаю назвать это новое вещество.

— Вещество это, однако, еще не открыто, — возразил Знайка.

— Открыто, мой дорогой, открыто! — закричал Звездочкин. — Вы открыли антилунит, так сказать, теоретически. Нам остается только практически доказать его существование. Так ведь делались многие открытия в науке. Теория всегда освещает путь практике. Без этого она ничего не стоила бы!

— Где же может находиться этот антилунит? — спросил Кубик. — Где нам искать его?

— Он может залегать где-нибудь под нами, в недрах Луны или в недрах этой горы. Недаром невесомость исчезает поблизости от горы, — сказал Знайка.

— Так его надо искать! — закричал Клепка. — Надо поскорей брать лопаты и начинать копать. Что же мы тут стоим?

— К сожалению, я должна охладить ваш пыл, — сказала Селедочка. — Что за спешка, скажите, пожалуйста? Для чего это вам понадобилось вдруг копать?

— Ну, для того, чтоб найти антилунит, разумеется, — сказал Клепка.

— Для чего же антилунит?

— Как «для чего»? Чтоб уничтожать невесомость.

— Нам, дорогой, надо не уничтожать невесомость, а наоборот — создавать ее, — сказала Селедочка. — Без невесомости мы не сможем сдвинуть с места ракету, а следовательно, не сможем и полететь на поиски Незнайки и Пончика.

— С Незнайкой и Пончиком придется повременить, — ответил профессор Звездочкин. — Хотя мы сейчас и не знаем, какая от антилунита будет для всех нас польза, но мы должны отыскать это удивительное вещество. Мы должны действовать прежде всего в интересах науки. Наука требует жертв.

— Каких это жертв? — вмешалась в разговор Фуксия. — По-вашему, мы должны принести Незнайку в жертву науке?.. Не будет этого! Мы сначала отправимся на поиски наших пропавших друзей, а потом можете искать ваш антилунит.

— Смотрите на нее! — закричал Звездочкин, показывая пальцем на Фуксию. — Антилунит такой же наш, как и ваш. Так говорить некультурно!

— Некультурно показывать на других пальцем! — сказала Селедочка.

Неизвестно, до чего бы дошел этот спор, если бы в него не вмешался доктор Пилюлькин.

— Друзья! — сказал он. — Время обеда прошло, если не считать, что мы пропустили также и время ужина. Я заявляю категорический протест против такого нарушения правил. На Луне, как и на Земле, необходимо соблюдать строгий режим, так как нерегулярное питание и несвоевременный отдых ведут ко всяческим заболеваниям, что особенно нежелательно в условиях космоса. Пора кончать с безалаберностью, беспечностью, расхлябанностью и бездумьем! Сейчас все без разговоров отправятся ужинать, а затем спать. Это сказал вам я, доктор Пилюлькин, а раз сказал я, значит, так и будет, как я сказал!

— Правильно! — подхватил Знайка. — Прекратить сейчас же всячес-

кие разговоры! На Луне дисциплина прежде всего! Попрошу всех построиться в одну шеренгу. Ну-ка, быстренько! Быстренько! И ты, Пилюлькин, становись тоже... Так! Все на месте? А теперь шагом марш в ракету для принятия пищи!

Глава тридцатая **БОРЬБА НАЧИНАЕТСЯ**

Так закончился первый день, который Знайка и его друзья провели на Луне. Каждый читатель, наверно, догадывается, что под словом «день» следует понимать вовсе не лунный день, который, как установила наука, длится на поверхности Луны около четырнадцати земных суток, а обычный земной день, который длится лишь около полусуток.

После того как космонавты поужинали, они покинули ракету ФИС и в организованном порядке перешли в ракету НИП. Доктор Пилюлькин сказал, что в ракете НИП условия для проживания лучше, поскольку там каждый может лечь спать в отдельной каюте, в то время как на ракете ФИС все принуждены ютиться в одной двенадцатиместной кабине. Правда, самому доктору Пилюлькину было удобнее следить за всяческими нарушениями режима, когда все помещались в одной кабине, но ради общего блага он решил поступиться личными удобствами.

— Имейте, однако, в виду, — пригрозил он, — я все равно буду время от времени просыпаться и делать ночной обход. Никакие нарушения режима не ускользнут от моего внимания, так вы и знайте! Это сказал вам я, доктор Пилюлькин, а доктор Пилюлькин, как уже всем известно, бросать слова на ветер не любит!

Сделав такое предупреждение, доктор Пилюлькин забрался в свою каюту и заснул так крепко, что за все восемь часов, отведенных для сна, не проснулся ни разу.

Услыхав богатырский храп, который доносился из каюты Пилюлькина, все коротышки вылезли из своих постелей и каждый занялся каким-нибудь делом. Тюбик принялся рисовать лунные пейзажи. Ему давно уже не терпелось сбросить скафандр и поскорей запечатлеть в красках все, что посчастливилось увидеть на Луне.

Гусля взял флейту и начал насвистывать какие-то странные мелодии, которые теснились у него в голове. Чувствуя, что мелодии эти как бы ускользают от него и не даются в руки, он схватил лист бумаги, написал сверху: «Космическая симфония» — и стал покрывать бумагу нотными знаками. Посвищет, посвищет на флейте и начинает писать, потом снова посвищет — и опять писать. Здорово бы ему досталось, если бы Пилюлькин проснулся и услышал все эти мелодии.

Кубик недолго думая начал создавать архитектурный проект оборудования под жилье лунной пещеры. По этому проекту вход в пещеру закладывался воздухо непроницаемой стенкой, в которой делалась герметически закрывающаяся дверь и шлюзовое устройство, после чего пещера заполнялась воздухом. Стены и потолок пещеры облицовывались гранитом или каким-нибудь другим красивым камнем. Неподалеку от пещеры на лунной поверхности устанавливались солнечные батареи, вырабатывавшие электроэнергию, необходимую для освещения и отопления помещения. Внутренность пещеры постепенно переоборудовалась: появлялись комнаты, коридоры, залы, подвалы, лифты, телефонные будки, закрома, склады, фотолаборатории, научно-исследовательские институты и даже подлунная железная дорога для связи с другими пещерами. Проект быстро обрастал все новыми и новыми деталями.

Винтик и Шпунтик принялись думать, как доставить в пещеру ракету и запустить ее внутрь Луны. В результате долгих обдумываний и они додумались приделать к ракете хвост и колеса, чтоб она могла свободно кататься по Луне на манер реактивного роликового труболета. Единственное, до чего они не смогли додуматься, — это где взять на Луне колеса.

Инженер Клепка, который выбился из последних сил, прыгая по Луне в скафандре, никаких проектов создавать не стал, а вместо этого решил выяснить, какие выгоды получает обыкновенный земной коротышка, попав на Луну, и какие испытывает неудобства. Продумав все как следует и сделав точный подсчет, Клепка пришел к выводу, что, попадая на Луну, космонавт получает двадцать четыре выгоды, взамен которых испытывает двести пятьдесят шесть различнейших неудобств.

Знайка и профессор Звездочкин решали в это время другую задачу, а именно: какие свойства должен иметь вновь открытый антилунит. Исходя из того, что это вещество, по-видимому, обладает свойствами, противоположными тем, которыми обладает лунит, они пришли к выводу, что антилунит скорее прозрачный, нежели непрозрачный, скорее фиолетовый или синеватый, нежели желтоватый, зеленоватый или серо-буромалиновый; теплопроводность его скорее плохая, нежели хорошая, электропроводность же скорее хорошая, чем плохая. Удельный вес его скорее небольшой, чем большой, температура плавления скорее низкая, чем высокая, залегает он в недрах Луны скорее неглубоко, нежели глубоко. Из минералов, которые могут сопутствовать антилуниту, скорее всего можно назвать лунит, так как залежи чистого лунита, взаимодействуя с космическими магнитными силами, могли бы создавать состояние невесомости, что нарушало бы стабильность верхних слоев Луны, чего в действительности скорее не наблюдается, нежели наблюдается.

Как Фуксию, так и Селедочку больше всего занимал вопрос, что надо

сделать, чтобы прибор невесомости начал работать в новых условиях. Обсудив всесторонне этот вопрос, они пришли к выводу, что победить силы противодействия антилунита можно лишь путем увеличения размеров прибора невесомости, а для этого необходимо отыскать достаточно большой кристалл лунита и взять достаточно сильный магнит.

На другой день Знайке и его друзьям удалось раскопать в глубине лунной пещеры мощные залежи лунита. Условия залегания, как и предполагал профессор Звездочкин, говорили о том, что в верхних слоях Луны этот минерал вовсе не редкость. Выбрав наиболее крупный кристалл лунита и взяв один из наиболее сильных магнитов, которые были доставлены на Луну в ракете, коротышки попытались сконструировать новый прибор невесомости, не выходя из пещеры. Как и ожидали Фуксия и Селедочка, невесомость возникла, как только кристалл и магнит были сближены на достаточное расстояние.

Коротышки, присутствовавшие при этом опыте, в тот же момент отделились от дна пещеры и поднялись кверху. Плавая под потолком пещеры в самых разнообразных позах, они всячески старались спуститься вниз, но попытки их были малоуспешны. Находясь в громоздких скафандрах, они не могли точно рассчитать свои телодвижения и использовать реактивные силы для перемещения в пространстве.

Общее недоумение вызвал тот факт, что сам Знайка, а также профессор Звездочкин в силу каких-то причин не подверглись действию невесомости и как ни в чем не бывало продолжали работать внизу. Они переносили прибор невесомости с места на место, отходили от него в дальние уголки пещеры, проверяя при помощи пружинных весов изменение силы тяжести в разных местах.

Все спрашивали Знайку и Звездочкина, почему на них не действует невесомость, но Знайка и Звездочкин только посмеивались втихомолку и делали вид, что не слышат вопросов. Натешившись вдоволь, они признались, что нашли антилунит, который и позволяет им сохранить вес.

Выключив прибор невесомости, в результате чего все коротышки моментально опустились вниз, Знайка вытряхнул из своего рюкзака несколько мелких камней. Все с интересом принялись разглядывать их. Камни были твердые, плотные, по виду напоминавшие кремнь, но в отличие от кремня они были не темно-серого, а яркого фиолетового цвета и к тому же обладали какой-то энергией, в силу которой притягивались друг к другу, подобно тому, как притягиваются намагниченные предметы или кусочки намагниченного железа.

Знайка сказал, что им стоило большого труда отколоть эти камешки от огромнейшей глыбы, найденной в глубине пещеры, так как антилунит чрезвычайно твердое вещество.

— Чем же объясняется действие антилунита? Почему он позволяет сохранять вес? — стали спрашивать коротышки.

— Надо думать, что энергия, выделяемая антилунитом, создает в условиях невесомости зону, на которую действие невесомости не распространяется, — сказал Знайка. — Достаточно вам иметь при себе небольшой кусочек антилунита, чтобы вокруг образовалась такая зона, и невесомость уже будет для вас не страшна. Вот смотрите. Сейчас мы с вами проделаем опыт.

Знайка роздал коротышкам кусочки антилунита и включил прибор невесомости. Все коротышки остались на месте, так как никто не ощутил действия невесомости, и только один Знайка, у которого не осталось ни одного камешка, беспомощно повис в безвоздушном пространстве пещеры.

— Вот видите! — закричал Знайка. — Каждый из вас защищен от действия невесомости антилунитом. Но если я приближусь к кому-нибудь из вас, то тоже, по всей вероятности, окажусь в зоне весомости и буду ощущать тяжесть.

Точно рассчитав движения, Знайка взмахнул руками и подлетел к стоявшему неподалеку Пилюлькину. Очутившись рядом с ним, он сразу почувствовал, как сила тяжести словно потянула его за ноги вниз.

— Смотрите! — закричал он. — Теперь я, как и все вы, твердо стою на ногах. Но если я попытаюсь отойти от Пилюлькина...

Знайка сделал шаг в сторону и, выйдя из зоны весомости, которая окружала Пилюлькина, сразу же полетел под потолок пещеры.

Остаток дня Знайка и его друзья употребили на то, чтобы обеспечить себя запасами лунита и антилунита. Часть этих запасов они оставили в пещере, другую часть погрузили в ракету ФИС. В ракету ФИС перенесли также и хранившиеся в ракете НИП семена растений.

На следующее утро был назначен запуск ракеты ФИС внутрь Луны. Теперь это нетрудно было сделать. Установив на борту ракеты прибор невесомости и защитив себя от действия невесомости антилунитом, космонавты легко доставили ракету в сосульчатый грот, а оттуда в уходящий в глубь Луны ледяной тоннель. Там ракета была установлена на наклонном ледяном полу тоннеля. Каждый занял свое место в ракете, и спуск начался.

Первое, что сделал Знайка, это включил основной прожектор, имевшийся в головной части ракеты, после чего выключил прибор невесомости. Под влиянием собственного веса ракета заскользила вниз по ледяному полу тоннеля, освещая впереди путь. Не дожидаясь, когда ракета разовьет слишком большую скорость, Знайка снова включил невесомость. Потеряв вес, ракета по инерции продолжала двигаться вниз. Соприкасаясь с ледяными стенами тоннеля и испытывая трение, она по-

степенно замедляла движение, и тогда Знайка опять выключал невесомость. Под действием возникшей силы тяжести ракета снова убыстряла свой ход.

Постепенно наклон тоннеля становился все круче. Скоро ракета уже не скользила, а словно летела в пропасть, уходя все дальше в глубину оболочки Луны. Наконец лунная оболочка кончилась. Ракета вышла из пропасти и очутилась на просторе. Знайка взглянул на часы и записал в бортовой журнал время выхода из тоннеля с точностью до секунды, после чего выключил прожектор. Вокруг и без того стало светло. Внизу все было закрыто сплошными облаками, пройдя которые космонавты увидели землю, покрытую зеленеющими равнинами и холмами, перерезанными в разных направлениях прямыми дорогами и тянувшейся от края и до края извилистой лентой реки.

Стекляшкин, который тотчас же прикинул глазом к своему телескопу, объявил, что видит на горизонте город. Это, однако, был не город Давилон, в который попал Незнайка, а другой лунный город — Фантомас.

Хотя Знайка с друзьями проник внутрь Луны сквозь то же отверстие, что и Незнайка с Пончиком, но, поскольку внутреннее ядро Луны непрерывно вертелось, все они оказались над его поверхностью в разных местах.

Включив механизм поворота, Знайка перевел ракету в горизонтальное положение, после чего включил основной двигатель и взял курс на видневшийся вдали город.

Через несколько минут ракета уже описывала круги над Фантомасом. Знайка, который ни на секунду не отходил от пульта управления, время от времени поглядывал в большой призматический бинокль, в который видел не только дома, но и автомобили, трамваи, автобусы и даже отдельных пешеходов. Правда, все они казались чрезвычайно крошечными: каждый коротышка с маковое зернышко. У Знайки, однако, было очень острое зрение, и он сумел разглядеть с высоты, как эти крошки выбегали из домов, задирали кверху свои головенки и приветливо махали ручонками.

— Они видят ракету! — радостно закричал Знайка. — Они приветствуют нас!

Скоро высыпавшие из домов коротышки заполнили все тротуары и мостовые. Теперь уже трудно было что-нибудь разглядеть в общей массе, и Знайке казалось, будто вся улица волнуется, клокочет или кипит.

— Я не могу разобрать, что они там делают! — закричал он, не отрываясь от бинокля.

— Похоже, что они дерутся! — ответил Стекляшкин.

В свой телескоп, который давал значительно большее увеличение, Стекляшкин видел, как на улицах появились отряды полицейских в блес-

тящих металлических касках. Они теснили толпящихся на мостовых корытешек и, колотя их дубинками, загоняли обратно в дома.

— Да, да! — подтвердил Стекляшкин взволнованно. — Похоже, что одни из них колотят других!

Знайка повел корабль на снижение, и Стекляшкин увидел на крышах домов полицейских, вооруженных винтовками. Сначала он подумал, что у них в руках просто палки, но вскоре заметил, что из этих «палок» как бы вырываются огоньки вспышек с белыми облачками дыма.

— Это у них ружья! — закричал, догадавшись, он. — Они в кого-то стреляют!

— «В кого-то!» — иронически усмехнулся Знайка. — Да они в нас палят!

В это время одному полицейскому удалось попасть в ракету.

Послышался звонкий удар. Ракета вздрогнула и, потеряв управление, начала переворачиваться в воздухе. Пуля не смогла пробить прочную стальную оболочку, но, поскольку ракета находилась в состоянии неустойчивости, толчок, произведенный пулей, был для нее особенно ощутим. От внезапного изменения курса космонавты попадали со своих мест. Произошло замешательство.

Знайка очнулся первым и, подскочив к пульту управления, включил механизм поворота. Ему быстро удалось остановить вращательное движение ракеты и стабилизировать ее полет. Убедившись, что стрельба внизу продолжается, он немедленно увеличил скорость и вывел ракету из-под обстрела.

Для лунных астрономов появление космического корабля над городом Фантомасом не было неожиданностью. В свое время они точно засекли место, в котором прилунилась ракета. С тех пор несколько десятков гравитонных телескопов, разбросанных в различных лунных городах, следили за этой точкой лунного небосвода. Как только господин Спрутс узнал, что космический корабль прилунился, он тотчас отдал приказ усилить отряды полиции в тех городах, вблизи которых можно было ожидать появления космонавтов. В результате принятых мер фантомасская полиция, как говорится, не ударила в грязь лицом и была поднята на ноги в тот же момент, когда космический корабль появился над Фантомасом. Оставив позади город, Знайка принялся подыскивать удобное для посадки место. Сверху ему были видны небольшие квадратики обработанных полей, крошечные избышки сельских жителей, утопавшие в зелени садов. Дальше космический корабль полетел над лесом. Скоро лес кончился, Знайка обнаружил на опушке, среди холмов, очень удобную для посадки полянку.

— Вот удобное для посадки место, — сказал он. — Здесь никто не живет, и мы никому не нанесем ущерба.

Сделав круг над поляной и погасив скорость при помощи тормозного двигателя, Знаяк повернул ракету хвостом вниз и начал спуск. Как только космический корабль встретился с твердой почвой, Знаяк выключил прибор невесомости. Ракета оперлась хвостовой частью о почву и остановилась в вертикальном положении.

Посадка была произведена удачно.

Космонавты один за другим вышли из кабины и, взявшись за руки, трижды прокричали «ура». Так приятно было после долгого перерыва снова очутиться на свежем воздухе, без скафандров. Ноги путешественников утопали в зеленой травке, среди которой пестрели цветочки. Путешественников изумило, что и трава и цветочки были удивительно крошечные, низкорослые, совсем не такие, к каким они привыкли у себя на далекой Земле. Для того чтоб разглядеть цветочек, надо было пригнуться или присесть на корточки. Это очень смешило всех.

Оглядевшись по сторонам, коротышки заметили, что и деревья в лесу были исключительно мелкие. Каждое дерево не больше веника. Кроме своих ничтожных размеров, эти деревья ничем не отличались от наших земных, но это и было самое удивительное. Представьте себе лунный дуб. Он такой же раскидистый, как и наш, с таким же растрескавшимся, морщинистым стволом, с такими же узловатыми веточками, с такими же по форме листочками, но очень крошечными; такие же крошки желуды растут на нем. Вообразите, что такой дубочек растет у вас в комнате на окне в цветочном горшке вместо комнатного цветка, и вы поймете, что представляет собой самый простой лунный дуб. Такие же миниатюрные были в лунном лесу и березки, и сосны, и плакучие ивы, и другие деревья.

Конечно, для коротышек, которые сами были ростом с палец, и такие деревья должны были казаться большими, но, поскольку у себя на Земле они привыкли к настоящим большим деревьям, эти лунные деревца показались им хотя и очень милыми, но смешными. Все с громким смехом бегали по лесу и кричали:

— Смотрите, смотрите, береза!

— А вот сосна! Смотрите, сосна! А иголки на ней! Умора! Ха-ха-ха!

Винтик нашел под лунной осинкой крошечный грибочек-красноголовец. Он долго глядел на свою находку, не понимая, что у него в руках, наконец догадался и принялся хохотать.

— Братцы, гриб! — закричал он. — Вот так гриб! Не завидую я этим лунатикам, если у них тут такие грибы.

Знаяк сказал:

— Знаете, братцы, если все растения на Луне такие вот мелкие, то семена, которые мы привезли с Земли, окажутся для лунатиков очень ценным приобретением.

— Еще бы! — подхватил доктор Пилюлькин. — Они должны сказать нам за них спасибо.

— Пока они не говорят нам спасибо, а палят в нас из ружей! — проворчал Шпунтик.

— Ничего, мы объясним им, и они не будут палить, — сказала Селедочка.

После обеда Знайка велел вбить вокруг ракеты несколько кольев и привязать к ним ракету.

— Местность для нас совершенно незнакомая, — сказал он. — Возможно, здесь бывают сильные ветры. Они могут повалить ракету.

— Здесь, по всей видимости, не может быть сильных ветров, — возразил Клепка. — Со всех сторон нас защищают от ветра холмы. Мы находимся между холмами, как бы во впадине.

— Предосторожность все же не помешает, — ответил Знайка. — Может быть, здесь бывают землетрясения или, вернее сказать, лунотрясения.

Как только его распоряжение было выполнено, он велел установить неподалеку от ракеты сейсмограф для регистрации лунотрясений, гравитометр для измерения силы тяжести, магнитометр для измерения магнитных сил, термогигрометр, регистрирующий температуру и влажность воздуха, крыльчатый анемометр для измерения скорости и направления ветра, а также фотометр, барометр, дождемер и другие метеорологические приборы.

Срубив несколько деревьев, коротышки устроили подставки для всех приборов, а для крыльчатого анемометра соорудили вышку. Работы были в полном разгаре, и доктор Пилюлькин уже собирался вытащить свой микроскоп, чтобы начать изучение микромира Луны с целью обнаружения болезнетворных микробов, но тут Тюбик заметил на вершине одного из холмов отряд коротышек в синих мундирах и медных блестящих касках на головах. Позади отряда ехал открытый автомобиль с установленной на нем огромной телевизионной камерой, возле которой стоял телеоператор.

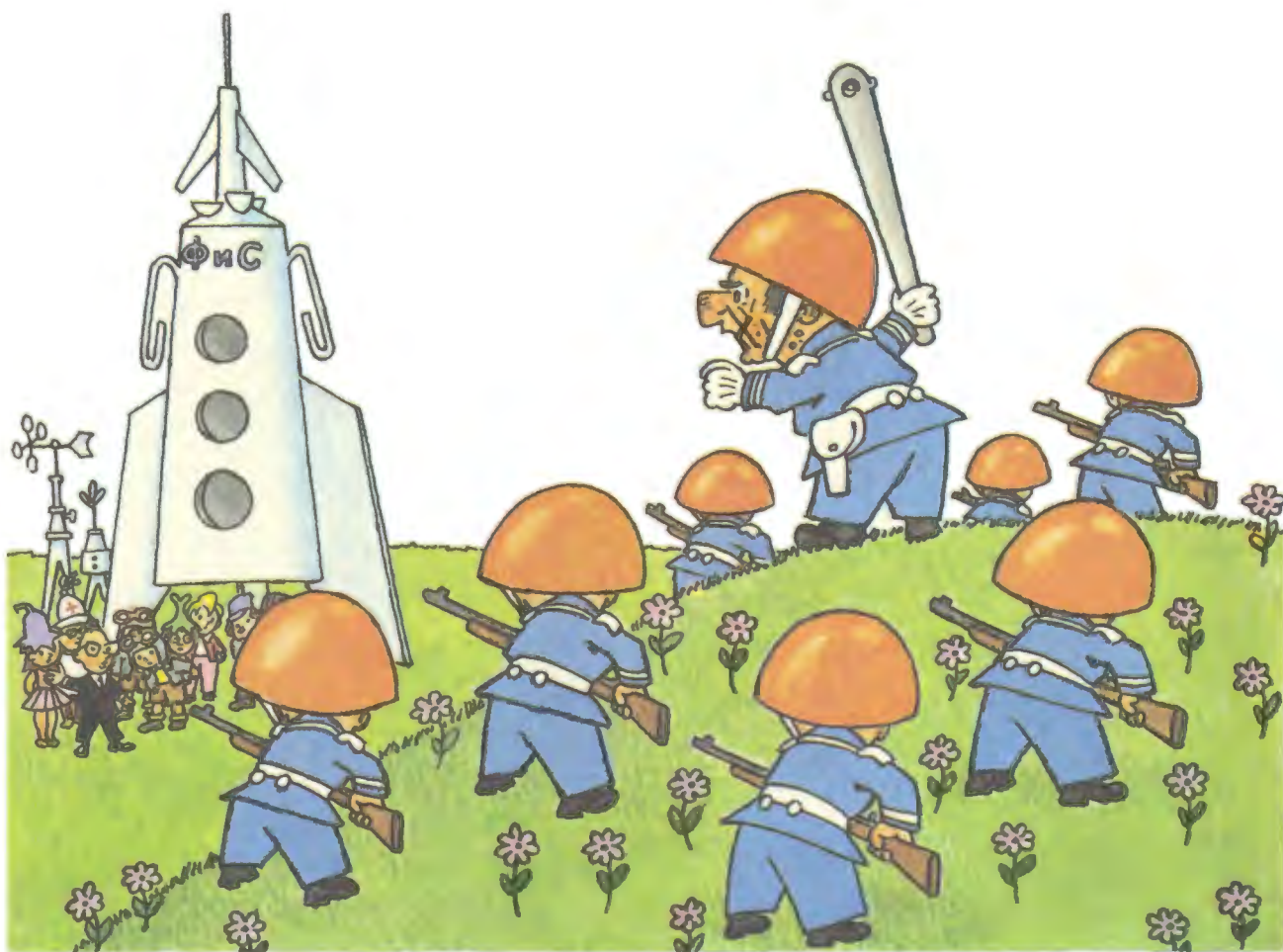
— Эва — лунатики! — закричал Тюбик, показывая рукой в сторону появившихся полицейских.

— Глядите-ка, лунатики уже выследили нас! — удивился Знайка. — Ну что ж, это даже, пожалуй, к лучшему. Теперь мы можем поговорить с ними и попытаться узнать что-нибудь о Незнайке с Пончиком.

В это время командир полицейского отряда Ригль приложил ко рту руки рупором и закричал издали:

— Эй! Вам какого лешего надо здесь? Убирайтесь отсюда к лешему, и никаких разговоров!

— Нам надо найти Незнайку и Пончика! — закричал в ответ Знайка.

— Нет у нас ваших дурацких Незнайки и Пончика! — закричал Ригль.

— Помогите нам разыскать Незнайку и Пончика, а мы вам дадим семена наших земных растений, — предложил Знайка.

— Летите вы с вашими дурацкими семенами подальше отсюда! — заорал Ригль во все горло.

— Без Незнайки и Пончика мы никуда не улетим! — отвечал Знайка.

— Если вы сейчас же не уберетесь отсюда с вашей дурацкой ракетой, я прикажу стрелять! — завизжал, выходя из себя, Ригль. — Ну-ка, считаю до трех! Убирайтесь отсюда — раз!.. Убирайтесь отсюда — два!..

Заметив, что полицейские взяли на изготовку ружья, Знайка командовал коротышкам:

— Все быстро в ракету! Фуксия и Селедочка, вперед!

Пропустив вперед Фуксию и Селедочку, коротышки один за другим полезли в ракету.

— ...Убирайтесь отсюда — три! — закричал между тем Ригль и взмахнул дубинкой.

Послышались выстрелы. Вокруг засвистали пули. Клепка, обычно оказывавшийся впереди всех, но на этот раз оказавшийся позади, почувствовал вдруг, как что-то обожгло ему руку чуть повыше локтя. Знайка, который решил сесть в ракету последним, увидел, как лицо Клепки искажилось от боли, а на белом рукаве рубашки появилось красное расплывающееся пятно крови. Схватив Клепку в охапку, Знайка втащил его в кабину и, не теряя ни секунды, захлопнул за собой дверь.

Доктор Пилюлькин увидел, что Клепка ранен, и бросился к нему со своей походной аптечкой. Осмотрев рану и установив, что пуля прошла навылет, не задев кость, Пилюлькин быстро остановил кровотечение и наложил на рану повязку. Клепка терпеливо переносил боль.

Услышав, что пули так и барабанят по стальной оболочке ракеты, Знайка посмотрел в иллюминатор. Полицейские продолжали беспорядочную стрельбу.

Убедившись, что пули не причиняют ракете вреда, Ригль снова взмахнул дубинкой и закричал:

— Вперед!

Не прекращая пальбы из ружей, полицейские побежали вперед. Подбежав к ракете, они с яростью набросились на установленные вокруг приборы и принялись уничтожать их: разбили барометр, разломали сейсмограф, изрешетили пулями дождемер, наконец полезли на вышку, чтоб разбить анемометр.

— Это что же за варварство такое! — вскипел от негодования Знайка. — Ну, подождите-ка, я покажу вам!

С этими словами он включил прибор невесомости. Полицейские, которые не ожидали никакого подвоха, в ту же секунду почувствовали, что почва ушла из-под их ног. Не в силах понять, что происходит, они беспомощно кувыркались в воздухе, безалаберно размахивая руками, брыкаясь ногами и вихляясь всем телом. Никакого толку от этих движений, конечно, не было. Сталкиваясь друг с другом, они разлетались в стороны, взвивались кверху, падали вниз, но, оттолкнувшись от земли, тут же подсакивали, словно резиновые мячи, кверху.

Автомобиль, на котором приехал телеоператор, тоже поднялся вверх. Телеоператор вылетел из него и кувыркался в воздухе, уцепившись руками за свою телекамеру.

Как раз в этот момент на помощь первому отряду прибыл второй отряд полицейских. Они мчались на четырех грузовых автомашинах, на каждой машине по двадцать пять полицейских. Как только грузовики попали в зону невесомости, они отделились от земли и поплыли по воздуху, перевертываясь кверху колесами. Полицейские, крича от страха, цеплялись за борта машин. Одни боялись, как бы не вывалиться из летящей вверх тормашками машины, другие, наоборот, сами спешили вы-

скачуть и беспомощно барахтались в воздухе. Никто не понимал, что творится. Всех обуял ужас.

— Теперь эти противные лунатики достаточно напуганы, и, я думаю, можно выключить невесомость, — сказала Селедочка.

— Думаю, что это небезопасно, — ответил Знайка. — Если выключить невесомость, то лунатики опустятся вниз, а на них сверху упадут автомашины и могут кого-нибудь пришибить. Лучше подождем. Постепенно все они вылетят из зоны невесомости и так или иначе опустятся вниз.

Все получилось, как сказал Знайка. Поднявшийся ветер постепенно гнал кувыркавшихся в воздухе полицейских в сторону, и скоро все они вместе со своими автомашинами скрылись за лесом.

Глава тридцать первая

КОЛОСОК ПОЛУЧАЕТ СЕМЕНА ГИГАНТСКИХ РАСТЕНИЙ

Нападение полицейских было отбито, и космонавты наконец получили возможность вздохнуть спокойно. Скоро наступил вечер, а за ним ночь. Знайка и его друзья легли спать, не покидая ракеты. Для безопасности коротышки решили не выключать на ночь прибор невесомости. Это не помешало им хорошо выспаться, так как все были защищены от действия невесомости антилунитом.

Утром, как только все встали и позавтракали, было созвано экстренное совещание.

Знайка сказал:

— Дорогие друзья! От нас сейчас требуется величайшая осторожность. Здешнее население почему-то встретило нас враждебно. Я полагаю, что это результат идиотской деятельности Незнайки и Пончика (особенно, конечно, Незнайки), которые попали сюда раньше нас и, безусловно, успели зарекомендовать себя с самой плохой стороны. Думаю, что нам следует остаться пока здесь и не предпринимать дальнейших полетов, так как это может лишь разозлить лунатиков. Сейчас мы с вами приступим к строительству первого Космического городка на Луне. Мы построим для себя жилища, сделаем ангар для ракеты, посадим земные растения, чтоб обеспечить наш отряд запасами продовольствия на будущее, так как неизвестно, сколько нам понадобится здесь пробыть. Когда здешние жители увидят, что мы не делаем никому зла, они начнут относиться к нам более дружелюбно, и мы сможем узнать у них все о Незнайке с Пончиком и об их местонахождении.

Предложение Знайки было одобрено, и коротышки под руководством архитектора Кубика приступили к строительству. Винтик и Шпун-

тик тотчас же принялись собирать универсальный комбинированный колесно-гусеничный мотоцикл-вездеход, который хранился в разобранном виде в специальном отсеке ракеты. Этот вездеход годился не только для езды, но и для многих других надобностей. В нем имелись бак для кипячения воды, бур для сверления скважин, стиральная машина, плуг для вспашки земли, центробежный насос с разбрызгивателем для полива растений, аппарат для очистки и кондиционирования воздуха, динамо-машина для выработки электроэнергии, коротковолновая радиостанция, канавокопатель и пылесос. Помимо всего прочего, переднее колесо вездехода снималось и заменялось циркулярной пилой, при помощи которой можно было валить деревья, очищать их от веток, распиливать на бревна и делать доски.

Как только Винтик и Шпунтик очутились в лесу со своим вездеходом, на строительную площадку непрерывным потоком начали поступать бревна, брусья, доски, планки, рейки, штакетник и другие пиломатериалы. Нечего, конечно, и говорить, что вся работа на строительстве велась в условиях невесомости, что очень облегчало труд коротышек и ускоряло работу.

Увидев, что Винтик и Шпунтик завалили пиломатериалами чуть ли не всю стройплощадку, Знайка велел им прекратить пока это дело и заняться починкой испорченных лунатиками приборов. Сам Знайка вместе с Фуксией и Селедочкой были заняты исследованием свойств лунита и антилунита. Заменяя в приборе невесомости кристаллы лунита, они обнаружили, что величина зоны невесомости находится в прямой зависимости от величины кристалла: чем больше был кристалл, тем больше была и зона. Поместив кристалл лунита между полюсами подковообразного магнита, Фуксия обнаружила, что зона невесомости перестала распространяться во все стороны, а распространяется лишь в одном направлении, на манер светового луча.

Это было значительное научное открытие, и Знайка сказал, что в дальнейшем можно будет делать приборы направленной невесомости и передавать невесомость на расстояние.

Проделав ряд опытов с кристаллами антилунита, наши исследователи обнаружили, что в этом случае размеры кристаллов не оказывали заметного влияния на способность антилунита устранять невесомость. Независимо от того, брался ли крупный кристалл или совсем маленький, он с одинаковым успехом помогал коротышке сохранить тяжесть. Селедочка объяснила это тем, что энергия, выделяемая антилунитом, обладает большой мощностью, но ее действие ограничивается небольшим пространством, или, выражаясь научно, проявляется лишь на коротких дистанциях.

Увлечшись своими экспериментами, Знайка, Фуксия и Селедочка не

заметили появившегося из-за холма лунатика, который быстро приближался к ним, размахивая какой-то бумажонкой в руке. Сбежав с холма и попав в зону невесомости, лунатик неожиданно для себя взвился кверху и дико закричал от испуга.

Знайка, Фуксия и Селедочка оглянулись на крик и увидели нелепо трепыхавшегося в воздухе коротышку.

— Старайтесь не делать лишних движений! — закричал ему Знайка. — Мы сейчас вам поможем!

Лунатик между тем летел по инерции в сторону стоявшей посреди поляны ракеты. Коротышки, занятые постройкой дома, увидели его.

— Я сейчас выключу невесомость, а вы поддержите его осторожненько, чтоб он не ушибся о землю! — закричал Знайка издали.

С этими словами Знайка выключил прибор невесомости. Лунатик тотчас полетел вниз, прямо на руки подоспевших к нему Тюбика и Пилюлькина. Увидев, что лунатик чуть дышит, Пилюлькин бережно посадил его на землю, прислонив спиной к столбику, на котором был укреплен барометр, и сунул под нос флакон с нашатырным спиртом. Нюхнув нашатырного спирта, коротышка поморщился. Лицо его несколько оживилось. Он уже хотел что-то сказать, но почувствовал, что язык не пови-

нуется ему, и молча протянул Пилюлькину акцию Общества гигантских растений, которую держал в руке. Коротышки мигом столпились вокруг и принялись разглядывать акцию с изображенными на ней огромными огурцами, арбузами и колосьями гигантской земной пшеницы. Пилюлькин перевернул акцию другой стороной, и все увидели изображение космического корабля и Незнайки в скафандре.

— Братцы, да ведь это наш Незнайка! — закричал Тюбик.

— Постойте, здесь что-то написано, — сказал Пилюлькин и начал читать то, что было напечатано с обратной стороны акции.

Тем временем лунатик окончательно пришел в себя. Он сообщил космонавтам, что его зовут Колосок и живет он в деревне Нееловке неподалеку отсюда, потом попросил, чтоб ему дали попить водички, и сказал:

— Когда-то я прочитал в газете, что к нам с далекой, чужой планеты прилетел космический корабль, груженный семенами гигантских растений. В статье говорилось, что каждому, кто купит акцию, дадут этих семян. Село наше бедное, но все же мы наскребли нужную сумму и купили акцию. Многие бедняки покупали тогда акции в складчину. Богачам, однако же, не понравилось, что бедняки скоро смогут выращивать гигантские растения и, покончив со своей бедностью, перестанут работать на богачей. В газетах стали писать, будто никаких гигантских растений на свете нет, и космического корабля никакого нет, будто все это придумали жулики, чтоб обобрать доверчивых бедняков. Все бросились продавать свои акции. Но некоторые бедняки верят и до сих пор, что гигантские семена есть, и не теряют надежды их получить.

Никто из коротышек не понял, что это за акции такие и как их можно покупать или же продавать. Но Знайка, который знал очень многое, сразу все понял. Поэтому он сказал:

— Бедняки правильно делают, что не теряют надежды. Мы на самом деле привезли семена.

Колосок засиял от радости.

— Когда я увидел в воздухе ракету, — сказал он, — я сразу подумал, что это космический корабль летит к нам с семенами.

Знайка велел коротышкам приготовить для Колоска разных семян, а сам стал расспрашивать, не слыхал ли он чего-нибудь о Незнайке с Пончиком.

— Как же, как же! — воскликнул Колосок. — О Незнайке я много слыхал. Сначала говорили, что он отважный герой, прилетевший из космоса. Его даже по телевидению показывали. И в кино. Говорили, что он привез нам семена гигантских растений. Говорили, что он очень хороший и ему хочется, чтобы все мы хорошо жили. Потом стали говорить, что он вовсе и не герой, и не хороший, и ниоткуда не прилетел, что он

просто мошенник, который придумал всю эту историю с семенами, чтоб облапошить бедняков и прибрать к рукам их денежки. В газетах стали писать, что его надо поймать, хорошенечко выдрать и засадить в кутузку.

— Ну и что же, поймали его? — спросил Знайка.

— Где там! — махнул Колосок рукой. — Он куда-то сбежал. Последнее время о нем ничего и не слышно. Может быть, богатеи все же упрятали его за решетку. Им ведь невыгодно, чтоб он гулял на свободе и всем рассказывал про гигантские семена. Недавно в газете писали, что об этих гигантских семенах не только говорить, но даже думать преступно, потому что у нас будто и без всяких семян хорошо живется. А кто думает о семенах, тот, следовательно, недоволен, и за это его надо в кутузку.

— А где у вас эта кутузка? — спросил Знайка.

— Да разве у нас одна кутузка! Их много. В каждом городе есть.

В это время коротышки принесли большой вещевой мешок, наполненный разными семенами. Знайка объяснил Колоску, как сажать земные семена и как ухаживать за всходами. Наконец Колосок приладил вещевой мешок за спину и собрался в обратный путь.

— Скажите коротышкам из других деревень, пусть тоже приходят за семенами к нам, — сказал на прощание Знайка.

Колосок ушел, напевая от радости.

Пилюлькин сказал:

— Теперь лунатики будут приходить к нам за семенами, а мы будем расспрашивать их о Незнайке и Пончике. Может быть, в конце концов удастся узнать, где их искать.

— Может случиться, что Незнайка и Пончик сами придут, — сказал Знайка. — Как только им станет известно, что прилетела ракета (а весть об этом быстро распространится), они поймут, что это мы прилетели на выручку.

— Они смогут прийти только в том случае, если находятся на свободе, — сказала Селедочка. — А что, если эти противные богачи на самом деле куда-нибудь засадили их?

— В таком случае придется им потерпеть, пока мы будем заняты поисками, — ответил Знайка.

Неожиданно в стороне послышались выстрелы. Коротышки обернулись и увидели Колоска, который бегом возвращался назад. В тот же миг из-за холма выскочили пятеро полицейских. Быстро спустившись вниз, они остановились, как по команде, и приложились к ружьям, готовясь выстрелить. Знайка увидел это и, ни секунды не медля, включил прибор невесомости. Раздался залп. Не подозревая, что могут оказаться в состоянии невесомости, полицейские выстрелили, и возникшая реактивная сила понесла их назад. В результате они помчались по воздуху с такой

страшной скоростью, что в одну секунду превратились в едва заметные точки и скрылись за горизонтом.

— Вперед будете знать, как стрелять в коротышек! — сердито проворчал Знайка.

Увидев, что Колосок снова беспомощно затрепыхался в воздухе, Знайка поспешил выключить невесомость. Колосок тотчас же опустился вниз и, оправившись от испуга, принялся на чем свет стоит ругать полицейских, называя их головорезами, пиратами, бандитами, угорелыми паразитами и скотами.

— Не успел я дойти по дороге до леса, как полицейские выскочили из-за кустов, — рассказывал он. — Хорошо, что я вовремя за приметил их и бросился удирать, а то быть бы мне в каталажке!

— А кто такие эти полицейские? — спросила Селедочка.

— Бандиты! — с раздражением сказал Колосок. — Честное слово, бандиты! По-настоящему, обязанность полицейских — защищать население от грабителей, в действительности же они защищают лишь богачей. А богачи-то и есть самые настоящие грабители. Только грабят они нас, прикрываясь законами, которые сами придумывают. А какая, скажите, разница, по закону меня ограбят или не по закону? Да мне все равно!

— Тут у вас как-то чудно! — сказал Винтик. — Зачем же вы слушаетесь полицейских и еще этих... как вы их называете, богачей?

— Попробуй тут не послушайся, когда в их руках все: и земля, и фабрики, и деньги, и вдобавок оружие! — Колосок пригорюнился. — Теперь вот явлюсь домой, — сказал он, — а полицейские схватят меня и посадят в кутузку. И семена отберут. Это ясно! Богачи не допустят, чтоб кто-нибудь сажал гигантские растения. Не суждено, видно, нам избавиться от нищеты!

— Ничего, — сказал Знайка. — Мы дадим вам прибор невесомости. Пусть попробуют тогда сунуться со своим оружием! Видали, как полетели эти пятеро полицейских?

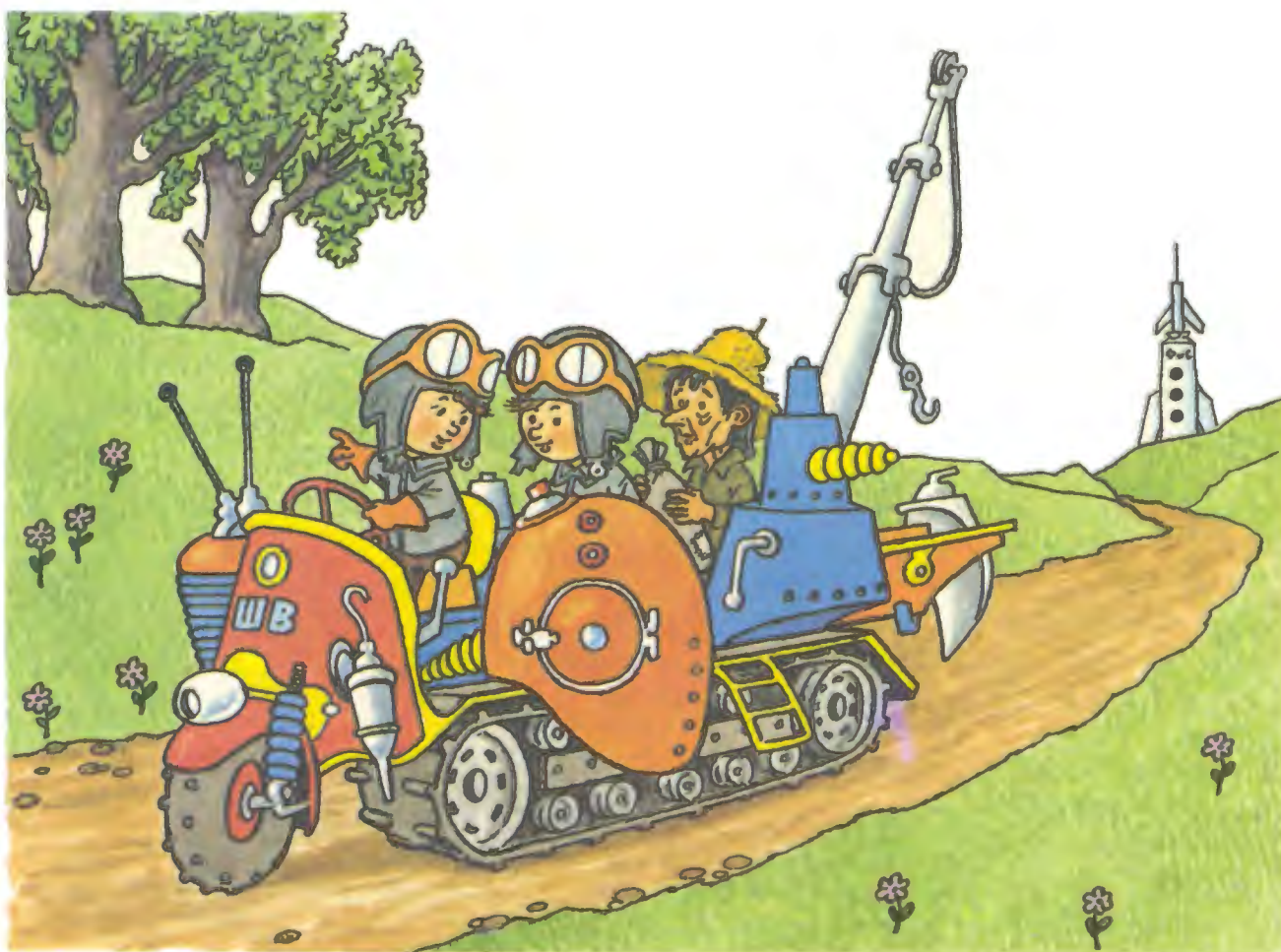
Винтик и Шпунтик тут же соорудили для Колоска прибор невесомости и стали показывать, как обращаться с ним.

— Это что же? — с недоумением сказал Колосок. — Я, значит, должен буду все время болтаться в состоянии невесомости?

— Нет, — засмеялся Знайка. — Мы дадим вам кристаллы антилунита, и вы сможете работать как обычно. Антилунит защитит вас от невесомости.

Знайка дал Колоску горсть кристалликов антилунита.

— Каждый, кому вы дадите такой кристаллик, будет сохранять вес, если даже попадет в зону невесомости, — сказал Знайка. — Будьте, однако же, осторожны. Следите, чтоб ни один из кристалликов не попал в

руки грабителей, то есть этих самых ваших богачей или полицейских. Пока тайна невесомости не раскрыта, богачи ничем не смогут повредить нам.

Испытав на себе действие антилунита, Колосок заметно повеселел.

— Значит, мы еще потягаемся с богачами! — воскликнул он. — Хотя им этого и не хочется, а гигантские растения все-таки будут у нас. Теперь бы мне только домой добраться!

— Садитесь на вездеход, — предложил Винтик. — Мы со Шпунтиком вас живо докатим.

Колосок объяснил, куда нужно ехать. Все трое сели на вездеход. Впереди у рулевого колеса сидел Винтик, за ним — Шпунтик с прибором невесомости в руках, за Шпунтиком — Колосок. В руках у него был мешок с семенами, который он крепко прижимал к груди.

Увидев, что все сели, Винтик включил зажигание и нажал ногой на педаль стартера. Двигатель загудел. Вездеход рванулся с места. В одну

минуту он пересек поляну, перемахнул через холм и, выехав на дорогу, помчался к черневшему вдаль лесу. Путешественники были уже недалеко от опушки, как вдруг впереди снова загрохотали выстрелы.

— Полиция! — закричал Колосок.

От испуга он свалился с сиденья и растянулся посреди дороги со своим мешком. Заметив это, Винтик круто повернул машину и поехал назад. Выстрелы продолжали грохотать. Пули так и свистали вокруг.

— Включай скорей невесомость, ворона! — закричал Винтик.

Шпунтик спохватился и нажал кнопку прибора невесомости. Выстрелы мгновенно утихли.

Остановив вездеход, Винтик соскочил с него и подбежал к распластавшемуся в дорожной пыли Колоску.

— Ты ранен?

— Ка-а-ажется, нет, — заикаясь от испуга, пробормотал Колосок.

За Винтиком подбежал Шпунтик. Они вместе помогли Колоску подняться на ноги и посадили обратно на вездеход.

Убедившись, что Винтик хочет ехать дальше, Колосок сказал:

— Ку-ку-куда же ты? Там в лесу полицейские!

— Успокойся! Полицейским сейчас не до нас. Не слышишь разве?

Колосок прислушался. Из лесу доносились какие-то вопли.

— Сейчас посмотрим, что там делается, — сказал Винтик и включил двигатель.

Подъехав к опушке, путешественники увидели среди деревьев нескольких полицейских. Они беспомощно барахтались в воздухе, отчаянно крича и цепляясь руками за ветки.

— Надо согнать их с деревьев, чтобы ветер унес их отсюда подальше, — придумал Винтик.

— Правильно! — подхватил Шпунтик. — Нечего им торчать здесь!

Подскочив к дереву с маячившим вверху полицейским, Шпунтик ухватился за ствол и принялся его трясти.

— Помогите! — завыл полицейский, трепыхаясь всем телом.

— Вот я тебе помогу! — проворчал Шпунтик и с такой силой потрянул дерево, что полицейский отлетел в сторону и, поднявшись вверх, понесся над лесом, словно мыльный пузырь, подхваченный ветром.

Такая же участь постигла еще нескольких полицейских. Дольше всех удалось продержаться самому толстому полицейскому, которого звали Жриглем. Видя, что его никак не стряхнуть, Винтик схватил винтовку, которая плавала тут же в состоянии невесомости, и, взбравшись на дерево, стал тыкать ружейным стволом в толстый живот Жриглю.

— Э! Э! Э! — в ужасе закричал полицейский. — Что вы делаете? Осторожнее! Это же ружье!

— Ну что ж, что ружье? — спросил Винтик.

— Как — что? Оно же выстрелить может!

— Велика важность! — с усмешкой ответил Винтик. — Сами-то вы любите в других стрелять.

Убедившись, что ему не уйти от расплаты, толстяк полицейский каким-то образом изловчился и пнул Винтика ногой прямо в лоб.

— Ах, ты так! — закричал, разозлившись, Винтик и ткнул Жригля ружейным стволом с такой силой, что ветка, за которую тот держался, сломалась. Взмыв моментально кверху, толстенький Жригль поплыл над деревьями вслед за остальными полицейскими. Он медленно кувыркался в воздухе, завывая от страха на все лады и продолжал держать отломанную ветку в руках.

— Вот я тебе покажу еще, как ногами лягаться! — кричал вслед ему Винтик.

Остаток пути наши друзья проехали без приключений. Не прошло и десяти минут, как они выбрались из леса и подъехали к деревушке Неловке, состоявшей из нескольких полуразвалившихся хижин. Услышав шум двигателя, жители деревушки выскочили из домов, но, увидев, что к ним приближается какая-то непонятная машина, в страхе попятились.

— Не бойтесь, братцы! — закричал Колосок. — Это я! Глядите, я семена привез!

Узнав Колоска, коротышки обрадовались и окружили со всех сторон вездеход.

— Где семена? Какие семена? — наперебой кричали они.

— Да вот семена! Глядите! Гигантские!

Что тут началось, даже и сказать нельзя. Все закричали от радости, принялись прыгать, плясать. А один коротышка сел почему-то на землю, обхватил голову руками и залился слезами.

— Что же вы плачете, дорогой? — спросил его Винтик. — Разве что-нибудь плохое случилось?

— Эх, миленький, я плачу от счастья. Я ведь думал, что мы уже и не доживем до такой радости!

Когда ликование немножечко улеглось, к Колоску подошел коротышка, которого звали Кустиком, и потихоньку сказал:

— А у нас тут утром полицейские были!

Коротышки вспомнили про полицейских и приуныли.

— Да, да! — заговорили вдруг все. — Много полицейских нагрянуло. Целый отряд. Все спрашивали, не видал ли кто-нибудь из нас, как летела ракета. А когда мы признались, что видели, и сказали, что ты отправился искать ракету, чтоб получить семена, они страшно рассердились. Сказали, чтоб все мы сидели дома и не высовывали носа на улицу.

— По-моему, они не позволят нам сажать гигантские семена, — сказал Кустик.

— А мы и спрашивать их не станем, — заявил Колосок. — Теперь полицейские ничего не смогут нам сделать. У нас невесомость есть.

— Какая невесомость? — заинтересовались все.

— Это такая сила, — сказал Колосок, показывая прибор невесомости. — Вот как нажму кнопку, так сила сейчас же выскочит из коробки и поднимет всех полицейских в воздух. Вот стойте-ка смирно. Сейчас все поймете.

Сказав это, Колосок нажал кнопку прибора, и коротышки в тот же момент почувствовали, как почва ушла из-под их ног. Очутившись в воздухе, они принялись отчаянно махать руками, дрыгать ногами, пытаясь дотянуться до земли, но из этого ничего не выходило. Убедившись, что земля больше не держит их, все стали кричать от страха и требовать, чтоб Колосок прекратил свои фокусы.

— Друзья, уверяю вас, что это вовсе не фокусы! — сказал Шпунтик.

— Да, да, — авторитетно подтвердил Винтик. — Это вполне достоверный научный факт, и никаких фокусов тут нет.

А Колосок закричал:

— А теперь вообразите, будто вы полицейские и хотите поймать меня. Ну-ка, ловите!.. Чего же вы не ловите? Ха-ха-ха!

Увидев, однако, что коротышкам совсем не до смеха, так как многие

уже перевернулись вниз головами и буквально вопили от ужаса, он поспешил выключить прибор невесомости.

Коротышки моментально свалились вниз и, придя понемногу в себя, остались сидеть на траве. Все ошалело поглядывало вокруг, не в силах понять, что произошло. Наконец Кустик поднялся на ноги и, покрутив головой, сказал:

— Да, братцы, видать, невесомость — страшная сила. Нашим полицейским эта сила придется не по нутру!

/

Глава тридцать вторая **НЕВЕСОМОСТЬ ИДЕТ В НАСТУПЛЕНИЕ**

С тех пор как космическая ракета появилась над Фантомасом, телевизионные станции лунных городов только и делали, что передавали сообщения об этом важном событии. Не прошло и получаса, как на всех телеэкранах уже демонстрировался полностью смонтированный, оснащенный надписями и озвученный дикторским текстом телевизионный фильм, в котором операторы телестудии сумели запечатлеть не только полет космического корабля, но и толпы фантомасских жителей, высыпавших на городские улицы, а также неожиданно появившихся полицейских, которые колотили ни в чем не повинных лунатиков электрическими дубинками, обливали ледяной водой из пожарных брандспойтов и бросали в них бомбы со слезоточивыми газами.

К вечеру был готов еще один телевизионный фильм, в котором было заснято нападение полицейского отряда на космонавтов, высадившихся в лесистой местности неподалеку от города Фантомаса. Телезрители видели, как полицейские открыли по космонавтам стрельбу, а после того как космонавты укрылись в ракете, принялись уничтожать научные приборы, установленные вокруг. То, что случилось за этим, привело зрителей в трепет и изумление. Неожиданно все увидели, как под влиянием какой-то неведомой силы полицейские поднялись кверху и, потеряв связь с землей, принялись беспомощно кувыркаться в воздухе. Казалось, сама почва под ними заколебалась и ушла из-под ног. словно подхваченные вихрем, на экране, сменяя друг друга, замелькали полицейские в самых нелепых позах. Зрители были потрясены окончательно, увидев, как закувыркались в воздухе грузовые автомашины, наполненные до отказа вновь прибывшими полицейскими.

На другой день по телевидению передавалась научная конференция, на которую были приглашены полицейские, участвовавшие в нападении на космонавтов. К сожалению, никто из полицейских не мог сколько-нибудь толково объяснить, что с ними произошло. Один из них расска-

зал, что как только был отдан приказ ломать приборы, установленные вокруг космического корабля, он тут же расколотил прикладом ружья какую-то научную машинку и уже размахнулся, чтобы как следует стукнуть другую, но в тот же момент взвился кверху, словно сигнальная ракета, и, несмотря ни на какие старания, уже не мог опуститься вниз.

Другой полицейский рассказал, что внезапно ощутил как бы толчок в грудь, да такой сильный, что полетел вверх тормашками, однако не упал на землю, а принялся носиться по воздуху, словно воздушный шар. Третий сказал, что в первый момент у него неожиданно захватило дыхание и было такое ощущение, будто в рот ему сунули кляп, а когда он очнулся, то увидел, что парит в воздухе вместе с остальными полицейскими. Четвертый сказал, что у него не было ощущения кляпа во рту, но вместо этого он почувствовал, будто волосы у него на голове зашевелились и встали дыбом. Боясь, как бы каска не слетела с его головы, он протянул руки кверху, но тут же опрокинулся навзничь и, вместо того чтоб упасть на землю, заскользил на спине по воздуху, словно по льду. Пятый признался, что абсолютно не помнит, что с ним происходило, помнит лишь, что летал по воздуху и при этом его тошнило с такой страшной силой, что он чуть не потерял сознание.

Вслед за ним выступили еще несколько полицейских, которые признались, что их тоже тошнило от страха, а один вспомнил, что ощущал во всем теле необычайную легкость. Руки у него и ноги как бы отнялись и ничего не весили, то есть он вовсе не замечал, что они у него есть. Остальные полицейские тотчас же подтвердили, что и у них были такие же ощущения.

В разгар этой беседы в ателье телестудии вошли еще четверо полицейских. Весь их вид говорил о том, что они побывали в серьезной переделке. Мундиры их были изорваны в клочья и покрыты грязью. У одного правая рука была забинтована до локтя и лежала на перевязи, перекинутой через плечо. У другого была перевязана левая ступня. Сапог с этой ноги ему пришлось скинуть и надеть вместо него галошу. У всех четырех были забинтованы головы, так что каски едва держались на макушках. Помимо всего этого, у каждого были четырехугольные наклейки из пластыря: у кого на лбу, у кого на носу, у кого на щеках или на глазу.

Пошатываясь, и хромая, и поддерживая друг друга под руки, вся эта четверка полицейских пробралась к свободной скамье, стоявшей в углу, и уселась на ней.

Диктор телестудии, ведущий передачу, увидел вновь прибывших полицейских и попросил рассказать, что с ними случилось. Полицейский Мшигль, являвшийся старшим по чину (как раз тот, у которого была повреждена нога), рассказал, что вместе с другими полицейскими он был назначен в охранительный полицейский отряд, который получил

задание следить, чтоб местные жители не общались с приземлившимися космонавтами и не вступали с ними в переговоры. Как раз в это время поступило донесение, что один из деревенских жителей, по имени Колосок, уже отправился к пришельцам из космоса, надеясь получить у них семена гигантских растений. В связи с этим Мшиглю было приказано взять под свою команду четверых полицейских, а именно: Кхигля, Чхигля, Гнигля и Вшигля, и устроить с ними засаду на дороге, по которой Колосок должен был возвращаться в свою деревню.

— Расчет оказался верным, — продолжал рассказ полицейский Мшигль. — Вскоре на дороге показался возвращавшийся Колосок с мешком, в котором, без сомнения, были гигантские семена. Подпустив его поближе, мы выскочили из засады, но мерзкий преступник пустился бежать от нас. Мы преследовали его, пока не увидели вдаль ракету. Поскольку приближаться к ракете было небезопасно, я отдал приказ остановиться и стрелять по Колоску залпами. Но как только мы дали первый залп, какая-то необъяснимая сила отбросила нас назад и понесла по воздуху с такой страшной скоростью, что каски на наших головах раскалились от трения и стали дымиться. В несколько секунд мы домчались до Фантомаса, в одно мгновение пронеслись над городом и, попав в какую-то пустынную местность, угодили в болото. Результат: все пятеро получили ожоги от нагретых касок — у Кхигля, как вы сами можете убедиться, повреждена рука; у Чхигля поврежден спинной хребет; у Гнигля отбиты внутренности; у меня, как видите, повреждена нога; что же касается Вшигля, то он обгорел так сильно, что его пришлось оставить в больнице.

На этом полицейский Мшигль свой рассказ закончил.

Выступивший в самом конце конференции доктор физических наук профессор Бета сказал в своем заключительном слове:

— Дорогие друзья! Все нами услышанное свидетельствует о том, что пришельцы с нашей соседней планеты, по всей видимости, владеют тайной невесомости. Как вы сами могли убедиться, это страшная сила. Полицейские, попадающие в состояние невесомости, становятся совершенно беспомощными. Они абсолютно не владеют своими членами, и им остается только носиться без толку по воле ветра. Применяя огнестрельное оружие, они могут нанести вред лишь самим себе. Наконец-то, дорогие друзья, мы с вами получили возможность вздохнуть свободно. Отныне полицейские уже не смогут угрожать нам; они не смогут ни вешать нас, ни стрелять, ни сажать нас в тюрьму...

В это время послышалось резкое:

— Фить! Фить!

Этот звук издал присутствовавший на конференции старший полицейский инспектор Злигль. Вскочив со своего места, он властно кивнул

пальцем двум дежурившим у дверей полицейским. Поняв, что от них требовалось, полицейские без лишних слов метнулись к профессору, скрутили ему за спиной руки и поволокли прочь. Когда все было кончено, инспектор Злигль подошел к микрофону и сказал, обращаясь к зрителям:

— Уважаемые телезрители! Дамы и господа! Прошу без паники! Ничего страшного не произошло. Доктор физических наук профессор Бета арестован за распространение вредных мыслей и неуважение к полиции. Теперь он попадет в каталажку и получит возможность вздохнуть там свободно, сколько ему потребуется. Пусть это послужит для всех вас хорошим уроком. А теперь молчать, и никаких разговоров! Благодарю за внимание.

Это было последнее выступление на научной конференции. По телевидению снова стали показывать телевизионный фильм о нападении полицейских на космонавтов. По окончании фильма начался очередной телерепортаж. На экране появился известный телевизионный репортер Болтик с микрофоном в руках.

— Уважаемые зрители! — заговорил репортер Болтик. — Дамы и господа! Наша телекамера установлена неподалеку от деревни Нееловки, жителям которой удалось познакомиться с космонавтами и получить у них семена гигантских растений. Эти самовольные действия деревенских мужланов вызвали осуждение со стороны суперинтенданта полиции Жгигля, по мнению которого никакие гигантские растения нам не нужны, так как богачам... то есть... Тьфу!.. Прошу прощения, господа телезрители! Так как не только богачам, но и всем беднякам у нас хорошо живется без каких бы то ни было растений...

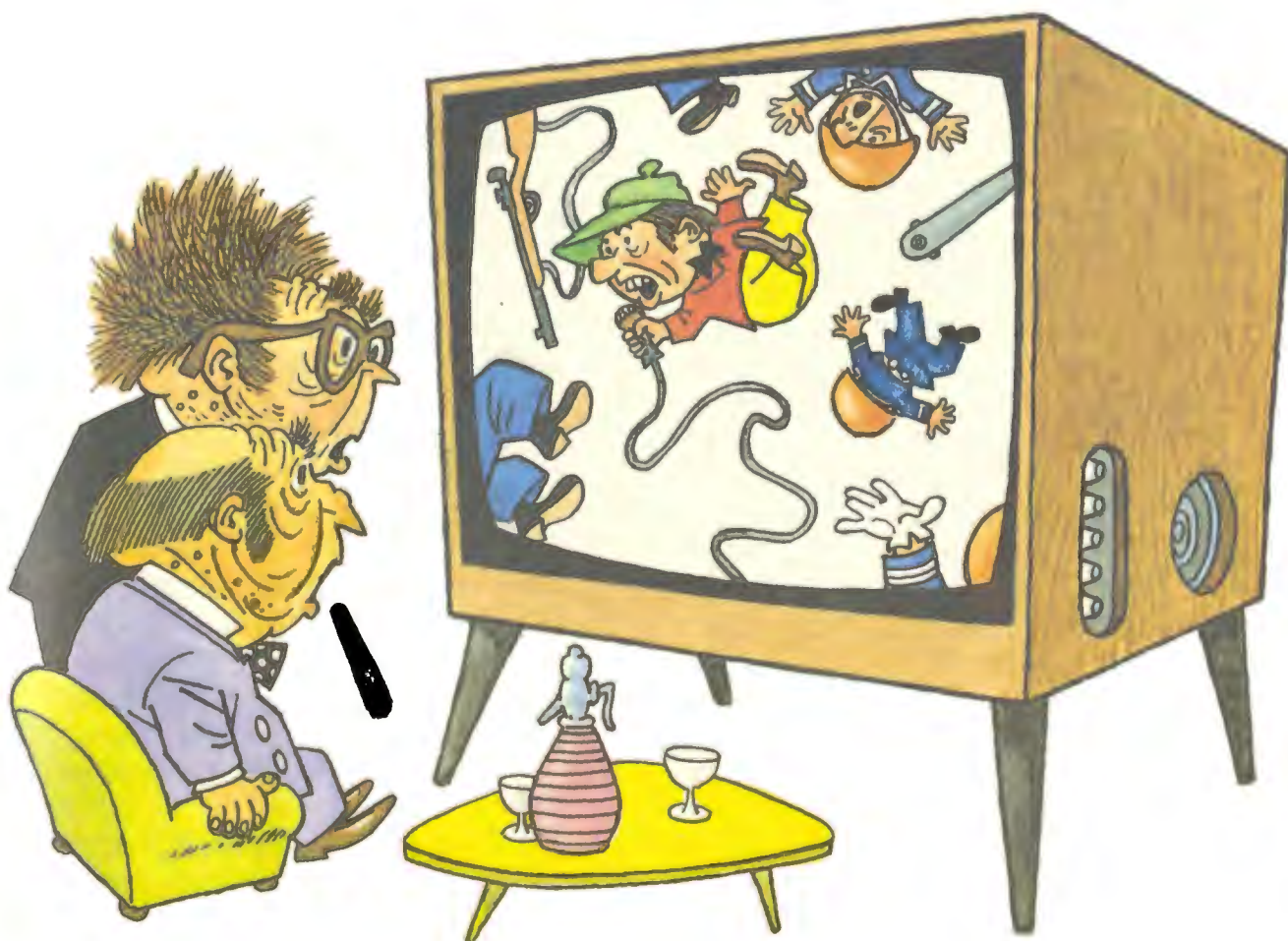
Телерепортер Болтик прикрыл рот рукой, потихоньку покашлял, после чего огляделся по сторонам и продолжал:

— Прошу внимания, господа! Сейчас вы увидите деревенских жителей... Вот они. Вы видите их вдаль. Мы показываем вам их при помощи телеобъектива. Они роют лопатами землю и бросают в нее семена. Надо полагать, что это и есть семена гигантских растений... А теперь вы видите большой отряд полиции под командой полицейского обер-атамана Мстигля. Вот он! Вы видите его на своих экранах! Полицейский обер-атаман Мстигль отдает своим помощникам приказ разбить весь полицейский отряд на группы и приготовиться к штурму. Вы видите, как отдельные группы полицейских, ловко скрываясь за деревьями и кустами, занимают исходные позиции вокруг деревни. Скоро нам с вами удастся увидеть, как эти вредоносные семена, занесенные к нам с другой планеты, будут уничтожены, а виновные в неповиновении жители будут отправлены в полицейское управление... Сейчас будет дан сигнал ракетой, и полицейские ринутся в бой... Посмотрите, как копошатся в земле деревенские жители. Они даже не замечают нависшей над их головой

угрозы... А вот и сигнальная ракета. Она взвивается высоко в небо и ярко вспыхивает. По данному сигналу полицейские со всех сторон бросаются к деревне, держа наперевес ружья. Обратите внимание: деревенские жители только сейчас обнаружили бегущих к ним полицейских. Они встревоженно смотрят. Они засуетились, забегали!.. Но что это?.. Что делается с полицейскими?.. Они почему-то поднялись вверх и кувыркаются в воздухе! Прошу прощения, господа телезрители! Я не пойму, что со мной происходит! Насколько я могу судить, я уже не на земле, а тоже поднялся в воздух. Какая-то непонятная сила удерживает меня вверху. Надо полагать, что мы подверглись действию невесомости, о которой говорил в одной из предыдущих передач по телевидению профессор Бета. Еще раз прошу прощения, господа! Овладевшая мною сила переворачивает меня вверх ногами! Я чувствую приступы тошноты! Находящийся неподалеку от меня телеоператор Глазик описывает в воздухе круги вместе со своей телекамерой, благодаря чему вы, надо полагать, видите на экранах лишь неорганизованное мельтешение.

Телезрители на самом деле видели в это время на своих экранах какое-то беспорядочное мелькание. Перед их взором то неожиданно возникала земля вместе с деревьями и домами, то мелькало покрытое облаками небо, иногда на какой-то короткий миг появлялась распластанная в воздухе фигура полицейского с искаженной от ужаса физиономией.

— Господа телезрители! — продолжал между тем репортер Болтик. — Пока наш уважаемый телеоператор Глазик налаживает зрительную связь, разрешите мне обрисовать на словах все, что здесь происходит. Передо мной множество парящих в воздухе полицейских. В то время как одни занимают горизонтальное или наклонное положение, другие повисли в воздухе вниз головой. У всех выпучены глаза от страха. Многие полицейские совершают руками и ногами резкие, дергающиеся движения и извиваются всем телом — ни дать ни взять червяки, которых насаживают на рыболовный крючок. Некоторые, наоборот, неподвижно застыли с раскоряченными ногами и растопыренными руками. В таком виде они напоминают одетых в полицейскую форму лягушек. Часть полицейских ветер отнес в сторону, но большинство находится над деревней... Странное дело! Я вижу, что невесомость вовсе не действует на деревенских жителей! Все они по-прежнему находятся на земле и со смехом глядят на копошащихся в воздухе полицейских. Что это могло бы означать?.. Это может означать лишь одно, а именно: что прилетевшие космонавты поделились с деревенскими жителями не только космическими семенами, но и сообщили им секрет невесомости и способы управления ею. Для полицейских этот факт может иметь самые нежелательные последствия, так как теперь они уже не смогут никому воспрепятствовать выращивать гигантские растения.

Тут репортер Болтик снова покашлял, немножечко помолчал и опять продолжал:

— Внимание, господа телезрители! Вы слышите чей-то крик. Это шумит полицейский обер-атаман Мстигль. Он требует от полицейских беспрекословного повиновения и обзывает их безмозглыми ротозеями за то, что они побросали свои ружья, которые теперь без всякой пользы плавают в воздухе. Обер-атаман Мстигль отдает приказ полицейским ловить ружья и стрелять в деревенских жителей. Я вижу, как господин Мстигль пытается собственноручно поймать проплывающую мимо винтовку. Вот он уже схватил ее и готовится выпалить... Бах! Вы слышали выстрел? Что случилось?.. Вы слышали как бы шум пропеллера. Что-то с громким жужжанием пронеслось мимо меня. Это пролетел сам обер-атаман господин Мстигль, вертясь в воздухе словно четырехлопастный вентилятор. Скорость полета господина Мстигля была так велика, что через две-три секунды он уже скрылся за горизонтом. Как видно, реак-

тивная сила в условиях невесомости — дело не шуточное. Огнестрельное оружие действительно применять нельзя!.. Внимание, господа. Ветер гонит полицейский отряд все дальше, словно какую-то мрачную тучу... Сопровождающий меня оператор Глазик никак не может наладить зрительную связь. Автомобиль, на котором находится наша передвижная телестанция, тоже поднялся в воздух. К несчастью, автомобиль зацепился за дерево, и мы не можем лететь вслед за полицейскими, так как мой микрофон, а также и телекамера связаны с телестанцией электропроводом. Если электропровод порвется, то наш телерепортаж сам собой прекратится. Порывы ветра между тем становятся все сильнее. Я едва удерживаю микрофон в руках. Боюсь, что провод не выдержит...

Не успел Болтик произнести эти слова, как послышался треск. Экраны телевизоров мгновенно погасли. Через несколько секунд на них замелькали какие-то полосы, и появившаяся перед телезрителями дикторша сказала с приятной улыбкой:

— А теперь, дорогие друзья, приглашаем вас потанцевать... Уберите мебель. Стулья поставьте у стен или совсем вынесите из комнаты, стол можно отодвинуть в угол...

Послышалась музыка. На экране появились танцующие пары. Зрителей на этот раз вовсе не интересовали танцы. Однако телевизоров никто не выключал. Каждый надеялся, что вот-вот начнется передача про космонавтов.

И лунатики, конечно, не обманулись в своих ожиданиях. В те дни как по радио, так и по телевидению то и дело передавались какие-нибудь новости о космонавтах, о гигантских растениях, о невесомости. Особенно поразил всех рассказ о полицейском Хныгле, который, попав в состояние невесомости, выстрелил из дальнобойной крупнокалиберной винтовки, в результате чего реактивная сила понесла его с такой скоростью, что он за каких-нибудь полчаса совершил кругосветное путешествие, то есть облетел вокруг внутреннего ядра Луны и упал примерно в том же месте, откуда вылетел.

Этот головокружительный полет произвел столь сильное впечатление на самого Хныгля, что бедняга долго не мог прийти в себя, а когда его доставили в телестудию и попросили рассказать телезрителям о своем кругосветном путешествии, он не мог произнести ничего связного, а только твердил:

— Я-то, это, как его... это вот: бах! А потом пши-и! Пши-и!

И крутил перед собой руками, причем с лица его не сходило идиотское выражение.

Лицо его, впрочем, приобрело несколько осмысленное выражение, когда диктор объявил, что недалеко от города найдена дальнобойная винтовка Хныгля. Телезрители без труда разглядели, что сидевший за

столом Хныгль с интересом прислушивался к словам диктора, а когда в павильон принесли винтовку, он выскочил из-за стола, потянулся всем телом к своему ружью, глаза его засветились радостью. Но как только винтовка очутилась у него в руках, произошла страшная перемена. Руки у него задрожали, весь он затрясся с такой силой, будто сквозь него пропускали электрический ток, лицо исказилось, словно от боли, и побелело. Губы его беззвучно зашевелились, винтовка вывалилась из рук, и, потрясая перед лицом кулаками, словно угрожая кому-то, он закричал страшным голосом:

— Никогда! Слышите? Никогда!

Пнув ногой винтовку так, что она отлетела в угол, и опрокинув несколько стульев, он выбежал из телевизионного павильона. Больше его не видели.

Эта сцена произвела неизгладимое впечатление на телезрителей, а в особенности на полицейских, которые смотрели в тот день передачу. Многие из них впервые поняли, что теперь наконец настала пора, когда нельзя уже безнаказанно хвататься за оружие и палить из него в кого попало. Всем стало ясно, что по-прежнему жить скоро будет нельзя.

Нечего и говорить, что полицейские боялись теперь и близко подходить к ракете, а не то что стрелять возле нее. Деревенские жители могли беспрепятственно приходить к космонавтам и получать у них семена гигантских растений. Теперь гигантские семена сажали не только в деревне Нееловке, но и в селе Голопяткине, Бесхлебове, Голодаевке, Непролазном и во многих других. Знайка распорядился, чтоб лунатикам давали не только нужные им семена, но снабжали их приборами невесомости, а также антилунитом и объясняли им, как всем этим пользоваться, чтоб защититься от полицейских.

Вскоре к космонавтам прибыли несколько рабочих со скуперфильдовской макаронной фабрики. Они сказали, что решили прогнать с фабрики Скуперфильда, а макароны будут делать сами без всяких хозяев. Чтоб осуществить этот план, им нужно устроить на фабрике невесомость, так как в противном случае полицейские могут помешать им и даже вовсе прогонят их с фабрики.

Получив от космонавтов прибор невесомости и достаточное количество антилунита, скуперфильдовские рабочие укрепили на фабрике все станки для раскатки теста, макаронные и вермишельные месилки, сушилки, парилки, прессы и печи с таким расчетом, чтобы все эти механизмы могли работать в условиях невесомости. Эффект от всех этих мероприятий получился огромный. Ни мука, ни макаронное тесто теперь ничего не весили, механизмы же в условиях невесомости работали во много раз быстрее. Благодаря этому выпуск макаронных изделий на фабрике увеличился в несколько раз, и теперь макароны можно было продавать значительно дешевле.

Бедняки, у которых постоянно не хватало денег на покупку еды, очень радовались. Они говорили, что скуперфильдовские макароны (все почему-то по-прежнему называли макароны этой фабрики скуперфильдовскими, хотя теперь они делались без какого бы то ни было участия Скуперфильда)... Так вот, все говорили, что скуперфильдовские макароны, а также вермишель и лапша стали не только намного дешевле, но и вкусней. И это, как потом выяснилось, была абсолютная правда, так как макаронное тесто, изготавливаемое в условиях невесомости, лучше подходило, становилось пышней, что отражалось на вкусовых качествах готовой продукции.

Глава тридцать третья **ПОНЧИК ПЕРЕВОСПИТЫВАЕТСЯ**

С тех пор как Пончик стал работать крутильщиком на чертовом колесе, его характер сильно переменялся. Раньше он жил без всяких забот: ел да пил, а в свободное от еды время слонялся по набережной и вертелся на чертовом колесе или морском параболоиде, не задаваясь мыслью о том, какая сила приводит все эти механизмы в движение. Но теперь он на собственном опыте убедился, что никакое чертово колесо само по себе вертеться не будет, если его не начнут вертеть коротышки.

Как уже говорилось, каждое чертово колесо представляло собой круг или диск, насаженный на вертикальную ось. Этот диск устанавливался на огромной круглой лохани, плавающей неподалеку от побережья и закрепленной на якорях. Лохань, прикрытая сверху диском, погружалась больше чем наполовину в воду, так что ее почти и видно-то не было. Со стороны казалось, что огромный деревянный диск как бы сам собой крутится над водой.

Обычно внутри лохани помещались двое крутильщиков. Целыми днями они шагали по дну этой круглой посуды, изо всех сил нажимая руками на рычаги, соединенные с осью, и приводя тем самым во вращение ось вместе с укрепленным на ней диском. Нетрудно представить себе, какая это была тяжелая и изнурительная работа.

Внутри лохани было и темно, и тесно, и сыро, и до такой степени душно, что пот с бедных крутильщиков катился ручьями. Они стаскивали с себя всю одежду и работали в одних трусиках, но даже это не приносило им облегчения. Вода, проникавшая сквозь щели в досках, заливала лоханку. Крутильщикам то и дело приходилось откачивать воду насосом, если же они не успевали это сделать, то работали по колено в холодной воде, что самым зловредным образом отзывалось на их здоровье. Они постоянно кашляли и чихали, болели суставным ревматиз-

мом, катаром верхних дыхательных путей, гриппом и даже воспалением легких.

Пончик до такой степени устал на работе, что, придя домой, растягивался на койке и вставал только для того, чтобы чего-нибудь пожевать. Даже еда не доставляла ему прежнего удовольствия. Теперь единственным для него наслаждением было отправиться в выходной день на берег и самому повертеться на каком-нибудь чертовом колесе, параболоиде или хотя бы на водяной колбасе.

— Вот и чудесно! — со злорадной усмешкой бормотал он. — Целую неделю я вертел разных бездельников, а теперь пусть другие бездельники повертят меня!

Через некоторое время он, однако, заметил, что все меньше испытывает радости от верчения на колесе. Всякое удовольствие отравляла мысль о том, что, пока он вертится, кто-то другой принужден вращать колесо, выбиваясь из последних сил и задыхаясь от недостатка воздуха в мрачной, сырой лоханке. Наконец эта мысль сделалась до такой степени противна ему, что он и вовсе перестал вертеться на чертовом колесе.

Теперь у Пончика осталась одна отрада: поболтать о том о сем с крутильщиком Пискариком, с которым он работал в одной лоханке. Этот Пискарик вначале презирал Пончика за его привычку вертеться на колесе. Он говорил, что это занятие годится лишь для богатых бездельников, которые не знают, куда им девать время и деньги, простому же, нормальному коротышке стыдно тратить с таким трудом заработанные денежки на пустое баловство. Увидев, что Пончик не увлекается больше этим пустячным делом, Пискарик перестал посмеиваться над ним. Теперь он беседовал с Пончиком на серьезные темы, не отделиваясь одними шуточками, и давал ему иногда почитать интересную книжку или газету.

Однажды, когда они возвращались вместе с работы, Пискарик сказал:

— Ты, я вижу, коротышка хороший, и тебе можно доверить секрет. У нас здесь есть тайное общество. Называется Общество свободных крутильщиков. Если хочешь, я могу записать и тебя. Мы время от времени собираемся, беседуем о жизни, покупаем в складчину хорошие книги, вместе подписываемся на газету. Одному, знаешь, трудно потратиться на газету, вместе же гораздо легче. Мы хотим, чтобы все крутильщики сделались образованней и умней.

— А что вы будете делать, когда сделаетесь умней? — спросил Пончик.

— Начнем бороться с хозяевами всех этих чертовых колес, колбас и параболоидов. Первым делом будем добиваться, чтоб хозяева сократили рабочий день. Ведь все мы очень утомляемся и постоянно болеем, отто-

го что нам от зари до зари приходится вертеться в сырых лоханках и дышать спертым воздухом.

— Как же заставить хозяев сократить день?

— Сейчас сделать это, конечно, трудно, потому что нас еще очень мало. Но погоди, со временем нас станет больше, тогда мы придем к хозяевам и скажем, что не будем работать на них, пока рабочий день не станет короче. Объявим забастовку. А впоследствии и совсем прогоним хозяев и станем свободными по-настоящему.

— Что ж, это мне нравится, — ответил Пончик.

И он решил стать членом Общества свободных крутильщиков. Пискарик познакомил его с крутильщиками Лещиком, Сомиком и Судачком, которые тоже были членами этого общества. В свободное от работы время они собирались вместе, беседовали о разных вещах, читали интересные книги, газеты и даже мечтали поднакопить денег и купить сооща телевизор.

В то время в газетах часто печатались сообщения о забастовке на скуперфильдовской макаронной фабрике. Свободных крутильщиков очень интересовало, чем кончится борьба рабочих с богачом Скуперфильдом. Вскоре, однако, газеты стали печатать сообщения о прибытии на Луну космического корабля и о том, что прибывшие с далекой Земли космонавты начали раздавать лунатикам семена гигантских растений.

Как только Пончик узнал о прибытии космонавтов, он сразу сообразил, что это прилетел Знаяка со своими друзьями. Он тут же хотел поехать в Фантомас и отправиться на поиски космического корабля, который приземлился, как стало известно, в окрестностях этого города. Но потом Пончик подумал, что ему, пожалуй, достанется от Знаяки за то, что он улетел с Незнаякой на ракете без спросу и подвел остальных коротышек, которые тоже собирались в полет. Поразмыслив как следует, Пончик решил никуда не ездить, а остаться в Лос-Паганосе и по-прежнему работать на чертовом колесе.

В газетах между тем появлялись все новые сообщения о космонавтах, о гигантских семенах, о невесомости, с которой полицейские никак не могли сладить. Большого шума наделало сообщение о том, что скуперфильдовские рабочие овладели невесомостью и прогнали со своей фабрики Скуперфильда. Как только Пискарик узнал об этом, так сейчас же сказал:

— Вот если бы и нам устроить здесь невесомость. Мы бы тоже прогнали хозяев, да и колеса вертеть в состоянии невесомости было бы легче.

— Верно! — подхватил Судачок. — А что, если кому-нибудь из нас съездить в Фантомас и встретиться с космонавтами? Может быть, и нам удастся раздобыть невесомость.

Тогда Пончик сказал:

— Братцы, я долго молчал, но теперь больше не могу молчать и признаюсь вам. Я думаю, что на космическом корабле прилетели мои приятели. Я ведь тоже когда-то жил на планете, называемой Большой Землей, а потом прилетел сюда к вам с Незнайкой.

И Пончик рассказал обо всем, что с ним случилось. Увидев, что он говорит правду, Пискарик сказал:

— В таком случае тебе немедленно нужно ехать и поговорить со своими друзьями. Думаю, они не откажут нам в помощи, когда узнают о нашей тяжелой доле. Только надо держать все это дело в секрете, а то, боюсь, как бы богачи не помешали нам.

Никому не сказав ни слова, Пискарик, Лешик, Сомик и Судачок собрали все деньги, которые у них были, накупили разных продуктов и сложили их в сумку, чтобы Пончику было что кушать в дороге. Потом купили ему билет на поезд до города Фантомаса, и все пятеро отправились на вокзал.

— Главное, в пути ни с кем не болтай, — напутствовал Пончика Пискарик. — Держи, как говорится, уши пошире, а рот поуже. Если полицейские пронюхают, что ты едешь к космонавтам, то угодишь ты не к космонавтам, а прямым путем в каталажку.

Скоро подошел поезд. Попрощавшись с друзьями, Пончик залез в вагон. Там уже было полно коротышек, но Пончику все же удалось отыскать для себя местечко на лавке. Усевшись поудобнее, он принялся разглядывать пассажиров и прислушиваться к разговорам.

Очень скоро ему стало ясно, что все разговоры вертелись вокруг космонавтов, гигантских растений и невесомости. Один пассажир рассказывал, что космонавты — это какие-то особенные безволосые коротышки, у которых четыре уха, два носа, но всего один глаз во лбу, причем дышат они не легкими, а жабрами, так как постоянно живут в воде, и когда вылезают на сушу, то ходят в водолазных костюмах, а вместо рук у них плавники. Пончик тут же хотел сказать, что это неправда, что космонавты такие же коротышки, как и все прочие, но, вспомнив, что Пискарarik советовал ему держать язык за зубами, решил не вмешиваться в разговор.

Другой лунатик, сидевший неподалеку от Пончика, рассказывал, что невесомость — это такая сила, которая ломает коротышкам руки и ноги и перемалывает внутри все кости в муку, в результате чего каждый, кто побывает в состоянии невесомости, уже ни ходить, ни стоять, ни сидеть больше не может и ничего делать не может, так как внутри его организма не остается ни одной целенькой косточки; единственное, что он может делать, — это ползать по земле наподобие гусеницы или червяка.

Пончик снова хотел сказать, что это враки, так как сам не раз бывал в состоянии невесомости, однако ж все кости у него целехоньки и он вовсе не ползает на манер червяка.

Все же он и на этот раз вспомнил, что ему не следует распускать язык.

Третий коротышка рассказывал, будто читал в газете, что гигантские растения, которые растут на Большой Земле, действительно приносят огромнейшие плоды, что арбузы там, например, вырастают величиной с гору, но все эти арбузы да и все остальные плоды горькие, даже ядовитые и совершенно не годны в пищу.

Услышав такие речи, Пончик, который особенно принимал близко к сердцу все, что касалось еды, не вытерпел и уже хотел сказать, что арбузы на Земле очень сладкие, но тут в разговор вмешался коротышка в желтой тужурке, который сидел рядом с Пончиком.

— А может, все это враки, братцы? — ответил он. — Мало ли что пишут в газетах. Богачам ведь невыгодно, чтоб у нас были гигантские растения, вот они и печатают разную чепуху.

— А ты бы лучше помалкивал, — сказал ему другой коротышка. — Откуда ты знаешь, кто здесь с нами едет в вагоне? Может быть, рядом с тобой сидит переодетый полицейский и все слышит, что ты говоришь.

Коротышка в желтой тужурке с опаской взглянул на сидевшего рядом Пончика. Поймав этот взгляд, Пончик вспыхнул:

— Это кто же, по-твоему, переодетый полицейский? Я переодетый полицейский? Вот как дам тебе полицейского!

— Да ты что? Разве я про тебя говорю? — стал оправдываться коротышка.

— А про кого? Я же слышу, что ты говоришь: «Переодетый полицейский рядом сидит». А кто рядом сидит? Я рядом сижу! Значит, я и есть переодетый полицейский.

— Братцы, хи-хи! — закричал кто-то сзади. — Здесь у нас переодетый полицейский сидит! Сам сказал! Я, говорит, и есть переодетый полицейский! Вот этот толстенький. То-то я гляжу, что он все сидит и молчит, только прислушивается к чужим разговорам.

— Придержите языки, братцы! — раздался крик. — Здесь полицейский!

Наступила тишина. У всех сразу пропала охота разговаривать. Все молча сидели и искоса поглядывали на Пончика. Только слышно было, как колеса стучат по рельсам. Наконец кто-то сказал:

— Недавно, братцы, я видел по телевизору обгорелого полицейского. На него было страшно смотреть, до такой степени он обгорел. Просто ужас какой-то!

Другой коротышка исподлобья взглянул на Пончика и спросил:

— А тот полицейский был тоже переодетый?

— Нет, — ответил рассказчик. — Тот был не переодетый, а в настоящей полицейской форме, только сильно изорванной, так как, пока летел, он цеплялся за деревья и телеграфные провода. Говорили, что он выстрелил в состоянии невесомости. А в состоянии невесомости стрелять нельзя.

— А у нас одного полицейского вытолкнули из вагона на полном ходу поезда, — сказал коротышка, который сидел напротив Пончика.

— А он тоже был переодетый? — спросил первый коротышка.

— Да, он тоже был переодетый, и притом толстенький.

Все засмеялись и стали наперебой рассказывать разные смешные истории про полицейских. Пончик не знал, смеяться ли ему вместе со всеми или лучше помалкивать, поэтому он вначале сидел совершенно молча и только криво улыбался, а потом встал с лавки и залез на верхнюю полку, где его никому не было видно. Между тем наступил вечер. Пассажиры начали укладываться спать. Одни забрались на верхние полки, другие расположились на нижних. Пончик уже было уснул, но среди ночи почему-то проснулся. Вспомнив, что забыл поужинать, он принялся вытаскивать из сумки бутерброды с сыром и колбасой и уплетать их. В это время он услышал разговор двух коротышек, которые лежали внизу.

— Ты куда едешь? — спрашивал один.

— В Фантомас, — отвечал другой. — А ты?

— Я тоже в Фантомас. Только мне нужно не в самый Фантомас. Я хочу к космонавтам пробраться.

— А зачем тебе к космонавтам?

— Понимаешь, мы всей деревней решили достать гигантских семян и посадить их. Вот меня и снарядили к космонавтам за семенами.

— А ты знаешь, где искать космонавтов?

— Знаю. Нужно добраться до деревни Нееловки, а там мне скажут. В газете писали, что нееловцы уже побывали у космонавтов и достали семян.

Пончику захотелось узнать, что за коротышка пробирается к космонавтам. Он взглянул вниз украдкой и увидел, что это был уже знакомый ему лунатик в желтой тужурке.

«Вот и хорошо! — сказал сам себе Пончик. — Увяжусь за этой желтой тужуркой и тоже попаду, куда мне надо. Все очень просто устроилось».

На деле все оказалось совсем не так просто. Утром, как только поезд прибыл в Фантомас, Пончик вылез из вагона и отправился вслед за коротышкой в желтой тужурке, которого, кстати сказать, звали Мякиш. Сначала все как будто шло складно. Желтая тужурка была хорошо видна, и Пончик не терял ее из виду в толпе городских пешеходов. Скоро он обратил внимание, что Мякиш почему-то кружит по городу, проходя все по тем же улицам, где уже был. Иногда он словно нарочно прятался за углом дома и, пропустив Пончика вперед, бросался в обратную сторону.

«Какой-то бестолковый лунатик попался! — ворчал про себя Пончик. — Не знает дороги — спросил бы кого-нибудь!»

Наконец, когда Пончик совсем выбился из сил, они вышли из города и зашагали по шоссе-ной дороге. Мякиш, как нарочно, шел быстрым шагом. Пончик отставал от него все больше и больше. Скоро наших путников догнала грузовая автомашина. Увидев ее еще позади, Мякиш поднял руку. Машина, оставив далеко позади Пончика, затормозила. Мякиш попросил шофера подвезти его до деревни Нееловки.

— Ладно, полезай в кузов, — согласился шофер.

Увидев, что Мякиш садится в машину, Пончик собрал остатки сил и пустился бежать. Машина тронулась, но Пончик все же успел догнать ее и уцепился сзади за кузов. Увидев это, Мякиш схватил лежавший на дне кузова гаечный ключ и принялся колотить им по пальцам Пончика.

— А-а-а! — заорал бедный Пончик.

Не в силах стерпеть боль, он разжал пальцы и шлепнулся посреди мостовой, словно мешок с песком.

— Так тебе и надо, проклятый полицейский! — проворчал Мякиш. — Может быть, ты хоть теперь отвяжешься от меня!

Нечего, конечно, и говорить, что Мякиш принимал Пончика за пе-

реодетого полицейского и поэтому всеми силами старался отделаться от него.

Шофер между тем прибавил скорость, и машина в одно мгновение скрылась из виду. Скоро Мякиш был уже в деревне Нееловке и беседовал с нееловцами, которые встретили его очень приветливо. Они рассказали, что уже посадили полученные от космонавтов гигантские семена, и повели Мякиша в поле, чтоб показать ему первые всходы. Бедняга Мякиш даже заплакал от радости, когда увидел маленькие зелененькие ростки, показавшиеся местами из-под земли.

— Это ничего, братцы, что они маленькие, — говорил он. — Так уж на свете устроено, что все большое растет из маленького.

Узнав, что Мякиш приехал за гигантскими семенами, Колосок вызвался проводить его к космонавтам. Они уже хотели отправиться в путь, но как раз в это время Мякиш увидел Пончика, который ковылял по дорожке, ведущей к деревне.

— Смотрите, братцы! — испугался Мякиш. — Опять этот проклятый

переодетый полицейский! Он еще в поезде привязался ко мне. Должно быть, подслушал, как я говорил, что к космонавтам еду.

— Сейчас мы его поймаем и проучим как следует! — сказал Колосок.

Коротышки спрятались за забором, и, как только Пончик подошел ближе, все сразу бросились на него. Кто-то накинул ему на голову пустой мешок, кто-то другой тут же потянул его кверху за ноги.

— Это что, братцы? За что? — закричал Пончик, чувствуя, что летит в мешок. — Пустите меня!

— Попался, полицейский, так уж лучше молчи! — сказал Колосок.

— Я не полицейский, братцы! Я Пончик! Я космонавт! Мне надо к ракете пробраться.

— Ишь чего захотел! — ответил Мякиш. — Не отпускайте его, братцы! Подержите в мешке пока, а то он снова увяжется за мной.

— Ладно, вы с Колоском идите, а мы запрем его в погреб, — сказал коротышка, которого звали Штифтик.

Он быстро завязал мешок сверху, чтобы Пончик не смог удрать, и коротышки поволокли пленника к стоявшему неподалеку погребу. Колосок с Мякишем ушли и еще долго слышали, как Пончик орал, безуспешно пытаясь вырваться из мешка:

— Я не полицейский! Я Пончик! Я космонавт! Пустите меня!

Колосок и Мякиш только посмеивались, слушая эти крики.

Когда они пришли к космонавтам, Знайка распорядился, чтоб Мякишу дали семян гигантских растений, а также прибор невесомости и запас антилунита для защиты от полицейских, а потом стал расспрашивать его, не слыхал ли он чего-нибудь о потерявшихся Незнайке и Пончике.

— О Незнайке я уже много слыхал, — ответил Мякиш. — О нем даже в газетах писали. А вот о Пончике ничего не слыхал, кроме разве того, что этот проклятый переодетый полицейский тоже называл себя Пончиком.

— Какой переодетый полицейский? — заинтересовался Знайка.

— Да вот увязался за мной тут один тип в поезде, — ответил Мякиш. — Все время подслушивал да подглядывал, а в Фантомасе сошел с поезда и принялся следить за мной, так что добрался до самой Нееловки.

— А где он теперь? — стали спрашивать космонавты.

— Да вы, братцы, не беспокойтесь, — сказал Колосок. — Мы его засадили в мешок и спрятали в погреб.

— А как он выглядел? — спросил Знайка.

— Как вам сказать... — ответил Мякиш. — Такой толстенный. Лицо словно блин...

— Толстенный? — закричал Знайка. — Так, может быть, это и есть наш Пончик?

Услышав эти слова, Винтик и Шпунтик бросились к своему вездеходу и через минуту уже мчались в Нееловку. Не прошло и часа, как они возвратились с Пончиком. Космонавты окружили со всех сторон вездеход. Пончик, который еще не опомнился от встречи с Винтиком и Шпунтиком, сидел на вездеходе и, разинув рот, смотрел на Знайку, на Фуксию и Селедочку, на Тюбика, на доктора Пилюлькина и на всех остальных космонавтов. От волнения он не мог произнести ни слова. Наконец сказал:

— Братцы! — и залился слезами.

Коротышки помогли ему слезть с вездехода и начали его утешать, а он подходил к каждому, каждого прижимал к груди и говорил, вытирая кулаком слезы:

— Братцы! Братцы!..

Больше ничего от него не могли добиться.

Винтик и Шпунтик рассказали, что, когда они вытряхнули Пончика из мешка, он тоже вначале громко заплакал, а потом всю дорогу только и делал, что твердил: «Братцы, братцы», словно позабыл, какие еще на свете бывают слова.

Доктор Пилюлькин сказал, что это ничего, что Пончик скоро опра-

вится от потрясения и заговорит по-прежнему, как все нормальные коротышки. Надо только дать ему немного покушать, тогда он войдет в свою обычную колею.

Так и на самом деле случилось. Пончика усадили за стол, поставили перед ним тарелку борща и тарелку каши. Пончик быстро уписал все это и тут же начал рассказывать о том, что произошло с ним: и о том, как они вместе с Незнайкой залезли тайком в ракету и отправились на Луну; как путешествовали по Луне и попали в пещеру; как Незнайка провалился в подлунный мир, после чего Пончик остался совсем один; как он сидел в ракете, пока не прикончил все пищевые запасы, после чего тоже провалился в подлунный мир и попал в город Лос-Паганос, где принялся торговать солью; как сначала разбогател, потом разорился, потом стал работать на чертовом колесе и сделался членом Общества свободных крутильщиков.

— Вот и все, братцы. А теперь я приехал к вам, чтоб вы дали нам немножечко невесомости. Это облегчило бы тяжелый труд крутильщиков и помогло бы нам избавиться от жадных хозяев, — закончил свой рассказ Пончик.

— А как же Незнайка? Ты с тех пор не встречался с ним? — спросил Знайка.

— Э, Незнайка! — пренебрежительно махнул рукой Пончик. — Я даже говорить о нем не хочу. Да, по-моему, и нет теперь уже никакого Незнайки.

— Неужели погиб? — опечалились коротышки.

— Если бы погиб, то еще не так страшно, а то ведь превратился в барана! — воскликнул Пончик. — Его сцапали полицейские и отправили на Дурацкий остров, а все, кто попадает на этот остров, рано или поздно превращаются в овец или баранов.

— За что же его отправили на Дурацкий остров?

— За то, что торговал воздухом.

— Как это — торговал воздухом? — удивились все.

— Ну, это так говорится. Когда кто-нибудь продает то, чего у него нет, то про него говорят, что он продает воздух. А Незнайка затеял продавать гигантские семена, которых у него не было, вот его и наказали за это. Так и в газете писали.

— Слушай, Пончик, а нельзя ли как-нибудь все же спасти Незнайку? — спросила Селедочка. — Может быть, он не успел еще превратиться в баранчика или в овечку. Не можем же мы оставить его в беде!

Пончик крепко задумался. Потом сказал:

— Нельзя ли мне еще тарелочку каши? Может быть, у меня созревает какой-нибудь план.

Ему быстро принесли тарелку каши. Он ее съел и сказал:

— План у меня созрел: мы захватим один из кораблей, на которых отвозят лунатиков на Дурацкий остров. Эти корабли обычно заходят к нам в Лос-Паганос. Лунатиков мы освободим, за это они нам только спасибо скажут, а сами поплывем выручать Незнайку.

— А где искать Дурацкий остров, ты знаешь? — спросил Пончика Знайка.

— Об этом не беспокойся, — ответил Пончик. — Мы возьмем с собой кого-нибудь из старых моряков, а их у нас в Лос-Паганосе много. У меня даже есть один знакомый безработный капитан Румбик. В общем, это дело пустячное. Был бы корабль, а капитаны найдутся!

Глава тридцать четвертая НЕЗНАЙКА НА ДУРАЦКОМ ОСТРОВЕ

То, что рассказал о Незнайке Пончик, была правда. Во всяком случае, верно было то, что он действительно угодил на Дурацкий остров. После того как Незнайку, Козлика, Клюкву, Мизинчика, Чижика и других коротышек, ночевавших под мостом, задержал полицейский патруль, все они были посажены в полицейский фургон и доставлены в город Лос-Паганос. Там их посадили в трюм корабля, где уже томились сотни три таких же несчастных. Многие из них плакали, прощаясь с родной землей. Глядя на других, и Незнайка заплакал, а какой-то толстенький, голопузенький коротышка взобрался на пустую бочку, стоявшую посреди трюма, и принялся всех утешать. Он был без рубашки и босиком, но зато в соломенной шляпе и с пестрым шерстяным шарфом, обмотанным вокруг шеи.

— Братцы! — говорил он, протягивая к коротышкам руки. — Послушайте меня, братцы! Не надо плакать. Чего нам жалеть? Здесь жалеть нечего, а там нам хоть сытно будет. Вот увидите: сыты будем — как-нибудь проживем. Не надо отчаиваться! Ведь и на Дурацком острове коротышки живут. А то, что там можно превратиться в баранов, так это, может, еще и неправда. Кто сказал, что это правда? Мало ли чего говорят! Поживем — увидим.

— Вот, вот, поживешь — увидишь, как станешь бараном! — проворчал Козлик.

— А ты молчи! — набросились на Козлика коротышки. — Его утешают, а он тут с баранами лезет!

— А мне и не надо, чтоб меня утешали.

— Тебе не надо, так не мешай тем, кому надо. Иди отсюда, пока не дали по шее!

Козлик обиделся и отошел в сторону. Голопузый между тем продол-

жал речь, вставляя чуть ли не после каждого слова две свои самые любимые фразы: «Поживем — увидим» и «Сыты будем — как-нибудь проживем».

Эта речь успокоительно подействовала на бедных лунатиков. Постепенно они утешились и перестали плакать. Все сразу повеселели и заговорили. Со всех сторон только и слышалось:

— Поживем, братцы, — увидим! Сыты будем — как-нибудь проживем!

Только Козлик все хмурился.

— Нашли утешение! — ворчал он. — И баран проживет, если сыт будет! Бежать надо отсюда.

— Как же ты убежишь? — спросил Незнайка.

— Отсюда, конечно, не убежишь, а вот приедем на остров, так надо не сидеть сложа руки, а сделать лодку да уплыть.

Скоро корабль отчалил от берега, и началось плавание. Путь был долог и труден. Два дня и две ночи корабль бросало по волнам. Коротышки, которые до того и вблизи не видели моря, боялись, что корабль вот-вот опрокинется и пойдет ко дну. В течение двух суток они не могли заснуть ни на минуту и к концу плавания еле на ногах держались. На третий день корабль наконец вошел в тихую, спокойную бухту, и измученных коротышек выпустили из сырого, мрачного трюма.

Бедняжки испустили радостный крик, увидев зеленый берег с растущими пальмами, персиками, бананами, ореховыми и апельсиновыми деревьями. Уже и то хорошо казалось, что наконец можно было ступить на твердую почву и не чувствовать, как под ногами все ходуном ходит. С диким визгом и гиканьем коротышки высыпали на берег и взапуски побежали к деревьям. Там они начали скакать и плясать от радости, рвать бананы и финики, персики и апельсины, сбивать палками орехи с деревьев. Наевшись досыта, они принялись качаться на качелях, которые во множестве были устроены между деревьями, вертеться на каруселях и чертовых колесах, спускаться на ковриках с деревянных горок и спиральных спусков.

Неожиданно послышались удары колокола. Недолго думая коротышки бросились в ту сторону, откуда доносился звон, и увидели здание столовой с большими, открытыми настежь окнами. У дверей стоял повар в белом колпаке и звал всех обедать. Есть, однако же, никому не хотелось, так как все насытились фруктами. Коротышки в раздумье остановились у входа, но в это время послышался звон с другой стороны. Бросившись, словно по команде, в другую сторону, они увидели здание кинотеатра, облепленное сверху донизу цветными афишами. На самой большой афише было написано огромными буквами:

«Убийство на дне моря, или Кровавый знак. Новый захватывающий

кинофильм из жизни преступного мира с убийствами, ограблениями, утоплениями, бросаниями под поезд и растерзаниями диких зверей. Только в нашем кинотеатре. Спешите видеть!»

Сообразив, что сейчас начнется киносеанс, коротышки бросились занимать места. Не успели они усесться, как погас свет и на экране забегали, заметались различные подозрительные личности в масках и без масок, с ножами, финками, кинжалами и пистолетами в руках. Тут же появились вооруженные до зубов полицейские. Как те, так и другие преследовали друг друга, пользуясь всевозможными средствами передвижения: автомобилями, автобусами, вертолетами, самолетами, поездами, катерами, пароходами, подводными лодками. Все поминутно падали, куда-то проваливались, шлепались в воду, тонули сами и топили других, дрались чем попало, палили друг в друга из пистолетов и автоматов. Бедные зрители визжали от страха, глядя на все эти ужасы.

Шум в зале, однако, становился все тише и постепенно совсем утих. Коротышки, измученные дальней дорогой, один за другим уснули прямо на своих местах, не дождавшись конца картины. Нужно сказать, что места в кинотеатре были устроены на манер мягких кресел с откидными спинками, какие бывают в автобусах дальнего следования. Откинув спинку назад, можно было удобно улечься и спать, словно в кровати, не выходя из кино. Все устали настолько, что проспали весь день и всю ночь и проснулись лишь на следующее утро.

Услышав колокол, призывавший к завтраку, коротышки вскочили на ноги и помчались в столовую. С аппетитом позавтракав, они выбежали из столовой и принялись играть в прятки, салочки, чехарду и другие интересные игры. Часть из них побежала к качелям и каруселям, другая часть, услышав звонок, вернулась в кинотеатр, сеансы в котором начинались с самого утра, вернее сказать, тотчас после завтрака.

Гоняясь друг за дружкой по апельсиновой роще, коротышки обнаружили среди деревьев полянку с большой четырехугольной площадкой для игры в шарашки. Здесь же был обнаружен целый набор деревянных молотков с длинными ручками и пара шарашек, то есть все, что требуется для этой увлекательной подвижной игры. Нужно сказать, что шарашкой у лунатиков называется большой деревянный шар, величиной с коротышечью голову. Таких шарашек для игры употребляется две: черная и белая. Играющие делятся на две команды по дюжине игроков. Первая дюжина, вооружившись деревянными молотками, гоняет белый шар по всему полю, стараясь загнать его в ямку, имеющуюся в центре площадки, и не допустить в то же время, чтобы вторая команда загнала в эту же ямку черный шар. Выигрывает, разумеется, та команда, которая первой загонит в ямку свой шар.

Эта на первый взгляд бесхитростная игра на самом деле очень увле-

кательна и пользуется широкой популярностью среди лунатиков. Как и всякая игра, игра в шарашки имеет свои правила, а также свою тактику и стратегию. Правила заключаются в том, что игроки не имеют права бить друг друга деревянными молотками по ногам и по головам; все остальное разрешается: можно придерживать шарашку, наступая на нее ногой, можно выбивать ее за линию площадки, можно отталкивать противника плечом или рукой. Тактика и стратегия заключаются в том, что капитан команды может поделить своих игроков на два отряда: отряд нападающих и отряд защитников. Задачей нападающих является — загнать в ямку шарашку соперников; задача защитников — защитить свою шарашку от чужих игроков. Иногда капитан делит команду поровну, и такая система игры называется «6 на 6». Иногда он считает нужным назначить в нападающий отряд семь игроков, а в защите оставить лишь пять. В таком случае система игры называется «7 на 5». Бывает также система «8 на 4», а также система «12», то есть когда капитан вовсе не делит на отряды команду. Правда, и в этом случае игроки заранее улаиваются между собой, кто из них будет играть в защите, кто в нападении, но по ходу игры меняются между собой ролями, чтоб сбить с толку противников. Ясно без слов, что обилие стратегических приемов делает эту игру до чрезвычайности интересной.

Как только площадка была обнаружена, организовались сразу четыре команды шарашников, но поскольку все четыре не могли принимать участия в игре, то играли лишь две команды, а две другие стали ждать своей очереди. Правда, в этот день они так ничего и не дождались, зато на следующее утро проснулись пораньше и захватили площадку на весь день в свои руки. С тех пор в шарашки играли те, кто раньше проснется и раньше других добегит до площадки. Кончилось тем, что самые заядлые игроки решили не покидать даже на ночь площадку, а ложились спать тут же. Это им нипочем было, тем более что климат на Дурацком острове очень теплый, дождей почти не бывает и спать можно хоть под открытым небом. Таким образом, осталось только две команды шарашников, зато играли они с утра до вечера, не зная, как говорится, ни отдыха, ни срока.

К тому времени и все остальные коротышки разделились, если можно так выразиться, по интересам. Помимо шарашников, здесь были карусельщики, колесисты, чехардисты, киношники, картежники и козлисты. Нетрудно догадаться, что карусельщиками называли тех коротышек, которые по целым дням вертелись на каруселях; колесистами — тех, что предпочитали вертеться на чертовом колесе. Чехардисты, естественно, были те, которые не признавали ничего, кроме игры в чехарду. Козлисты день-деньской сидели за столиками и изо всех сил стучали костяшками домино, играя в «козла». Картежники, расположившись партиями по

четыре, сидели на травке и играли в карты, преимущественно в подкидного дурака. Наконец, киношники с утра и до ночи сидели в кинотеатре и сеанс за сеансом смотрели различные кинофильмы. Нечего, конечно, и говорить, что такое однообразие в занятиях притупляло умственные способности коротышек, исподволь подготавливая переход их в животное состояние.

Считалось, между прочим, что просмотр кинофильмов является более интеллектуальным, то есть более полезным для ума занятием, нежели игра в шарашки или в «козла». Это, однако, ошибка, так как содержание фильмов было слишком бессмысленным, чтобы давать какую-нибудь пищу для ума. Глядя изо дня в день, как герои всех этих кинокартин бегали, прыгали, падали, кувыркались и палили из пистолетов, можно было лишь поглупеть, но ни в коем случае не поумнеть.

Нужно сказать, что Незнайка и Козлик также не избежали общего увлечения и по целым дням торчали в кинотеатре, неподвижно сидя на креслах и с утра до вечера пялясь на киноэкран. Однажды под вечер они вдруг почувствовали, что их спины словно одеревенели от неподвижности и даже не разгибаются, так что ни тот, ни другой не могли встать с места. Страшно перепугавшись, Незнайка и Козлик умудрились как-то соскочить со своих кресел на пол и, не разгибая спины, на четвереньках выползти из кинотеатра на воздух. Поползав на четвереньках по травке, они кое-как распрямили свои позвоночники и поднялись на ноги. Первое время они ошалело смотрели друг на друга, словно не понимали, в чем дело. Наконец у Незнайки на лице появилось осмысленное выражение, и он сказал:

— Слушай, Козлик, когда же мы с тобой будем лодку делать?

— Какую лодку? — с недоумением спросил Козлик.

— Ну, не знаешь, какие лодки бывают? На которой по воде плавать.

— А зачем нам по воде плавать?

— Так мы же собирались удрать с этого Дурацкого острова.

— Ах, это! — воскликнул Козлик. — Ну что ж, завтра начнем делать лодку.

Назавтра они, однако, забыли, что собирались делать лодку, и с утра побежали качаться на качелях, вертеться на каруселях и спускаться с горки на ковриках. Эти занятия так увлекли их, что всякие мысли о побеге снова вылетели у них из головы, и дни потекли по-прежнему. Правда, Незнайка иной раз к концу дня спохватывался и говорил:

— Ой, Козлик, чувствую, что мы с тобой превратимся в баранов!

— Да что ты! — махал руками Козлик. — До сих пор не превратились, и дальше не превратимся. Кто это сказал? Никто не сказал. Поживем — увидим.

— Так ведь будет поздно, когда увидим.

— Ну ладно, завтра начнем делать лодку.

Но опять приходило завтра, и все оставалось как было. Козлик, увлеченный катаньем, качаньем, верчением и прочими развлечениями, уже и слышать ничего не хотел о побеге. Едва только Незнайка открывал рот, чтобы напомнить о лодке, Козлик нетерпеливо махал рукой и кричал:

— Завтра!

Кончилось тем, что и Незнайка перестал вспоминать о лодке.

Однажды друзья с утра забрались на карусель и довертелись до того, что Незнайка почувствовал головокружение и свалился на землю. С усилием поднявшись на ноги и пошатываясь словно пьяный, он принялся бродить по апельсиновой роще. Перед глазами у него все было словно в тумане. Через некоторое время он вышел на опушку рощи и увидел вдали плотный деревянный забор, покрашенный голубой краской. Не понимая, как попал сюда, Незнайка остановился и в это время услышал какие-то странные звуки, доносившиеся из-за забора:

— Бэ-э-э! Мэ-э-э!

Решив узнать, какое существо издает эти странные звуки, Незнайка подошел к забору и хотел заглянуть в щель, но это ему не удалось, так как доски забора были пригнаны плотно. Недолго думая он ухватился за верхушки досок руками и залез на забор. Перед его взором открылся зеленый луг, недалеко тек ручей, а за ним чернел лес. На лугу, сбившись кучей, паслось стадо белых барашков. Два рыжих кудлатых пса стерегли их. Как только какой-нибудь из барашков отбивался от стада, собаки с лаем бросались к нему и загоняли обратно.

У забора, поблизости от Незнайки, словно стог сена возвышалась куча бараньей шерсти. Несколько коротышек сидели на корточках возле кучи и, вооружившись большими ножницами, стригли баранов. Бедные животные покорно лежали на земле со связанными ногами и не издавали ни звука. Закончив стрижку, один из коротышек развязал барашка и, подхватив под животик рукой, поставил на ноги. Неловко переставляя затекшие от неподвижности ножки, барашек заковылял к стаду. Без своей пышной шубейки он казался чрезвычайно худеньким и до того комичным, что Незнайка, глядя на него, едва удерживался от смеха. Барашек между тем остановился и, повернув голову набок, жалобно заблеял:

— Бэ-э-э!

«Так вот кто здесь кричит!» — сообразил Незнайка.

От этой мысли ему почему-то стало не по себе.

В это время послышался шум мотора, и Незнайка увидел, что к шерстяной куче подкатила грузовая машина. Коротышки оставили стрижку и принялись грузить шерсть в кузов. Шофер увидел Незнайку и весело замахал рукой.

— Эй, а тебе тоже сюда захотелось? — закричал он. — погоди, скоро и тебя остригут! Ха-ха-ха!

От этого смеха у Незнайки пробежал по спине холодок. Мигом вспомнились ему все рассказы о том, что делается с бедными коротышками на Дурацком острове. Оторопев от испуга, он соскользнул с забора и, не чуя под собой ног, побежал обратно.

— Стойте, братцы! — закричал он, подбежав к коротышкам, которые вертели на карусели. — Стойте! Надо бежать скорее!

Видя, что его никто не слушает, Незнайка схватил Козлика за шиворот и стащил с карусели. У бедняги Козлика от долгого верчения голова пошла кругом, и он присел, ухватившись руками за землю. Сколько ни тащил его Незнайка кверху за шиворот, он продолжал стоять на четвереньках, издавая какие-то мычащие звуки.

— Козлик, миленький, надо бежать, голубчик! — закричал Незнайка в отчаянии.

Козлик поглядел на него помутившимся взглядом и сказал заплетающимся языком:

— Послушай, Незнайка, я до того зар-вер-вер-вертелся, что ни бэ ни мэ не могу сказать.

Пролепетав эти слова, он залился бессмысленным смехом, потом пополз на четвереньках и принялся громко кричать:

— Бэ-э-э! Мэ-э-э!

— Козлик, миленький, не надо! Не надо! — взмолился Незнайка.

Схватив обезумевшего Козлика на руки, Незнайка побежал с ним к берегу моря. Ему казалось, что Козлик вот-вот превратится в барашка и тогда его уже ничто не спасет. Скоро они были на опушке пальмовой рощи. Сквозь редкие стволы деревьев засверкала искристая поверхность моря. Вдали виднелась пароходная пристань — с высокой мачтой, верхушка которой была украшена развевающимся на ветру флагом. Напрягая последние силы, Незнайка выбежал на морской берег и в изнеможении упал на песок. Руки его сами собой разжались, и он потерял сознание.

Очутившись на берегу моря, Козлик некоторое время с недоумением озирался по сторонам. Прохладный морской ветерок освежил его, и голова у него перестала кружиться. Постепенно он понял, что сидит не на карусели, а на обыкновенном морском берегу. Рядом, раскинув руки, лежал Незнайка. Глаза у него были закрыты.

«Спит», — решил Козлик.

И он стал глядеть на волны, которые с шипением и рокотом ритмично накатывались на отлогий песчаный берег и, постепенно смолкая, убегали обратно в море. Неизвестно, сколько бы просидел Козлик, любясь на волны, если бы его взгляд не заметил вдали темное пятнышко

величиной с блоху. Сначала ему показалось, что какая-то птица реет над морем, но пятнышко постепенно приближалось, и скоро уже было ясно, что это не птица. Козлику стало казаться, что это не то дирижабль, не то самолет, но прошло еще немного времени, и он убедился, что это был пароход.

— Что за чудеса! — в изумлении пробормотал Козлик. — С каких это пор пароходы летают по воздуху?

Он принялся тормошить за плечо Незнайку. Увидев, что Незнайка не просыпается, Козлик страшно перепугался и принялся брызгать ему в лицо холодной водой. Это привело Незнайку в чувство.

— Где я? — спросил он, открывая глаза.

— Гляди — пароход! — закричал Козлик.

— Где пароход? — спросил Незнайка, приподнимаясь с земли и окидывая взглядом море.

— Да не там. Вон, вверх, — показал Козлик пальцем.

Незнайка задрал голову кверху и увидел паривший в воздухе пароход

с трубами, мачтами, якорями и спасательными шлюпками, подвешенными над палубой. Незнайка застыл на месте от удивления. Пароход приближался, быстро вырастая в размерах. Уже на борту его можно было различить коротышек. Замирая от страха, Незнайка и Козлик смотрели на приближающуюся к ним громаду. От испуга у Козлика сам собою раскрылся рот, а глаза сделались совершенно круглыми. Он хотел что-то сказать, но слова застряли где-то посреди горла. Наконец ему удалось выдать из себя:

— Что это?.. Почему это?..

— Невесомость! — закричал вдруг Незнайка. — Это не иначе, как Знайка. Я так и знал, что он прилетит к нам на выручку! Ура!

Он подбросил кверху свою шляпу и от радости принялся скакать по берегу.

Пароход тем временем описал дугу над пристанью и плавно опустился на воду. Незнайка и Козлик, взявшись за руки, бросились бежать к пристани. Не успели они подняться по лесенке, как увидели, что с корабля сходят по трапу Знайка, доктор Пилюлькин, Винтик, Шпунтик, Пончик и несколько незнакомых лунатиков. От волнения сердце бешено заколотилось у Незнайки в груди, и он остановился, не смея ступить дальше ни шагу, только пробормотал:

— Кажется, мне сейчас распеканция будет!

Знайка в сопровождении остальных коротышек подошел к Незнайке.

— Ну, здравствуй, — сказал он, протянув руку.

— А вы что же, голубчики, не могли прилететь раньше? — сказал Незнайка, даже не ответив на приветствие Знайки. — Мы тут их ждали, ждали, чуть не превратились в баранов, а им хоть бы что! Тоже спасители называются!

— Я с тобой, дураком, и разговаривать после этого не хочу! — сердито ответил Знайка.

— Ты бы лучше сказал спасибо, что хоть теперь прилетели, — сказал доктор Пилюлькин. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Тогда марш сейчас же на пароход, а то здесь воздух, говорят, очень вредный. Нельзя находиться долго.

— Ну, капельку еще побыть здесь, я думаю, можно, — ответил Незнайка. — Мне ведь нужно остальных коротышек спасти. Нас сюда много приехало.

— Это мы и без тебя сделаем, — сказал доктор Пилюлькин.

— Нет, нет, братцы, без меня вы еще что-нибудь перепутаете, забудете кого-нибудь. Я сам должен всех разыскать. И еще вот что: нет ли у вас лишнего приборчика невесомости?

— Это для чего еще? — спросил Винтик.

— Я вот какую штуку придумал, — ответил Незнайка. — Мы зароем прибор невесомости на острове в землю, тогда вокруг образуется зона невесомости. Воздух над этой зоной уже не будет ничего весить и начнет подниматься вверх, а на его место со всех сторон будет поступать свежий морской воздух. Таким образом атмосфера на острове очистится, и никто уже не будет превращаться в баранов.

— Гляди-ка, — сказал восхищенно Шпунтик, — наш Незнайка тоже изобретателем стал.

— А что ты думаешь? За последнее время я просто ужас до чего поумнел. А свой метод очистки воздуха я придумал, еще когда сюда на пароходе ехал. В трюме, понимаешь, нечего было делать, вот я и принялся придумывать разные штучки.

— Ну ладно, — ответил Винтик. — Прибор невесомости у нас для тебя найдется. Кроме того, я вижу, тебе и ботинки понадобятся. Ну, это на пароходе получишь, а сейчас веди-ка нас и показывай, где коротышки, пока кто-нибудь из них на самом деле не превратился в барана.

Глава тридцать пятая ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН

После того как скуперфильдовские рабочие овладели невесомостью и прогнали со своей фабрики Скуперфильда, все только и говорили об этом. Рабочие других фабрик тоже приезжали к космонавтам, а вернувшись, устраивали на своих фабриках невесомость. На некоторых фабриках рабочие до того осмелели, что даже без всякой невесомости брали власть в свои руки и прогоняли хозяев.

Полиция до такой степени была напугана всем происходящим, что перестала выступать против рабочих. Многие полицейские выбрасывали свои ружья и пистолеты, закапывали в землю свои полицейские мундиры и каски и, одевшись как обыкновенные коротышки, нанимались работать на фабрики и заводы. Они говорили, что это гораздо приятнее, чем летать сломя голову по воздуху в состоянии невесомости, получая ожоги, ранения и увечья.

Рабочие за свою работу теперь стали получать значительно больше, так как им уже не нужно было отдавать богачам часть своего заработка; товары же сильно подешевели. Поэтому каждый и питаться стал лучше, и покупал больше товаров. Поскольку товаров стало требоваться больше, все фабрики начали увеличивать выпуск продукции, а для этого им понадобилось больше рабочих. Безработных скоро совсем не стало, так как все, кто хотел работать, получали работу. В лакеях у богачей теперь никто не хотел служить. От них удрали и служанки, и горничные, и

прачки, и швейцары, и полотеры, и в первую очередь повара. Все повара и поварихи предпочитали теперь работать в столовых и ресторанах, где они были сами себе хозяева. Столовых же и ресторанов с каждым днем становилось больше, так как многим теперь не хотелось затевать стряпню у себя дома. У каждого хватало денег, чтоб пообедать в ресторане или принести обед из столовой.

Бедняга Скуперфильд, который растерял все свои капиталы еще до того, как у него отобрали фабрику, не знал, как ему теперь быть. Сначала он ходил обедать к своим знакомым, но потом убедился, что знакомым это особенного удовольствия не доставляет, и кончил тем, что поступил работать на свою бывшую макаронную фабрику. Никто не препятствовал ему в этом. Все знали, что макаронное дело он любит, и надеялись, что работать он станет исправно и добросовестно.

После того как Скуперфильд проработал несколько дней подручным на тестомешалке, ему поручили работу на макаронном прессе. Здесь обязанностью Скуперфильда было следить, как из макаронного пресса бесконечным пучком лезли макаронные трубочки, и регулировать их плотность и толщину. Если тесто становилось слишком жидким — а это сразу отражалось на толщине трубочек, — он давал сигнал тестомешальщикам подбавить муки; если же тесто становилось слишком густым, он давал сигнал прибавить водички. Как только трубочки достигали надлежащей длины, Скуперфильд нажимал кнопку, в результате чего приходил в движение электрический нож и разрезал трубочки, которые падали в паровой котел, где их обдавало влажным горячим паром, после чего они попадали на конвейер, который тащил их в сушилку. Поработав у макаронного пресса с недельку, Скуперфильд придумал пристроить к прессу небольшое колесико с выступом. Колесико, вращаясь, время от времени нажимало на кнопку выступом и тем самым автоматически включало электрический нож. Благодаря этой рационализации Скуперфильду уже не нужно было нажимать каждый раз на кнопку, когда макарона достигала необходимой длины, и он смог работать уже не на одном, а сразу на двух прессах. Он говорил, что на этом не остановится и добьется того, чтоб машина автоматически регулировала густоту макаронного теста и сама добавляла сколько нужно муки и воды. Теперь, когда работать приходилось ему самому, Скуперфильд хорошо понял, как важно облегчать труд рабочего. В общем, работать ему понравилось, тем более что вокруг всегда были коротышки, с которыми можно было поговорить, перекинуться шуткой, посоветоваться о каком-нибудь деле.

Теперь, окончив свой трудовой день, он часто покупал большую булку и, сунув ее под мышку, отправлялся гулять в зоопарк. Он очень любил смотреть на животных, особенно на водоплавающих птиц. Увидев плавающих посреди пруда уток, он смеялся от радости и кричал:

— Смотрите, утки! Утки!

И принимался бросать кусочки булки на берег пруда. Утки сейчас же подплывали к берегу и начинали клевать угощение. Со временем они так привыкли к этому, что стали узнавать Скуперфильда и, завидев издали его черный цилиндр, спешили к берегу, что приводило Скуперфильда в умиление. Скормив уткам полбулки, он говорил обычно:

— Теперь идите, миленькие, поплавайте, а завтра я вам еще принесу.

И уходил на площадку молодняка. Там он отдавал остатки булки маленьким медвежатам и, если поблизости публики было немного, просил у сторожа разрешения погладить кого-нибудь из зверят. Сторож иногда разрешал. Тогда Скуперфильд перелезал через ограду, гладил всех зверушек по очереди и, поцеловав на прощание какого-нибудь хорошенького медвежонка, совершенно счастливый отправлялся домой.

В дни отдыха он уезжал с кем-нибудь из своих новых приятелей за город: в лес или на реку. Там он дышал свежим воздухом, слушал пение птичек, глядел на цветочки. Со временем он запомнил названия многих цветов, и для него они были теперь не просто синенькие, красненькие или желтенькие цветочки, а незабудки, ромашки, кувшинки, ландыши, колокольчики, ноготки, фиалочки, одуванчики, васильки, мускарики или анютины глазки. С тех пор как Скуперфильд стал называть цветочки по

именам, они сделались для него как бы близкими и родными, и он ещё больше радовался, когда видел их.

— Как прекрасен мир! — говорил он. — Как хороша природа! Раньше я ничего этого не видел: ни цветов, ни травки, ни милых пичужек, ни красивой реки с ее чудесными берегами. Мне всегда было некогда. Я только и думал, как бы нажить побольше денег, а на все остальное у меня не оставалось времени, провалиться мне на этом самом месте, если я вру! Зато теперь я знаю, что настоящие ценности — это не деньги, а вся эта красота, что вокруг нас, которую, однако, в карман не спрячешь, не съешь и в сундук не запрешь!

Многие богачи, которые вместе с фабриками потеряли также свои доходы, вынуждены были поступить на работу и в конце концов поняли, что это даже лучше, чем по целым дням и ночам трястись над своими капиталами, теряя сон и аппетит и думая лишь о том, как бы облапошить кого-нибудь и не дать другим облапошить себя.

Были, однако же, богачи, которые хотя и потеряли заводы и фабрики, но зато сохранили свои капиталы. Рабочие считали, что эти деньги по праву принадлежат народу, так как богачи нажили их обманным путем, заставляя работать на себя других. Поэтому рабочие издали приказ все эти несправедливо нажитые денежки сдать в общую кассу и построить на них большие театры, музеи, картинные галереи, стадионы, плавательные бассейны, больницы и прогулочные пароходики.

Пришлось богачам сдавать свои капиталы в общую кассу. Некоторые из них, однако, схитрили и часть своих денег припрятали для себя. Среди подобного рода хитрецов оказался и всемирно известный мануфактурщик Спрутс. Никто не знал в точности, сколько у него денег. Поэтому половину своего капитала он сдал, а другую половину оставил себе. Он рассчитывал, что, имея денежки, ему можно будет жить по-прежнему, не трудясь.

Жить, однако же, без труда и оставаться честным вообще невозможно. Каждый коротышка нуждается в услугах других, — значит, и сам должен что-нибудь для других делать. Спрутс же захотел устроиться так, чтоб ничего для других не делать, а чтоб только другие делали для него. Ему в первую очередь надо было, чтоб кто-нибудь варил для него обед, но так как все слуги от него убежали, то он стал ходить обедать в столовую. Сначала его там кормили, но в один прекрасный день к нему подошел главный повар и сказал:

— Слушайте, Спрутс, мы вот работаем на вас, готовим для вас разные кушанья, а вы для нас ничего не делаете, нигде не работаете, только едите.

— Но я же плачу за еду деньги, — возразил Спрутс.

— Откуда же у вас деньги, если вы нигде не работаете? Вы, стало быть, не все награбленные у народа денежки сдали?

Спрутс, конечно, не мог признаться, что утаил часть денег, и он сказал:

— Нет, я все сдал. У меня осталось лишь несколько фертингов, но я их уже проел и теперь буду работать.

С тех пор он решил не ходить больше в столовую, а закупил в магазине яиц, картошки и других разных продуктов и понес все это домой. Половину яиц он разбил по дороге, а из другой половины решил сделать яичницу, но зазевался, и яичница у него сгорела на сковороде. Тогда он принялся варить в горшке картошку, но картошка разварилась, и из нее получилась какая-то несъедобная слизь вроде клейстера, который употребляется для приклеивания обоев. Словом, за что он ни брался, у него каждый раз получалось не то, что надо, а то, что надо, почему-то не получалось. Все, что он варил, ему приходилось есть либо в недоваренном, либо в переваренном виде, а все, что жарил, он съедал недожаренным или пережаренным, а не то и вовсе сырым или горелым. От такой пищи у него часто болел живот, и от этого он был злой, как пес.

В доме у него был, как говорится, свинушник, так как наводить чистоту теперь было некому, а самому Спрутсу было лень работать щеткой и шваброй. К тому же он не любил мыть посуду. Позавтракав, пообедав или поужинав, он ставил грязную посуду куда-нибудь на пол в угол, а на следующий день брал из шкафа чистую посуду. Поскольку посуды у него было много, то все углы скоро были завалены грязными чашками, блюдами и стаканами, ложками, вилками и ножами, тарелками, мисками, соусницами, чайниками, кофейниками, молочниками, салатницами, графинами, старыми консервными банками и бутылками разных форм и размеров. На столах, на подоконниках и даже на стульях громоздились покрытые сажей горшки, чугуны, кастрюли, судки, котелки, противни, сковородки с остатками испорченных блюд. На полу всюду валялись лимонные и апельсиновые корки, банановая кожура, яичная и ореховая скорлупа, обрывки бумаги, пустые пакеты, засохшие и покрытые зеленоватой плесенью хлебные корки, яблочные огрызки, куриные кости, селедочные хвосты и головки. Нужно сказать, что эти хвосты и головки и даже целые рыбы скелеты можно было увидеть не только на полу, но и на стульях, столах, шкафах, подоконниках, книжных полках, а также на спинках диванов и кресел.

Все это обилие пищевых остатков издавало неприятный запах и привлекало полчища мух. Господин Спрутс сидел среди всей этой дряни, надеясь, что новые порядки не продержатся долго, что постепенно все возвратится к старому и вернувшиеся к нему слуги наведут в доме чистоту и порядок. Время, однако, шло, перемен не было, а господин Спрутс все еще продолжал на что-то надеяться, не замечая, что сидит уже по самые уши в грязи.

Но беда, как иногда говорится, не является в одиночку. Скоро у Спрутса кончились запасы угля, а так как топить печи чем-нибудь надо было, он принялся жечь мебель. Помимо ворохов всяческой дряни, на полу теперь валялась обивка, содранная с диванов и кресел, а также выдранные из них пружины и войлок, обломки кушеток, зеркальных шкафов и стульев. В общем, вид вокруг был такой, будто в доме разорвалась фугасная бомба или произошло сражение.

Но Спрутс даже как будто и не замечал произведенного им же самим разгрома. Время от времени он совершал из дому вылазки, чтобы пополнить запасы продуктов. Делать это было, однако, не очень легко, поскольку личность он был известная: как-никак бывший миллиардер, председатель большого бредлама, владелец многочисленных сахарных заводов и знаменитой Спрутсовской мануфактуры. До недавнего времени его фотографии печатались чуть ли не ежедневно в газетах, и поэтому все его хорошо знали. Как только он появлялся в каком-нибудь магазине, продавцы и продавщицы сейчас же начинали над ним посмеиваться, отпускать по его адресу разные шуточки; некоторые даже просто говорили, что пора бы ему уже перестать дурить и, вместо того чтобы жить на ворованные деньги, поступить куда-нибудь на работу и сделаться честным коротышкой.

— Смотрите, господин Спрутс, — говорили ему, — постарайтесь, голубчик, исправиться, а если будете продолжать дармоедничать, не будем отпускать вам продукты.

В ответ на это Спрутс обычно отделялся молчанием и только сердито сопел или же говорил, что он вовсе не Спрутс, а какой-то другой коротышка, что вызывало со стороны продавцов новые шуточки. Все это чрезвычайно сердило Спрутса, а так как насмешки не прекращались и с каждым днем становились злей, он решил как можно реже появляться на улице и вылезал из дому только в случае крайней необходимости.

Однажды вечером, когда Спрутс сидел дома, в дверь постучал кто-то. Спустившись по лестничке и открыв дверь, Спрутс увидел при свете уличного фонаря коротышку со смуглым, широкоскулым лицом, украшенным небольшими черными, аккуратно причесанными усиками, такой же небольшой черной остроконечной бородкой и узенькими, беспокройно шмыгающими по сторонам черными глазками.

Это лицо показалось Спрутсу совсем незнакомым, но, когда пришедший сказал, что его зовут Жулио, Спрутс начал припоминать, что уже где-то слышал его имя.

Пригласив Жулио в комнату, Спрутс сказал:

— Ваше имя, кажется, мне знакомо. Не можете ли вы напомнить, где мы с вами встречались?

— Встречались? Нет, — ответил Жулио, с удивлением разглядывая громоздившиеся вокруг залежи мусора, обломки мебели и рыбы скелеты. — Я лишь имел возможность оказать вам услугу, когда вы захотели разделаться с Обществом гигантских растений.

— Ах, верно! — воскликнул Спрутс. — Однако, помнится, вы тогда недешево содрали с меня за эту услугу; три миллиончика фертингов, если не ошибаюсь.

— Не три, — хладнокровно ответил Жулио. — Разговор шел о двух миллионах. Впрочем, мне-то от этих миллионов ровным счетом ничего не досталось, так как эта скотина Скуперфильд треснул меня палкой по голове, а эти двое животных Мига и Крабс бросили меня одного в лесу и скрылись со всеми деньгами. С тех пор я скитаюсь по свету, стараясь отыскать это животное Мигу, а теперь вот решил обратиться к вам, надеясь узнать, где можно увидеть эту скотину Крабса.

— К сожалению, я не могу удовлетворить ваше любопытство, так как скотина Крабс давно сбежал от меня, прихватив с собой около миллиона моих собственных денег, — ответил Спрутс.

— В таком случае, не можете ли вы дать мне поужинать, так как если я не удовлетворю чувство голода, то могу совершить преступление: я с утра еще ничего не ел, — пояснил Жулио.

— Могу угостить вас только яичницей, — сухо пробормотал Спрутс.

Отправившись с гостем на кухню, Спрутс разломал пару стульев и растопил печь, после чего расколотил яйцо, но, вместо того чтоб выпустить его на сковородку, выпустил его на собственные штаны. Решив, что если дело пойдет так дальше, то ему вовсе не придется поужинать, Жулио отнял у Спрутса яйца и принялся за дело сам. Выбрав сковороду побольше, он соорудил гигантскую яичницу из двух десятков яиц, и они со Спрутсом уселись ужинать. Спрутс ел и только похваливал, так как ему уже давно не приходилось есть так хорошо приготовленную яичницу.

Сообразив, что Жулио может оказаться для него полезен, поскольку мог бы ходить за продуктами и помогать готовить обед, Спрутс предложил ему поселиться вместе. Жулио согласился, и с тех пор жизнь Спрутса приобрела более организованный характер. Доставку продуктов из магазинов Жулио целиком взял на себя, завтраки же, обеды и ужины они готовили вместе, причем Спрутс производил более грубую работу, то есть «делал» дрова из мебели, разжигал огонь в топке, чистил картошку, лук, репу, месил тесто; Жулио же осуществлял общее руководство и следил за качеством изготавливаемых блюд.

Кроме заботы о пище, Жулио проявил также заботу о чистоте.

— У вас, голубчик, в этой комнате слишком много скопилось дряни, — сказал он однажды Спрутсу. — Однако убирать здесь не стоит. Мы попрос-

ту перейдем в другую комнату, а когда насвиним там, перейдем в третью, потом в четвертую, и так, пока не загадим весь дом, а там видно будет.

Поскольку топить лишний раз печь им было лень, а по ночам бывало зябко, Жулио придумал спать не на кроватях, а в сундуках. Забравшись вместе с периной в сундук и закрывшись в нем крышкой, можно было согреть дыханием воздух и спать, не ощущая холода.

В те времена как для господина Жулио, так и для господина Спрутса самым большим удовольствием было усестись вечером, после дневных забот, у телевизора и начать проклинать новые порядки. По телевидению тогда часто показывали рабочих, которые теперь самостоятельно, без господ управляли своими фабриками и заводами. Особенный интерес представляло то, что многие производственные процессы протекали теперь в состоянии невесомости. Господин Спрутс и господин Жулио невольно подсчитывали, какие выгоды могли бы иметь богачи, если бы невесомость досталась им, а не рабочим, и это прямо-таки выводило их из себя. Но больше всего выводили их из себя разговоры о гигантских

растениях, которые и на самом деле росли не по дням, а по часам. Не проходило дня, чтоб по телевидению теперь не показывали зреющих гигантских огурцов, помидоров, капусты, свеклы, арбузов, дынь, которые к тому же были посажены на землях, отобранных у богатей. И Спрутсу и Жулио становилось не по себе, когда они видели высоченные колосья наливающейся земной пшеницы.

— Вот она! Вот она где, погибель наша, растет! — говорил, брызгая слюной, Спрутс и грозился кулаком на экран телевизора.

— Все пропало! — горестно махал рукой Жулио. — Теперь уже нет никакой надежды на возвращение старого!

Однажды диктор объявил, что скоро будет передача из Космического городка, который построили прилетевшие космонавты. Спрутс и Жулио едва усидели на стульях, до того им не терпелось поскорей увидеть своих врагов. Наконец на экране появился Знайка. Он представил телезрителям своих друзей-космонавтов, с которыми прилетел на Луну, показал несколько маленьких уютных домиков, которые космонавты построили для себя сами. Зрители даже увидели один такой домик внутри. Потом были показаны различные научные приборы, и Фуксия рассказала о той научной работе, которая проводилась космонавтами на Луне. Тюбик показал лунатикам несколько земных пейзажей, которые он нарисовал тут же, и рассказал, чем отличается жизнь на Большой Земле от жизни на Луне. После него выступил Гуся, который сыграл на флейте несколько мелодий, чтоб познакомить лунатиков с музыкой, которая в ходу у земных коротышек.

После музыкального антракта телезрителям был показан опытный огород с созревающими овощами, среди которых особенно выделялись гигантские арбузы.

Знайка сказал, что все овощи выросли размером не меньше, а даже немного больше, чем обычно вырастают на Большой Земле, что можно объяснить меньшей силой тяжести на Луне. За огородом было пшеничное поле, которое лунатики приняли вначале за какой-то фантастический гигантский лес. Наконец телезрителям была показана космическая ракета, на которой был произведен беспримерный межпланетный полет. Ракета уже не стояла, как прежде, на открытом воздухе, а была помещена в специальный ангар, который был построен позади пшеничного поля.

Как только Спрутс увидел ракету, он даже побледнел от злости.

— Все из-за этой треклятой ракеты! — прошипел он. — Если бы у меня был динамит, я бы ее тут же взорвал без всякого сожаления! Если бы не эта ракета, у нас все было бы по-прежнему и мы жили бы в свое удовольствие, вместо того чтоб торчать здесь и с утра до вечера заниматься этой противной стряпней!

— У меня есть динамит, то есть я могу достать, — сказал Жулио.

И он принялся рассказывать Спрутсу, что когда-то у него был магазин разнокалиберных товаров, в котором он вел большую торговлю ружьями, пистолетами, порохом, пироксилином, динамитом и другими взрывчатыми веществами.

— Впоследствии я продал свой магазин, — сказал Жулио, — но так как мне спешно нужно было выехать из Давилона, то я не успел вывезти всех товаров, и у меня в тайнике на складе осталось несколько бочек пороха и два ящика с отличнейшим динамитом. Я уверен, что об этом тайнике никто ничего до сих пор не знает, и мы с вами можем проникнуть в него, но для этого потребуются съездить в Давилон.

— Завтра же поедem! — вскричал Спрутс, вскакивая от нетерпения со стула. — Я им покажу! Я этого больше терпеть не буду! Я их всех подниму на воздух!

В это время телепередача из Космического городка закончилась, и по телевидению начали показывать новую кинокомедию про какого-то бывшего богача, который не хотел работать, а так как его отказались кормить в столовой, он решил готовить для себя сам, только из его стараний ничего не выходило. Купленные яйца он положил на стул, а потом сел на них, пакет с маслом уронил на пол, тут же наступил на него ногой и, поскользнувшись, упал да зацепился рукой за чайник с горячей водой и выплеснул ее себе прямо на лысину. Весь вечер он бился на кухне, наконец свалился в пустой сундук и заснул в нем, а наутро побежал устраиваться на работу.

— Это что? — кричал в возмущении Спрутс. — Это же про меня! Да как они смели? Разве они забыли, кто я? Я ведь им не какой-нибудь замухрышка! Я Спрутс! Пусть бы они попались мне раньше. Я б их скрутил! А теперь я кто? Кто, я вас спрашиваю! Теперь я для них никто, потому что все полетело к черту! Раньше меня небось и кормили, и одевали, и купали, и спать укладывали, и катали, и пылинки с меня сдували, всю грязь за мной убирали, всячески заботились обо мне, во! А теперь я сам должен о себе заботиться, сам должен все делать! Почему, я вас спрашиваю? С какой стати! Раньше все меня почитали и уважали за мое богатство, заискивали передо мной, низенько кланялись мне, а теперь все надо мной смеются да еще кинокомедии про меня снимают! Это же оскорбление! Я не потерплю этого! Я им покажу! Я их за это в клочки! Вдребезги! Где динамит? Дайте мне динамиту! Завтра же едем за динамитом!

Он еще долго так разорялся. Насилу Жулио успокоил его и, пообещав завтра же с утра отправиться за динамитом, уложил спать в сундук.

Глава тридцать шестая К ЗЕМЛЕ

Прошло несколько дней, с тех пор как Незнайка приехал со своими друзьями в Космический городок. Здесь все ему очень понравилось. Проснувшись поутру, он сейчас же отправлялся на огород и гулял там среди зарослей свеклы, морковки, огурцов, помидоров, арбузов или бродил среди высоченных стеблей гигантской земной пшеницы, ржи, проса, гречихи, чечевицы, а также овса, из которого делается замечательная крупа для очень вкусной овсяной каши.

— Здесь все почти как у нас в Цветочном городе, — говорил Незнайка. — Только в Цветочном городе было немножко лучше. Здесь как будто чего-то все-таки не хватает.

Однажды Незнайка проснулся утром и почувствовал какое-то недомогание. У него ничего не болело, но было такое ощущение, будто он очень-очень устал и не в силах подняться с постели. Время, однако, подходило к завтраку, поэтому он кое-как встал, оделся, умылся, но, когда сел завтракать, почувствовал, что абсолютно не хочет есть.

— Вот видите, какие еще здесь на Луне штучки бывают! — проворчал Незнайка. — Когда хочется есть, так есть нечего, а когда есть, что есть, так не хочется есть!

Кое-как справившись со своей порцией, он положил ложку на стол и вышел во двор. Через минуту все увидели, что он возвращается обратно. Лицо его было испуганно.

— Братцы, а где же солнышко? — спросил он, с недоумением озираясь вокруг.

— Ты, Незнайка, какой-то осел! — ответил с насмешкой Знайка. — Ну какое тут солнышко, когда мы на Луне или, вернее сказать, в Луне.

— Ну, а я и забыл! — махнул Незнайка рукой.

После этого случая он весь день вспоминал про солнышко, за обедом ел мало и только к вечеру успокоился. А на следующее утро все началось снова:

— Где же солнышко? — хныкал он. — Хочу, чтоб было солнышко! У нас в Цветочном городе всегда было солнышко.

— Ты лучше вот что, голубчик, не дури! — сказал ему Знайка.

— А может быть, он у нас больной? — сказал доктор Пилюлькин. — Осмотрю-ка его, пожалуй.

Затащив Незнайку в свой кабинет, доктор Пилюлькин принялся тщательно обследовать его. Осмотрев уши, горло, нос и язык, Пилюлькин с недоумением покачал головой, после чего велел Незнайке снять рубашку и принялся стучать по его спине, по плечам, по груди и по животу резиновым молоточком, прислушиваясь при этом, какой получается звук.

Видно, звук получался не такой, какой надо, поэтому Пилюлькин все время морщился, пожимал плечами и тряс головой. Потом он велел Незнайке лечь на спину и начал нажимать ему ладонями на живот в разных местах, приговаривая:

— Так больно?.. Не больно?.. А так?..

И опять каждый раз сокрушенно качал головой.

Наконец он измерил Незнайке температуру, а также пульс и кровяное давление, после чего велел ему оставаться в постели, а сам пошел к коротышкам и потихоньку сказал:

— Беда, голубчики. Незнайка наш болен.

— А что у него болит? — спросила Селедочка.

— В том-то и дело, что ничего не болит, но тем не менее он серьезно болен. Болезнь у него очень редкая. Ею болеют коротышки, которые слишком долго пробыли вдали от своих родных мест.

— Ишь ты! — удивился Знайка. — Так его надо лечить.

— Как же его лечить? — ответил доктор Пилюлькин. — От этой болезни никакого лекарства нет. Он должен как можно скорей вернуться на Землю. Только воздух родных полей может помочь ему. Такие больные всегда очень тоскуют вдали от родины, и это может для них плохо кончиться.

— Значит, надо нам отправляться домой? Ты это хочешь сказать? — спросил Знайка.

— Да, и притом как можно скорей, — подтвердил доктор Пилюлькин. — Думаю, что если мы сегодня же отправимся в путь, то успеем долететь до Земли с Незнайкой.

— Значит, нужно отправляться сегодня же. И нечего тут больше думать, — сказала Фуксия.

— А как же быть с Пончиком? — спросил Знайка. — Он ведь остался в Лос-Паганосе со своими крутильщиками. Не можем же мы покинуть его здесь одного.

— Мы со Шпунтиком сейчас же отправимся за Пончиком на вездеходе, — сказал Винтик. — К вечеру туда приедем, завтра утром обратно. В полдень здесь будем.

— Придется отлет назначить на завтра, — сказал Знайка. — Раньше никак не управимся.

— Ну что ж, до завтра, я думаю, Незнайка выдержит, — сказал доктор Пилюлькин. — Только вы, братцы, действуйте без промедления.

Винтик и Шпунтик тотчас же выкатили из гаража вездеход, взяли с собой Козлика, которого учили управлять вездеходом, и все трое покатили в Лос-Паганос. Доктор Пилюлькин поспешил сообщить Незнайке, что принято решение отправиться в обратный путь. Эта весть очень обрадовала Незнайку. Он даже вскочил с постели, стал говорить, что, как

только вернется домой, сейчас же напишет письмо Синеглазке, так как когда-то он обещал ей и теперь его мучит совесть за то, что он не выполнил обещания. Решив исправить свою ошибку, он заметно повеселел и принялся распевать песни.

— Не горюй, братцы! — говорил он. — Скоро увидим солнышко!

Доктор Пилюлькин сказал, чтоб он вел себя поспокойнее, так как его организм ослаблен болезнью и ему нужно беречь силы.

Вскоре радость Незнайки понемногу утихла и сменилась нетерпением.

— Когда же Винтик и Шпунтик вернутся? — то и дело приставал он к Пилюлькину.

— Они сегодня не могут приехать, голубчик. Они завтра приедут. Ты уж как-нибудь потерпи, а сейчас лучше ляг и поспи, — уговаривал его доктор Пилюлькин.

Незнайка ложился в постель, но, полежав минуточку, вскакивал:

— А вдруг они не приедут завтра?

— Приедут, голубчик, приедут, — успокаивал его Пилюлькин.

В те дни в Космическом городке гостили астроном Альфа и лунолог Мемега и приехавшие вместе с ними два физика Квантик и Кантик. Все четверо приехали специально, чтоб познакомиться с устройством космической ракеты и скафандров, так как сами собирались построить ракету и совершить космический полет к Земле. Теперь, когда тайна невесомости была раскрыта, межпланетные полеты стали доступны и для лунатиков. Знайка решил подарить лунным ученым точные чертежи ракеты и велел, чтоб им отдали оставшиеся запасы лунита и антилунита. Альфа сказал, что лунные ученые сохраняют Космический городок в порядке и устроят здесь космодром с площадкой для посадки прибывающих на их планету космических кораблей и для запуска ракет на другие планеты.

Когда космонавты пришли к решению возвратиться на Землю, Знайка, Фуксия и Селедочка отправились в ангар, чтобы произвести тщательную проверку работы всех узлов и механизмов ракеты. В проверке участвовали и Альфа с Мемегой, а также Кантик и Квантик. Для них это было чрезвычайно полезно, так как они получили возможность практически ознакомиться с устройством ракеты. К тому же было решено, что Альфа и Мемега совершат полет на ракете вместе с космонавтами. Достигнув поверхности Луны, космонавты пересядут в ракету НИП, а Альфа с Мемегой возвратятся на ракете ФИС обратно в Космический городок.

Проверка механизмов ракеты заняла все оставшееся в распоряжении космонавтов время и закончилась только к вечеру.

Завершив последние испытания, Знайка сказал:

— Теперь ракета готова к полету. Завтра утром включим невесомость

и отбуксируем космический корабль на стартовую площадку. А сейчас — спать. Перед полетом надо хорошо отдохнуть.

Выйдя из ангара и закрыв дверь на ключ, космонавты отправились в Космический городок. Не успели они скрыться вдаль, как из-за забора высунулись две головы в черных масках. Некоторое время они безмолвно торчали над забором и только посапывали носами. Наконец одна голова сказала голосом Жулио:

— Наконец-то убрались, чтоб им провалиться сквозь землю!

— Ничего. Пусть лучше взлетят на воздух! — проворчала другая голова голосом Спрутса.

Это на самом деле были Спрутс и Жулио.

Подождав еще немного и убедившись, что поблизости никого нет, Жулио сказал:

— Ну-ка, перелезай через забор, я тебе подам ящик с динамитом.

Спрутс, кряхтя, залез на забор и спрыгнул с другой стороны. Жулио поднял с земли ящик и стал подавать его Спрутсу через забор. Спрутс протянул кверху руки, стараясь подхватить ящик. Но ящик оказался очень тяжелый, Спрутс не удержал его и полетел вместе с ним на землю.

— Что ж ты швыряешь! — зашипел на него Жулио. — Там ведь динамит, а не макароны! Так шарахнет, что и мокрого места не останется!

Он перелез через забор вслед за Спрутсом и попытался открыть дверь ангара.

— Закрыта! — пробормотал он со злостью. — Придется делать подкоп.

Включив потайной фонарь и присев у стены, оба злоумышленника вытащили из карманов ножи и принялись рыть ими землю.

Коротышки в Космическом городе уже давно спали. Никто не ждал ничего плохого. Не спали лишь Знайка и профессор Звездочкин. Они были заняты математическими расчетами: необходимо было вычислить траекторию полета космического корабля, для того чтоб, поднявшись, он точно попал в отверстие, имевшееся в лунной сфере, сквозь которое можно было выбраться на поверхность Луны.

Уже было далеко за полночь, когда Знайка и профессор Звездочкин закончили все расчеты и стали ложиться спать. Раздевшись, Знайка выключил электричество и, забравшись в постель, уже хотел натянуть на себя одеяло; но как раз в это время раздался взрыв. Стены комнаты затряслись, с потолка с грохотом посыпалась штукатурка, стекла из окон вылетели, кровать, на которой лежал Знайка, перевернулась, и он выкатился из нее на пол.

Профессор Звездочкин, который спал в этой же комнате, тоже оказался на полу. Закутавшись в одеяло, Знайка моментально выскочил во двор и увидел поднимающийся кверху столб пламени и дыма.

— Ракета! Там ведь ракета! — закричал он выскочившему вслед за ним профессору Звездочкину.

Они бросились вперед, не обращая внимания на падавшие сверху обломки дерева, и, подбежав к месту, где раньше стоял ангар, увидели груды дымящихся развалин. К месту происшествия уже бежали остальные коротышки.

— Здесь произошел взрыв! Кто-то взорвал ракету! — закричал Знайка голосом, прерывающимся от волнения.

— Это не иначе, как полицейские! — воскликнул Квантик. — Они решили отомстить нам!

— Как же мы теперь полетим обратно? — спрашивали коротышки.

— Может быть, удастся починить ракету? — сказал Мемега.

— Как же чинить? Может быть, тут и самой ракеты не осталось, — ответила Фуксия.

— Спокойствие, братцы! — сказал Знайка, который первый овладел собой. — Надо быстренько растащить обломки и выяснить, что с космическим кораблем.

Коротышки принялись за работу. К рассвету место было расчищено, и все увидели, что силой взрыва ракету перевернуло набок. У нее начисто был оторван хвост, поврежден основной двигатель и вышиблены стекла иллюминаторов.

— Такие повреждения не удастся исправить и в две недели, — озабоченно сказал Знайка. — Придется отложить полет.

— Что ты, что ты! — воскликнул доктор Пилюлькин. — Об этом и думать не смей! Незнайка не выдержит две недели. Его надо отправить сегодня же.

— Ты же видишь, — ответил Знайка, показывая рукой на изувеченную ракету.

— А может быть, можно подняться на поверхность Луны просто в скафандрах? — сказала Селедочка. — Ведь наши скафандры приспособлены для полетов в состоянии невесомости. Поднявшись на поверхность Луны, мы сядем в ракету НИП и полетим к Земле.

— Это верная мысль! — обрадовался Знайка. — Но не повреждены ли скафандры? Они ведь в ракете.

Фуксия и Селедочка бросились к кабине ракеты и принялись нажимать кнопку, которая приводила в действие электромотор, открывавший дверь в шлюзовую камеру. Мотор, однако, не действовал, и дверь оставалась закрытой. Тогда инженер Клепка, который к тому времени совершенно поправился после ранения, залез внутрь кабины через разбитый иллюминатор и открыл дверь скафандрового отсека.

— Братцы, скафандры целы! — закричал он, убедившись, что скафандры были невредимы.

— Ура! — закричали, обрадовавшись, коротышки.

Инженеру Клепке удалось исправить электромотор и открыть дверь шлюзовой камеры. Коротышки тотчас же принялись вытаскивать наружу скафандры и тщательно проверять их.

К полудню в Космический городок вернулись Винтик, Шпунтик и Козлик с Пончиком, и космонавты начали приготовления к отлету.

Весть о том, что космонавты собираются улетать, быстро разнеслась среди нееловцев, и они всей деревней пришли, чтоб попрощаться со своими друзьями.

— Весь опытный огород и все посадки вокруг Космического городка мы дарим вам, — сказал нееловцам Знайка. — Теперь плоды уже скоро созреют, и вы уберете их. Вам одним это будет не под силу, но вы позовите на помощь коротышек из других деревень. Вместе вам легче будет. И в дальнейшем старайтесь выращивать побольше гигантских растений. Пусть гигантские растения распространятся по всей вашей планете, и тогда никакой нужды у вас больше не будет.

Нееловцы плакали от радости. Они целовали Знайку и всех остальных коротышек. А Козлик тоже был рад, так как Винтик и Шпунтик подарили ему свой вездеход.

— Как жаль, — говорил Козлик Незнайке. — У нас теперь самая настоящая жизнь начинается, а ты улетаешь!

— Ничего, — говорил Незнайка. — Мы еще прилетим к вам, и вы к нам прилетайте. А мне сейчас уже нельзя больше здесь оставаться. Мне очень хочется увидеть солнышко.

Как только Незнайка вспомнил про солнышко, слезы сейчас же закапали из его глаз. Силы покинули его, и он опустился прямо на землю. Доктор Пилюлькин подбежал и, увидев, что у Незнайки глаза сами собой закрылись, поскорей дал понюхать ему нашатырного спирта. Незнайка пришел в себя, но был очень бледен.

— Ну, как нам лететь с тобой? — убивался доктор Пилюлькин. — Тебе надо в постели лежать, а не в космический полет отправляться. Не знаю, как ты в таком состоянии до Земли доберешься!

— Ничего, — сказал Винтик. — Мы со Шпунтиком возьмем кресло-качалку и приспособим к нему колесики. Можно будет возить Незнайку в этом кресле, чтоб он не тратил лишних сил.

Так они и сделали. Как только кресло было готово, Знайка отдал команду надеть всем скафандры. Коротышки тотчас принялись надевать скафандры, а Кантик и Квантик надели скафандр на Незнайку.

Нужно сказать, что скафандры эти несколько отличались от тех, которыми пользовались Незнайка и Пончик. На макушке гермошлема такого скафандра был установлен небольшой электродвигатель с четырехлопастным пропеллером вроде вентилятора. Пропеллер, вращаясь, под-

нимал космонавта в воздух. Придавая своему телу то или иное положение в пространстве, космонавт мог направлять свой полет в любую сторону. Помимо этого, пропеллер мог действовать на манер парашюта. При падении с большой высоты космонавт мог включить электродвигатель, и быстро вращающийся пропеллер тотчас бы замедлил падение.

Как только скафандры были надеты, Знайка приказал всем привязаться к длинному капроновому шнуру, который был приготовлен заранее. Все тотчас выполнили приказание. В то же время Кантик и Квантик и Альфа с Мемегой усадили Незнайку в кресло-качалку, прикрепили его ремнями к сиденью, чтоб он не вывалился в пути, а кресло тоже привязали к капроновому шнуру.

Наконец все приготовления были закончены. Космонавты прикрепили к поясам альпенштоки, ледорубы и геологические молотки и выстроились в цепочку. Знайка, стоявший впереди всех, включил прибор невесомости, который был прикреплен к скафандру у него за спиной, и

нажал кнопку электродвигателя. Послышалось мерное жужжание. Это завертелся пропеллер. Знайка, потеряв вес, плавно поднялся в воздух и потащил за собой остальных космонавтов.

Лунатики ахнули от изумления, увидев, как космонавты длинной вереницей поднялись в воздух. Все закричали, замахали руками, захлопали в ладоши, стали подбрасывать в воздух шапки. Некоторые даже прыгали от возбуждения. Многие плакали.

Космонавты между тем все быстрее и быстрее поднимались кверху. Скоро они превратились в едва заметные точки и наконец совсем скрылись из виду. Лунатики, однако, не расходились, словно надеялись, что пришельцы с далекой планеты Земли еще вернутся и они снова увидят их. Прошел целый час, и два часа прошло, наконец прошло три часа. Лунные коротышки начали терять надежду снова увидеть своих друзей.

И действительно, ждать больше было нечего. Космонавты в это время уже пробирались по наклонному ледяному тоннелю в оболочке Луны. Воздух здесь был крайне разрежен, поэтому пропеллер создавал слишком слабую тягу. Все же с помощью ледорубов, которыми вооружились космонавты, им удалось преодолеть все препятствия и пробраться в сосульчатый грот, а оттуда проникнуть в пещеру, из которой был выход на поверхность Луны.

Здесь Знайка решил поделить весь отряд на две группы. Первую группу необходимо было отправить вперед, чтобы, не теряя ни минуты, произвести проверку ракеты. Ведь с тех пор, как ракета НИП опустилась на поверхность Луны, прошло много времени, и она могла быть повреждена метеорами, не говоря уже о том, что в космический полет невозможно было отправляться без тщательнейшей проверки работы всех приборов и механизмов. В первую группу Знайка решил назначить себя, профессора Звездочкина, а также Фуксию и Селедочку. Остальным велел пока остаться в пещере и заняться добычей кристаллов лунита и антилунита, запас которых необходимо было доставить на Землю.

Доктор Пилюлькин сказал, что Незнайка чувствует себя очень плохо, поэтому его нужно немедленно отправить в ракету, где он может освободиться от тяжелого скафандра. Но Знайка сказал:

— Сейчас наступила лунная ночь. Солнце зашло, и на поверхности Луны очень холодно. Если ракета повреждена, то и в ней нельзя будет находиться без скафандра. Лучше вы пока побудьте с Незнайкой в пещере. Здесь все же теплей. Если же выяснится, что ракета в исправности, мы сообщим вам, и вы сейчас же доставите Незнайку к нам.

Отдав распоряжение никому не выходить из пещеры, чтобы не подвергаться лишнему воздействию космических лучей, Знайка отправился в обратный путь в сопровождении Фуксии, Селедочки и профессора Звездочкина.

Некоторые воображают, что, когда на Луне ночь, там очень темно и ничего не видно, но это неправда. Точно так же, как в лунную ночь нашу Землю освещает Луна, так и Луну освещает наша Земля, но поскольку земной шар значительно больше лунного, то и света от него получается больше. Если Луна с Земли кажется нам размером с небольшую тарелку, Земля с Луны выглядит, как большой круглый поднос. Наука установила, что свет Солнца, отражаемый нашей Землей, освещает Луну раз в девяносто сильней, чем тот свет, которым Луна освещает Землю. Это значит, что в той части Луны, с которой видна Земля, ночью можно свободно читать, и писать, и рисовать, и заниматься разными другими делами.

Как только Знайка и его спутники вышли из пещеры, они увидели над собой черное, бездонное небо с мириадами сверкающих звезд и огромным светящимся диском ярко-белого и даже слегка голубоватого цвета. Этот диск и была наша Земля, которая на этот раз была видна не в форме серпа или полумесяца, а в виде полного круга, так как Солнце освещало ее уже не боковыми, а прямыми лучами.

Освещенные земным диском, поверхность Луны и видневшиеся вдали горы были красноватого цвета: от светло-вишневого до пурпурного или темно-багрового, а все, что оставалось в тени, все, куда не проникал свет, вплоть до мельчайших трещинок под ногами, светилось мерцающим изумрудно-зеленым цветом. Это объяснялось тем, что поверхность лунных пород обладала способностью светиться под воздействием невидимых космических лучей. Куда бы космонавты ни обратили свой взор, они везде наблюдали как бы борьбу двух цветов: красного и зеленого, и только видневшаяся вдали ракета светилась ярко-голубым цветом, словно кусочек весеннего светло-голубого земного неба.

Космонавты, оставшиеся в пещере, решили не терять время зря и принялись за добычу лунита и антилунита. Ледорубы и геологические молотки дружно застучали о скалы. Впрочем, никакого стука не было слышно, потому что звук, как это теперь уже всем известно, не распространяется в безвоздушной среде.

В напряженной работе прошло около часа. Скоро от Знайки было получено по радиотелефону распоряжение доставить Незнайку в ракету. Знайка сообщил, что ракета не пострадала от метеоров, герметизация не нарушена, однако многие механизмы нуждаются в регулировке, а аккумуляторы — в смене электролита и зарядке. На все это потребуется не менее двенадцати часов, поэтому все оставшееся время Знайка велел использовать для добычи и погрузки в ракету лунита и антилунита.

Доктор Пилюлькин, ни секунды не медля, отправился в путь, везя перед собой кресло-качалку, на котором лежал Незнайка в своем скафандре. Когда Пилюлькин наконец доковылял до ракеты, Незнайка

ослабел настолько, что не мог встать с кресла, и его пришлось нести на руках. С помощью Знайки, Фуксии и Селедочки Пилюлькину удалось втащить Незнайку в ракету. Здесь с Незнайки стащили скафандр, сняли одежду и уложили на койку в каюте.

Освободившись от тяжелого скафандра, Незнайка почувствовал некоторое облегчение и даже порывался встать с койки, но постепенно силы снова покинули его. Слабость наступила такая, что ему трудно было пошевелить рукой или ногой.

— Что это за болезнь такая? — говорил Незнайка. — Мне кажется, будто я весь свинцовый и мое тело весит втрое больше, чем нужно.

— Этого не может быть, — отвечал ему Знайка. — Ты ведь на Луне и должен весить не втрое больше, а вшестеро меньше. Вот если бы ты попал на планету Юпитер, то действительно весил бы там втрое или, точнее говоря, в два и шестьдесят четыре сотых раза больше, чем на Земле. Зато на Марсе ты весил бы втрое меньше. А вот если бы ты угодил на Солнце...

— Ну ладно, ладно, — перебил его доктор Пилюлькин. — Не утруждай его этими цифрами. Позаботься лучше, чтоб скорей отправляться в полет.

Знайка ушел, и они вместе со Звездочкиным занялись проверкой работы электронной вычислительной машины. Через несколько часов все механизмы были проверены, но ракета не могла отправиться в полет до тех пор, пока не закончится зарядка аккумуляторов, от которых зависела исправная работа всех осветительных и отопительных приборов, а также двигателей.

Доктор Пилюлькин не отходил ни на шаг от Незнайки. Видя, что силы Незнайки падают, он не знал, что предпринять, и очень нервничал. Правда, как только была включена невесомость и ракета отправилась наконец в путь, самочувствие Незнайки сделалось лучше. Но опять ненадолго. Скоро он снова начал жаловаться, что его давит тяжесть, хотя, конечно, никакой тяжести не могло быть, поскольку он, как и все остальные в ракете, находился в состоянии невесомости. Доктор Пилюлькин понимал, что эти болезненные ощущения являются следствием угнетенного психического состояния больного, и старался отвлечь Незнайку от мрачных мыслей, ласково разговаривая с ним и рассказывая ему сказки.

Все остальные коротышки заглядывали в каюту и вспоминали, какие еще бывают сказки, чтоб рассказать Незнайке. Все только и думали, чем бы помочь больному.

Спустя некоторое время они заметили, что Незнайка перестал проявлять интерес к окружающему и уже не слушает, что ему говорят. Глаза его медленно блуждали по потолку каюты, пересохшие губы что-то без-

звучно шептали. Доктор Пилюлькин изо всех сил прислушивался, но не мог разобрать ни слова.

Скоро глаза у Незнайки закрылись, и он заснул. Грудь его по-прежнему тяжело вздымалась. Дыхание со свистом вырывалось изо рта. Щеки горели лихорадочным румянцем. Постепенно дыхание его успокоилось. Грудь вздымалась все меньше и реже. Наконец Пилюлькину стало казаться, что Незнайка и вовсе не дышит. Почувствовав, что дело неладно, Пилюлькин схватил Незнайку за руку. Пульс едва прощупывался и был очень медленный.

— Незнайка! — закричал, испугавшись, Пилюлькин. — Незнайка, проснись!

Но Незнайка не просыпался. Пилюлькин поскорей сунул ему под нос склянку с нашатырным спиртом. Незнайка медленно открыл глаза.

— Мне трудно дышать! — прошептал он с усилием.

Увидев, что Незнайка снова закрыл глаза, доктор Пилюлькин принялся трясти его за плечо.

— Незнайка, не спи! — закричал он. — Ты должен бороться за жизнь! Слышишь? Не поддавайся! Не спи! Ты должен жить, Незнайка! Ты должен жить!

Заметив, что лицо Незнайки заливают какая-то странная бледность, Пилюлькин снова схватил его за руку. Пульс не прощупывался. Пилюлькин прижался ухом к груди Незнайки. Биения сердца не слышались. Он снова дал понюхать Незнайке нашатырного спирта, но это не произвело никакого действия.

— Кислород! — закричал Пилюлькин, отбрасывая склянку с нашатырным спиртом в сторону.

Винтик и Шпунтик схватили резиновую подушку и помчались в газовый отсек, где хранились баллоны с кислородом, а Пилюлькин, не теряя ни секунды времени, принялся делать Незнайке искусственное дыхание. Коротышки, собравшиеся у дверей каюты, с тревогой следили, как доктор Пилюлькин ритмически поднимал руки Незнайки вверх и тут же опускал их вниз, плотно прижимая к груди. По временам он на минуточку останавливался и, прислонившись ухом к груди Незнайки, старался уловить биение сердца, после чего продолжал делать искусственное дыхание.

Никто не мог сказать, сколько прошло времени. Всем казалось, что очень много. Наконец Пилюлькину послышалось, будто Незнайка вздохнул. Пилюлькин насторожился, но продолжал поднимать и опускать руки Незнайки, пока не убедился, что дыхание восстановилось. Увидев, что Винтик и Шпунтик принесли подушку с кислородом, он велел понемногу выпускать кислород из трубочки около рта больного. Коротышки с облегчением заметили, как страшная бледность стала исчезать с лица Незнайки. Наконец он открыл глаза.

— Дыши, дыши, Незнайка, — ласково сказал доктор Пилюлькин. — Теперь дыши, голубчик, самостоятельно. Глубже дыши. И не спи, дорогой, не спи! Потерпи капельку!

Он велел еще некоторое время давать больному кислород, а сам принялся вытирать со лба пот платочком. В это время кто-то из коротышек взглянул в иллюминатор и сказал:

— Смотрите, братцы, уже Земля близко.

Незнайка хотел приподняться, чтоб посмотреть, но от слабости не мог даже повернуть голову.

— Поднимите меня, — прошептал он. — Я хочу еще разочек увидеть Землю!

— Поднимите его, поднимите! — разрешил доктор Пилюлькин.

Фуксия и Селедочка взяли Незнайку под руки и поднесли к иллюминатору. Незнайка взглянул в него и увидел Землю. Теперь она была видна не так, как с Луны, а в виде огромного шара со светлыми пятнами материков и темными морями и океанами. Вокруг земного шара был светящийся ореол, который окутывал всю Землю, словно теплое, мягкое пуховое одеяло. Пока Незнайка смотрел, Земля заметно приблизилась, и земной шар уже невозможно было охватить полностью взором.

Увидев, что Незнайка устал и тяжело дышит, Фуксия и Селедочка понесли его обратно в постель, но он сказал:

— Оденьте меня!

— Хорошо, хорошо, — сказал доктор Пилюлькин. — Отдохни немного. Сейчас мы оденем тебя.

Фуксия и Селедочка уложили Незнайку в постель, надели на него желтенькие, канареечные, брюки и оранжевую рубашку, натянули на ножки чулочки и обули ботиночки, наконец повязали на шею зеленый галстук и даже надели на голову его любимую голубую шляпу.

— А теперь несите меня! Несите! — зашептал прерывающимся голосом Незнайка.

— Куда же тебя нести, голубчик? — удивился Пилюлькин.

— На Землю! Скорее!.. На Землю надо!

Увидев, что Незнайка снова лихорадочно дышит и весь дрожит, Пилюлькин сказал:

— Хорошо, хорошо. Сейчас, голубчик! Несите его в кабину.

Фуксия и Селедочка вынесли Незнайку из каюты. Доктор Пилюлькин открыл кабину лифта, и все четверо спустились в хвостовую часть ракеты. Вслед за ними спустились Винтик и Шпунтик, профессор Звездочкин и другие коротышки. Увидев, что Фуксия и Селедочка остановились у двери, Незнайка забеспокоился:

— Несите, несите! Что же вы?.. Откройте дверь!.. На Землю! — шептал он, жадно ловя воздух губами.

— Сейчас, миленький, погоди! Сейчас откроем, — отвечал Пилюлькин, стараясь успокоить Незнайку. — Сейчас, голубчик, спросим у Знайки, можно ли открыть дверь.

И сейчас же, словно в ответ на это, в громкоговорителе послышался голос Знайки, который продолжал оставаться на своем посту в кабине управления:

— Внимание! Внимание! Начинаем посадку. Приготовьтесь к включению тяжести! Всем приготовиться к тяжести!

Коротышки, не успевшие сообразить, что должно произойти, неожиданно ощутили тяжесть, которая подействовала на них, словно толчок, сбивший всех с ног. Винтик и Шпунтик первые сообразили, что произошло, и, вскочив на ноги, подняли с пола больного Незнайку, а Пилюлькин и Звездочкин помогли подняться Фуксии и Селедочке.

Не успели коротышки освоиться с тяжестью, как последовал второй толчок, и все снова очутились на полу.

— Земля!.. Приготовиться к посадке! — раздался голос Знайки. — Открыть двери шлюза.

Профессор Звездочкин, который находился ближе всех к выходу, решительно нажал кнопку. Луч света сверкнул в открывшейся двери.

— Несите меня! Несите! — закричал Незнайка и потянулся руками к свету.

Винтик и Шпунтик вынесли его из ракеты и стали спускаться по металлической лестничке. У Незнайки захватило дыхание, когда он увидел над головой яркое голубое небо с белыми облаками и сияющее в вышине солнышко. Свежий воздух опьянил его. Все поплыло у него перед глазами: и зеленый луг с пестревшими среди изумрудной травы желтенькими одуванчиками, беленькими ромашками и синими колокольчиками, и деревья с трепещущими на ветру листочками, и синевшая вдаль серебристая гладь реки.

Увидев, что Винтик и Шпунтик уже ступили на землю, Незнайка страшно заволновался.

— И меня поставьте! — закричал он. — Поставьте меня на землю!

Винтик и Шпунтик осторожно опустили Незнайку ногами на землю.

— А теперь ведите меня! Ведите! — кричал Незнайка.

Винтик и Шпунтик потихоньку повели его, бережно поддерживая под руки.

— А теперь пустите меня! Пустите! Я сам!

Видя, что Винтик и Шпунтик боятся отпустить его, Незнайка принялся вырываться из рук и даже пытался ударить Шпунтика. Винтик и Шпунтик отпустили его. Незнайка сделал несколько неуверенных шагов, но тут же рухнул на колени и, упав лицом вниз, принялся целовать

землю. Шляпа слетела с его головы. Из глаз покатились слезы. И он прошептал:

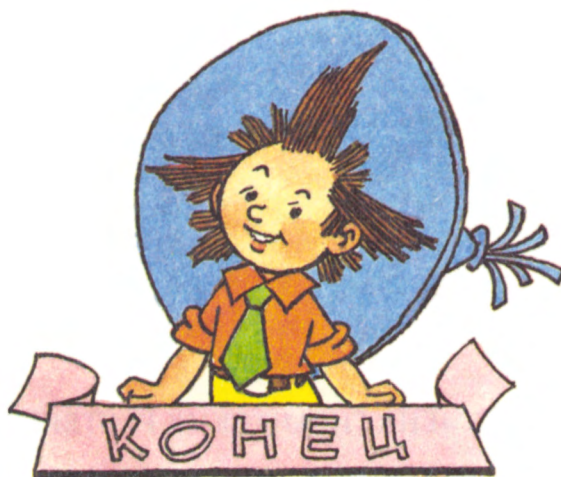
— Земля моя, матушка! Никогда не забуду тебя!

Красное солнышко ласково пригревало его своими лучами, свежий ветерок шевелил его волосы, словно гладил его по головке. И Незнайке казалось, будто какое-то огромное-преогромное чувство переполняет его грудь. Он не знал, как называется это чувство, но знал, что оно хорошее и что лучше его на свете нет. Он прижимался грудью к земле, словно к родному, близкому существу, и чувствовал, как силы снова возвращаются к нему и болезнь его пропадает сама собой.

Наконец он выплакал все слезы, которые у него были, и встал с земли. И весело засмеялся, увидев друзей-коротышек, которые радостно приветствовали родную Землю.

— Ну вот, братцы, и все! — весело закричал он. — А теперь можно снова отправляться куда-нибудь в путешествие!

Вот какой коротышка был этот Незнайка.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть III

Глава восемнадцатая.	
КАК СКУПЕРФИЛЬД ПОПАЛ В ЛОВУШКУ	3
Глава девятнадцатая.	
БЕГСТВО	11
Глава двадцатая.	
ГИБЕЛЬ ОБЩЕСТВА ГИГАНТСКИХ РАСТЕНИЙ	22
Глава двадцать первая.	
ПРИКЛЮЧЕНИЯ СКУПЕРФИЛЬДА	29
Глава двадцать вторая.	
КАК НЕЗНАЙКА И КОЗЛИК ПРИБЫЛИ В САН-КОМАРИК	40
Глава двадцать третья.	
В «ТУПИЧКЕ»	49
Глава двадцать четвертая.	
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОНЧИКА	60
Глава двадцать пятая.	
ПАНИКА НА ДАВИЛОНСКОЙ БАРЖЕ	71
Глава двадцать шестая.	
НЕЗНАЙКА РАБОТАЕТ	79
Глава двадцать седьмая.	
ПОД МОСТОМ	88

Часть IV

Глава двадцать восьмая.	
КОГДА ИСЧЕЗЛА РАКЕТА	97
Глава двадцать девятая.	
ЗНАЙКА СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ	105
Глава тридцатая.	
БОРЬБА НАЧИНАЕТСЯ	117
Глава тридцать первая.	
КОЛОСОК ПОЛУЧАЕТ СЕМЕНА ГИГАНТСКИХ РАСТЕНИЙ	128
Глава тридцать вторая.	
НЕВЕСОМОСТЬ ИДЕТ В НАСТУПЛЕНИЕ	138
Глава тридцать третья.	
ПОНЧИК ПЕРЕВОСПИТЫВАЕТСЯ	146
Глава тридцать четвертая.	
НЕЗНАЙКА НА ДУРАЦКОМ ОСТРОВЕ	157
Глава тридцать пятая.	
ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН	166
Глава тридцать шестая.	
К ЗЕМЛЕ	176

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

НЕЗНАЙКА НА ЛУНЕ

РОМАН-СКАЗКА

Книга вторая

Ответственный
и художественный редактор
А. Б. САПРЫГИНА

Технический редактор
Л. П. КОСТИКОВА

Корректор
Е. С. АКСЕНОВА

*Издание подготовлено
в компьютерном центре
издательства «РОСМЭН»*

ЛР №0634423 от 26 мая 1994 г.
Подписано к печати 19.03.96.
Формат 84×108 1/16.
Бум.офс. №1.
Гарнитура таймс. Печать офс.
Усл.печ.л. 21. Уч.-изд. л. 15,9.
Тираж 25 000 экз.
Заказ № 1747. С — 317.

Издательство «Росмэн».
125124, Москва, а/я 62.
1-я ул. Ямского поля, 28.

Отдел реализации 257-46-61.
Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы
им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, пр. 50-летия Октября, 46.

ISBN 5—7519—0301—3

Н 4803010201 — 317 Без объявл.
38Г(03) — 96

© Н. Носов, текст, 1996
© Г. Вальк, иллюстрации, 1996
© «Росмэн», макет, 1996

